

ISSN 2542-0364
ISSN-L 2219-6838

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ПРАКТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ**

6/2025

Научный журнал открытого доступа, посвященный фундаментальным и прикладным исследованиям права и смежных наук. Концепция открытости и доступности поощряет и способствует появлению неординарных и смелых идей в области права и академический обмен актуальной научной информацией. В журнале публикуются статьи, отвечающие требованиям научной новизны и актуальности, характеризующиеся академическим подходом к научному исследованию и изложению его результатов

Учредитель: Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ю. С. Безбородов, главный редактор, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Андреева Ольга Ивановна, д. ю. н., доц., ТГУ, Томск, РФ

Болтинова Ольга Викторовна, д. ю. н., проф., Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ

Василевская Людмила Юрьевна, д. ю. н., проф., Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ

Волчецкая Татьяна Станиславовна, д. ю. н., проф., БФУ имени И. Канта, Калининград, РФ

Головина Светлана Юрьевна, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Ергашев Евгений Рашидович, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Загайнова Светлана Константиновна, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Заметина Тамара Владимировна, д. ю. н., проф., СГЮА, Саратов, РФ

Зигмунт Ольга Александровна, д. ф. н., Университет Фехты, Фехта, Германия

Игнатьева Инна Анатольевна, д. ю. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Кодан Сергей Владимирович, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Козаченко Иван Яковлевич, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Козлова Наталия Владимировна, д. ю. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Койстинен Ярмо, к. ю. н., Центральная криминальная полиция, Хельсинки, Финляндия

Комарова Валентина Викторовна, д. ю. н., проф., Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ

Кондрашова Татьяна Владимировна, к. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Кононов Павел Иванович, д. ю. н., проф., судья Второго арбитражного апелляционного суда, Киров, РФ

Кочкарова Эристина Азрет-Алиевна, д. ю. н., проф., КГЮА, Бишкек, Кыргызстан

Кудрявцева Елена Васильевна, д. ю. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Кузнецов Петр Уварович, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Лисаченко Алексей Владимирович, к. ю. н., доц., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Логинова Татьяна Евгеньевна, к. ю. н., доц., ПГНИУ, Пермь, РФ

Марковичева Елена Викторовна, д. ю. н., проф., РГУП, Москва, РФ

Марочкин Сергей Юрьевич, д. ю. н., проф., ТюмГУ, Тюмень, РФ

Мещанова Мария Валентиновна, д. ю. н., доц., БГУ, Минск, Беларусь

Мороз Светлана Павловна, д. ю. н., проф., КОУ, Алматы, Казахстан

Мотревич Владимир Павлович, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Никишин Владислав Васильевич, д. ю. н., проф., Санкт-Петербургская академия Следственного комитета РФ, Санкт-Петербург, РФ

Осинцев Дмитрий Владимирович, д. ю. н., проф., УрЮИ МВД РФ, Екатеринбург, РФ

Поликастро Паскуале, доктор права, проф., Щецинский университет, Щецин, Польша

Поляков Сергей Борисович, д. ю. н., проф., НИУ «ВШЭ», Москва, РФ

Понаморенко Владислав Евгеньевич, д. ю. н., проф., НИУ «ВШЭ», Москва, РФ

Попондопуло Владимир Федорович, д. ю. н., проф., СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ

Рыбакова Светлана Викторовна, д. ю. н., доц., ИЗиСП, Москва, РФ

Сахнова Татьяна Владимировна, д. ю. н., проф., СФУ, Красноярск, РФ

Смахтин Евгений Владимирович, д. ю. н., проф., ТюмГУ, Тюмень, РФ

Стахов Александр Иванович, д. ю. н., проф., РГУП, Москва, РФ

Сюань Фей, доц., Восточно-китайский университет политики и права, Шанхай, Китай

Толстых Владислав Леонидович, д. ю. н., доц., проф., МГИМО МИД России, Москва, РФ

Трунк Александр, д. ю. н., проф., Кильский университет, Киль, Германия

Фёдоров Игорь Вадимович, к. ю. н., доц., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Фёдорова Марина Юрьевна, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Хазанов Сергей Дмитриевич, к. ю. н., доц., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Хуан Даосю, проф., Политико-юридический университет Китая, Пекин, Китай

Чалый Вадим Александрович, д. ф. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Шафиров Владимир Моисеевич, д. ю. н., проф., РГУП, Москва, РФ

Шокинс Пол, проф., Католический университет Левена, Левен, Бельгия

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, Единый государственный перечень научных изданий (Белый список) и индексируется в РИНЦ, DOAJ, Ulrich's, WorldCat, HeinOnline, ResaerchBIB.

Все публикуемые материалы доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

The open access scientific journal dedicated to fundamental research in law and related sciences. The concept of openness and accessibility encourages and promotes the emergence of innovative ideas in the field of law and the academic exchange of scientific information. The journal publishes scientific articles distinguished by novelty, topicality and an academic approach to research and presentation of results.

Founder: Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.

EDITORIAL BOARD

Bezborodov Yury, editor-in-chief, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Andreeva Olga, doctor of legal sciences, assoc. prof., Tomsk State University, Tomsk

Boltinova Olga, doctor of legal sciences, prof., Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Moscow

Chaly Vadim, doctor of philosophy, prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow

Ergashev Evgeny, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Fedorov Igor, candidate of legal sciences, assoc. prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Fedorova Marina, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Golovina Svetlana, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Huang Daoxiu, prof., Political Law University, Beijing (China)

Ignatieva Inna, doctor of legal sciences, prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow

Khazanov Sergey, candidate of legal sciences, assoc. prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Kochkarova Eristina, doctor of legal sciences, prof., Kyrgyz State Law University, Bishkek (Kyrgyzstan)

Kodan Sergey, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Koistinen Jarmo, candidate of legal sciences, Central Criminal Police, Helsinki (Finland)

Komarova Valentina, doctor of legal sciences, prof., Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Moscow

Kondrashova Tatyana, candidate of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Kononov Pavel, doctor of legal sciences, prof., judge of the Second Arbitration Appeal Court, Kirov

Kozachenko Ivan, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Kozlova Natalia, doctor of legal sciences, prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow

Kudryavtseva Elena, doctor of legal sciences, prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow

Kuznetsov Petr, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Lisachenko Aleksey, candidate of legal sciences, assoc. prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Loginova Tatyana, candidate of legal sciences, assoc. prof., Perm State University, Perm

Markovicheva Elena, doctor of legal sciences, prof., Russian State University of Justice, Moscow

Marochkin Sergey, doctor of legal sciences, prof., Tyumen State University, Tyumen

Miashchanava Maryia, doctor of legal sciences, prof., Belarusian State University, Minsk (Belarus)

Moroz Svetlana, doctor of legal sciences, prof., Caspian University, Almaty (Kazakhstan)

Motrevitch Vladimir, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Nikishin Vladislav, doctor of legal sciences, prof., Saint-Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Saint-Petersburg

Osintsev Dmitriy, doctor of legal sciences, prof., Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Yekaterinburg

PolICASTRO Pasquale, doctor of legal sciences, prof., University of Szczecin (Poland)

Polyakov Sergey, doctor of legal sciences, prof., HSE University, Moscow

Ponomarenko Vladislav, doctor of legal sciences, prof., HSE University, Moscow

Popondopulo Vladimir, doctor of legal sciences, prof., Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

Rybakova Svetlana, doctor of legal sciences, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the RF, Moscow

Sakhnova Tatyana, doctor of legal sciences, prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Shoukens Paul, doctor of legal sciences, Research Unit Labour and Social Security Law of KU Leuven (Belgium)

Shafirov Vladimir, doctor of legal sciences, prof., Russian State University of Justice, Moscow

Siegmunt Olga, doctor of legal sciences, University of Vechta, Vechta (Germany)

Smakhtin Evgeniy, doctor of legal sciences, prof., Tyumen State University, Tyumen

Stakhov Aleksandr, doctor of legal sciences, prof., Russian State University of Justice, Moscow

Tolstykh Vladislav, doctor of legal sciences, prof., Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia, Moscow

Trunk Alexander, doctor of legal sciences, prof., Kiel University, Kiel (Germany)

Vasilevskaya Lyudmila, doctor of legal sciences, prof., Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Moscow

Volchetskaya Tatyana, doctor of legal sciences, prof., Baltic Federal University named after I. Kant, Kaliningrad

Xiuyan Fei, assoc. prof., International Law School and Institute of BRICS Legal Studies, East China University of Political Science and Law, Shanghai (China)

Zagaynova Svelana, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Zametina Tamara, doctor of legal sciences, prof., Saratov State Law Academy, Saratov

The journal is included in the List of Peer-reviewed Scientific Publications of the Higher Attestation Commission, the Unified State List of Scientific Publications (White List) and is indexed in RSCI, DOAJ, Ulrich's, WorldCat, HeinOnline, ResearchBIB.

All published materials are available under the Creative Commons Attribution 4.0 License

© Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЕ И ПОЛИТОЛОГИЯ

- Кожевников О. А.** Государственная власть и местное самоуправление: российская модель построения взаимодействия 6
- Фетюков Ф. В.** Участие гражданского общества в противодействии вовлечению молодежи в экстремистские и террористические организации 15

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Терентьев А. В.** Несколько мест жительства гражданина: цивилистический аспект 25
- Устюжанина В. О.** Особенности признания электронных сделок недействительными: основания и последствия 30

ЭКСПЕРТИЗА

- Ващекин А. Н., Ващекина И. В.** О судебной защите товарных знаков в условиях кросс-санкций 35
- Ермишина Н. С., Коваленков А. В., Палашов В. А.** «Криминалистический профайлинг»: возможности и перспективы 40
- Ловчикова Ю. В.** Особенности исчисления и уплаты туристического налога в Российской Федерации 49

ЮРИДИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

- Зипунникова Н. Н.** Университетские грамоты в системе российского законодательства об образовании и науке: историко-правовая миниатюра 56

СТУДЕНЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

- Котовой А. С.** Судебная защита права граждан на благоприятную окружающую среду 66
- Кряжевских К. А.** Теоретические подходы к определению пределов проверки государственными судами арбитражных решений 72

ВАША БИБЛИОТЕКА

- Архипов С. И.** Фундаментальное монографическое исследование творческого наследия С. С. Алексеева. Рец. на кн.: Семитко А. П. Учение С. С. Алексеева о праве: краткая научная биография. – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2024. – 805 с. 80

CONTENTS

PUBLIC ISSUES AND POLITICAL SCIENCE

- Kozhevnikov O.* State power and local self-government: the Russian model of interaction building 6
- Fetyukov F.* The participation of civil society in countering the involvement of young people in extremist and terrorist organizations 15

CIVIL LAW AND PROCEDURE

- Terentyev A.* Several places of residence of a citizen: the civil aspect 25
- Ustuzhanina V.* Features of recognition of electronic transactions as invalid: grounds and consequences 30

EXPERTISE

- Vashchekin A., Vashchekina I.* On judicial protection of trademarks in the context of cross-sanctions 35
- Ermishina N., Kovalenkov A., Palashov V.* «Forensic profiling»: opportunities and prospects 40
- Lovchikova Yu.* Features of calculation and payment of tourist tax in the Russian Federation 49

LEGAL HERITAGE

- Zipunnikova N.* University certificates in the system of Russian legislation on education and science: a historical and legal miniature 56

STUDENTS' BULLETIN

- Kotovoy A.* Judicial protection of citizens' right to a favorable environment 66
- Kryazhevskikh K.* Theoretical approaches to determining the limits of verification by state courts of arbitral awards 72

LIBRARY

- Arkhipov S.* A fundamental monographic study of the creative heritage of S. S. Alekseev. Book review: *Semitko A. P.* S. S. Alekseev's Doctrine of Law: a brief scientific biography. – Yekaterinburg: Humanitarian University, 2024. – 805 p. 80

УДК / UDC 342

DOI: 10.34076/22196838_2025_6_6

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ: РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ПОСТРОЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Кожевников Олег Александрович

Профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), профессор кафедры конституционного и международного права Уральского государственного экономического университета, доктор юридических наук, профессор, ORCID: 0000-0003-1371-7249, e-mail: jktu1976@yandex.ru.

В статье представлен краткий обзор вариантов содержания категории «взаимодействие» и ее развития в рамках правоотношений между органами государственной власти и местного самоуправления за период новейшей российской истории начиная с 1990 г. в зарубежной и отечественной международно-правовой доктрине. Подчеркивается, что история развития отношений между уровнями государственной власти и местным самоуправлением в лице его органов за последние 35 лет «впитала» в себя все известные правовой доктрине модели взаимодействия между органами государства и муниципальных образований. Автор полагает, что, не реализовав в полной мере «потенциал» каждой из моделей после вступления в силу Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», российское государство и общество все больше приближается к восстановлению «советской модели» взаимоотношений между уровнями публичной власти, что, несомненно, говорит о снижении уровня самостоятельности муниципальной власти и дискуссионности положений Конституции РФ о рассмотрении местного самоуправления как одной из форм народовластия.

Ключевые слова: органы государственной власти, органы местного самоуправления, модели взаимодействия, Конституция, практика Конституционного Суда РФ

Для цитирования: Кожевников О. А. Государственная власть и местное самоуправление: российская модель построения взаимодействия // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 6. С. 6–14. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_6_6.

STATE POWER AND LOCAL SELF-GOVERNMENT: THE RUSSIAN MODEL OF INTERACTION BUILDING

Kozhevnikov Oleg

Professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), professor, Ural State University of Economics, doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0003-1371-7249, e-mail: jktu1976@yandex.ru.

The article provides a brief overview of the content options for the category «interaction» and its development within the framework of legal relations between state authorities and local governments over the period of modern Russian history, starting in 1990 in foreign and domestic international legal doctrine. The author emphasizes the fact that the history of the development of relations between the levels of government and local self-government in the person of its bodies over the past 35 years has «absorbed» all the models of interaction known to the legal doctrine between state bodies and municipalities. The author believes that, having failed to fully realize the «potential» of each of the models after the entry into force of Federal Law № 33-FZ dated 20 March 2025 «On General Principles of Organizing Local Self-Government in a Unified System of Public Authority», the Russian state and society are increasingly approaching the restoration of the «Soviet model» of relations

between levels of public authority, which undoubtedly, this indicates a decrease in the level of independence of municipal authorities and the controversial provisions of the Constitution of the Russian Federation on the consideration of local self-government as one of the forms of democracy.

Key words: state authorities, local self-government bodies, models of interaction, Constitution, practice of the Constitutional Court of the Russian Federation

*For citation: Kozhevnikov O. (2025) State power and local self-government: the Russian model of interaction building. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskemu zhurnalu»*, no. 6, pp. 6–14, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_6_6.*

Вопросы построения, функционирования и эффективности власти всегда находятся в фокусе внимания не только самой власти и ее представителей, но и, конечно же, многочисленных исследователей. Однако совершенно очевиден тот факт, что сила власти и ее способность эффективно решать стоящие перед ней задачи заключается в ее функциональном единстве, т. е. нацеленности на полноценное взаимодействие между уровнями властной вертикали в целях обеспечения поступательного развития государства, общества, повышения уровня и качества жизни каждого гражданина, вне зависимости от места его проживания и нахождения.

Категория «взаимодействие» и ее содержание не являются исключительно прерогативой правовой науки, что, несомненно, выступает одновременно и плюсом, и минусом. В толковых словарях русского языка под взаимодействием понимается «взаимная связь явлений», «взаимные воздействия между явлениями, сопровождающиеся изменениями данных явлений или объектов»¹. С философской точки зрения «взаимодействие» рассматривается как понятие, отражающее процессы воздействия различных объектов друг на друга, их взаимную обусловленность и изменение состояния или взаимопереход, а также порождение одним объектом другого². Психология называет несколько типов взаимодействия: конкуренция, дружба, конфликт и т. д.³ В социологии социальное взаимодействие определяется как совместное действие и взаимовлияние двух и более индивидов или социальных групп, в ходе которых достигается соотнесенность по смыслу и взаимная коррекция их поведения⁴. Наконец, в управленческой науке под взаимодействием понимают творческую деятельность, ориентированную на долгосрочные отношения взаимодействующих субъектов по обеспечению экономически эффективного и социально ответственного процесса создания, распределения и использования товарно-денежных ценностей⁵. Таким образом, нельзя не заметить, что термин «взаимодействие» имеет многоаспектный характер и его содержание во многом зависит от того, в какой области человеческих знаний и отношений он присутствует и рассматривается профильными специалистами.

Обращаясь к юридической науке, мы также можем с высокой степенью очевидности констатировать факт отсутствия единого подхода к пониманию содержания категории «взаимодействие». Так, по мнению профессора Р. А. Ромашова, взаимодействие является формой межсубъектной коммуникации, в рамках которой происходит перевод правовой информации в правовое поведение. Соответственно, правовое взаимодействие включает не только субъективные юридические права и обязанности, но и действия участников по их приобретению, изменению, прекращению, а также деятельность по их осуществлению⁶. Представитель новосибирской школы права

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1989. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=3017&ysclid=miovtpehxg21411540> (дата обращения: 13.07.2025).

² Спиркин А. Г. Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphras.ru/elib/0605.html> (дата обращения: 13.07.2025).

³ Словарь психолога. URL: <https://institutnv.ru/slovar-psiologa/vzaimodeystviye/> (дата обращения: 13.07.2025).

⁴ Ковалев А. Д. Социальное взаимодействие // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/sotsial-noe-vzaimodeistvie-66b3c7/?v=5846545> (дата обращения: 13.07.2025).

⁵ Бочаров Н. А. Взаимодействие как новая управленческая категория // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2014. № 13.

⁶ Ромашов Р. А. Теория конституционно-правового отношения // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 9. С. 25–32.

Я. А. Коновальчиков в одной из своих работ дал определение правового взаимодействия как целенаправленной правовой деятельности, которую осуществляют два и более субъекта, обладающих правоспособностью и дееспособностью, путем использования оптимальных правовых средств для получения определенного результата¹. Присутствует «точечное» понимание взаимодействия и у представителей правоохранительной системы РФ. Так, В. А. Зоз, А. С. Лагуточкина трактуют взаимодействие как основанную на законах и подзаконных актах согласованную деятельность оперативных подразделений органов внутренних дел, осуществляемую с целью наиболее эффективного применения присущих им сил, средств, форм и методов по раскрытию преступлений².

Категория «взаимодействие» применительно к таким субъектам, как органы власти, уже давно стала «визитной карточкой» многих решений Конституционного Суда РФ. Так, в широко известном многим представителям конституционного и муниципального права постановлении Конституционного Суда РФ от 1 декабря 2015 г. № 30-П суд отметил, что «местное самоуправление является неотъемлемой частью единого механизма управления делами федеративного государства, в рамках которого органы местного самоуправления на началах взаимодействия и согласованного функционирования с федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации участвуют в конституционно установленных пределах в решении вытекающих из статей 2 и 7 (часть 1) Конституции Российской Федерации задач по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, созданию условий для достойной жизни и свободного развития человека»³. В контексте заявленной темы настоящей статьи нельзя не вспомнить конституционно-правовое толкование категории «взаимодействие», выраженное в заключении Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3: «...под единством системы публичной власти понимается прежде всего функциональное единство, что не исключает организационного взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления при решении задач на соответствующей территории. Это не отрицает самостоятельности местного самоуправления в пределах его полномочий и не свидетельствует о вхождении органов местного самоуправления в систему органов государственной власти (статья 12 Конституции Российской Федерации)»⁴. С одной стороны, казалось бы, такая простая категория, как взаимодействие, у всех на слуху и часто упоминается в правовых исследованиях и правоприменительной практике, с другой стороны, точного и единообразного подхода к содержанию названной категории нет до настоящего времени. Тем не менее полагаем, что если речь идет о взаимодействии между органами власти, то несомненно, что качественное построение механизмов его реализации, в том числе через инструменты правотворчества, в итоге определяет уровень и полноту реализации институтами власти своих компетенций, направленных на удовлетворение потребностей граждан и, что еще более важно, формирует уровень и механизмы доверия и уважения населения к институтам власти.

Обращая внимание на новейшую российскую историю, в которой за точку отсчета мы берем начало 1990-х гг., необходимо признать, что в РФ не сформировалось дей-

¹ Коновальчиков Я. А. Понятие правового взаимодействия и его особенности в конституционном праве // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Юриспруденция. 2020. № 1. С. 88–97. DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-88-97.

² Зоз В. А., Лагуточкина А. С. О правовых предпосылках понятия «взаимодействия» в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. № 1. С. 157.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 1 декабря 2015 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“ и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области „Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области“ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы».

⁴ Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации „О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти“, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации».

ственного правового регулирования и механизма реализации процессов взаимодействия между государственной и муниципальной властью. Более того, рассматривая даже столь короткий (по отношению ко всеобщей истории России) временной промежуток, нельзя не заметить отсутствие какого-либо устойчивого подхода или хотя бы обоснованной долговременной концепции формирования и закрепления механизмов взаимодействия между уровнями власти, исходя из предусмотренных в Конституции РФ организационно-правовых и функциональных основ государственной и муниципальной власти.

Исследователи мировой практики формирования правовых основ взаимодействия между государственной и муниципальной властью выделяют несколько моделей взаимодействия¹.

1. Англосаксонская модель. Характеризуется высокой степенью независимости органов местного самоуправления от центральных органов власти. Распространена в таких государствах, как Великобритания, США, Дания, Португалия, Индия, Австралия, Нидерланды, Швейцария, Норвегия.

2. Континентальная (французская, романская, европейская) модель. При такой модели государство осуществляет сильный административный контроль над всеми действиями на уровне местного самоуправления. Закреплена во Франции, Гвинее, Испании, Италии, Китае и Бельгии.

3. Коммунальная (германская) модель. Также называется смешанной. С одной стороны, для местного самоуправления предусмотрена некоторая самостоятельность в решении местных вопросов, а с другой – ощущается жесткий контроль со стороны государственных органов. Характерна для Германии, Австрии, Японии.

4. Административная модель. В ее основе лежит принцип прямого подчинения органов местного самоуправления органам государственной власти. Пример – «советская система» местного управления, действующая в КНР, КНДР, на Кубе.

Есть еще две модели, которые хотя и выделяются в правовой литературе, но в «чистом виде» не имеют полного проявления ни в одном государстве. Первая – децентрализованная модель, или «модель партнерства»: отношения между органами государственной и муниципальной власти рассматриваются как отношения между равноправными «субъектами», имеющими общие цели и задачи. Вторая – вообще из разряда «экзотики» – дуалистическая модель, когда местное самоуправление контролируется государством в той степени, в какой местная власть участвует в решении государственных задач.

Обращаясь к российскому опыту построения взаимодействия между органами государственной власти и местного самоуправления, можно увидеть наличие признаков всех вышеперечисленных моделей на разных этапах исторического развития законодательства о местном самоуправлении в России.

Так, с момента принятия в 1991 г. Закона РФ № 1550-1 «О местном самоуправлении в Российской Федерации» правовое регулирование механизма взаимодействия между государственной властью и органами местного самоуправления чрезвычайно близко воспроизводило англосаксонскую модель. Недаром в постановлении Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2000 г. № 15-П², которое в научных кругах именуется «Курским делом», отмечено, что исходя из прямого предписания ч. 1 ст. 130 Конституции РФ, устанавливающей, что местное самоуправление обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, следует, что вопросы местного значения могут и должны решать именно органы местного самоуправления или население непосредственно, а не органы государственной власти. Такая же правовая

¹ Коваленко К. И. Основные модели, принципы и формы взаимодействия государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 1; Чихладзе Л. Т. Модели взаимоотношений государственной власти и местного самоуправления (муниципальной власти) // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2012. № 3; Остапец О. Г. Специфика правовой регламентации взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в современной России // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2019. № 1.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2000 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 года „О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области“».

позиция выражена Конституционным Судом РФ в постановлениях от 24 января 1997 г. по так называемому Удмуртскому делу¹ и от 15 января 1998 г. № 3-П². Во всех этих решениях федеральный орган конституционного контроля указал, что на органы государственной власти возлагается обязанность создавать необходимые правовые, организационные, материально-финансовые и другие условия для становления и развития местного самоуправления, оказывать содействие населению в осуществлении права на местное самоуправление. При этом не исключается взаимодействие, в том числе на договорной основе, органов местного самоуправления и органов государственной власти для решения общих задач, непосредственно связанных с вопросами местного значения, в интересах населения муниципального образования. Такой подход впоследствии был воспринят в 2020 г., когда в текст Конституции РФ внесены изменения, касающиеся единой системы публичной власти, ее структуры и конституционного предназначения³.

Впоследствии, в начале 2000-х гг., произошло изменение подхода федерального центра к построению модели взаимодействия между органами государственной власти и местного самоуправления. Появились очевидные черты коммунальной (германской) модели взаимодействия. Конституционно-правовое подтверждение наличия названной модели в законодательной и правоприменительной практике можно найти в мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 1 декабря 2015 г. № 30-П по так называемому в юридических кругах Иркутскому делу⁴. В данном решении Конституционный Суд РФ резко изменил свои ранее изложенные позиции и четко отметил, что, закрепляя самостоятельность местного самоуправления в качестве основного принципа его взаимоотношений с органами государственной власти, Конституция РФ исходит из того, что эта самостоятельность не является абсолютной, она не предполагает отрицания организационного и иных форм взаимодействия органов местного самоуправления и органов государственной власти, но исключает решающее участие органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления, равно как и подмену органов местного самоуправления органами государственной власти при решении вопросов местного значения. Данная позиция, но в более «мягкой» форме была выражена до вышеупомянутого решения в постановлениях Конституционного Суда РФ от 18 мая 2011 г. № 9-П⁵ и от 24 декабря 2012 г. № 32-П⁶. С этого периода происходит резкое усиление роли и веса органов государственной власти субъектов РФ в механизме их взаимодействия с органами местного самоуправления, при этом режимы взаимодействия все еще определялись необходимостью согласованной деятельности между уровнями власти на основе сотрудничества, координации, взаимного учета интересов, гарантирующих стабильное и эффективное осуществление полномочий каждого уровня публичной власти по

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 24 января 1997 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года „О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике“».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 15 января 1998 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 года „Об органах исполнительной власти в Республике Коми“».

³ См.: *Лазарев В.* Оценивать рационально и конкретно-исторически. Комментарий к Закону о поправках в Конституцию РФ // Адвокатская газета. 2020. 17 марта. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/otsenivatsionalno-i-konkretno-istoricheski/?ysclid=md2pfc1lxo118061242> (дата обращения: 14.07.2025).

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 1 декабря 2015 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“ и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области „Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области“ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы».

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 18 мая 2011 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 части 4 и части 5 статьи 35 Федерального закона „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“ в связи с жалобой гражданина Н. М. Савостьянова».

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2012 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов „Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации“ и „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации“ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы».

созданию на соответствующей территории достойных условий жизни и свободного развития человека.

В самом начале 2020 г., а именно 15 января, глава государства в Послании Федеральному Собранию РФ предложил «закрепить в Конституции принципы единой системы публичной власти, выстроить эффективное взаимодействие между государственными и муниципальными органами. При этом полномочия и реальные возможности местного самоуправления – самого близкого к людям уровня власти – должны быть расширены и укреплены». Налицо попытка Президента РФ вернуться к вопросу «баланса» во взаимодействии между органами государственной власти и местного самоуправления, в том числе путем восстановления реальных возможностей органов местного самоуправления реализовывать свои полномочия. Увы, Президента РФ либо не услышали, либо, что более вероятно, проигнорировали и спустя чуть более пяти лет российская правовая система пополнилась Федеральным законом от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – Закон № 33-ФЗ).

Несмотря на закрепление множества декларативных принципов правового регулирования местного самоуправления (самостоятельность в пределах собственных полномочий, определение юридической иерархии системы законодательства о местном самоуправлении, необходимость при организации местного самоуправления учитывать социально-экономические, природно-климатические, территориальные и иные особенности местности, а также исторические, культурные, национальные и иные местные традиции и т. д.), в действительности мы видим наступление новой эры правового регулирования взаимодействия между уровнями публичной власти, представляющего собой яркое проявление континентальной или так называемой европейской модели взаимодействия. За примерами далеко ходить не надо. При отсутствии какого-либо перечня вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (вопросов местного значения) согласно ст. 32 Закона № 33-ФЗ из трех групп полномочий, которые потенциально могут быть предметом реализации местного самоуправления, две группы полномочий находятся в абсолютном ведении региональных властей. Значит, именно региональные, а не муниципальные власти призваны теперь определять, в каком объеме будет реализовано местное самоуправление на территориях того или иного субъекта.

В пользу такого вывода говорят и положения Закона № 33-ФЗ, в которых определено, что в целях обеспечения исполнения органами государственной власти субъекта Российской Федерации полномочий на решение вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, перераспределенных в пользу субъекта РФ, муниципальное имущество на основании соглашения, заключаемого между органами государственной власти субъекта РФ и органами местного самоуправления, поступает в безвозмездное пользование органов государственной власти субъекта РФ. То есть если ранее не было финансовых и людских ресурсов для осуществления в полном объеме вопросов местного значения, теперь еще и не будет во владении муниципалитетов объектов собственности, которые предназначены для решения установленных законом вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (ст. 63 Закона № 33-ФЗ).

Такой явный «перекос» в правовом регулировании механизмов взаимодействия между властями уже привел к ожидаемым конфликтам. Так, глава Республики Хакасия Валентин Коновалов воспользовался правом вето и отклонил республиканский закон о реформе местного самоуправления, принятый Верховным советом Республики. В качестве аргументов такого шага были названы, в частности, несоблюдение установленного порядка согласования законопроекта с органами местного самоуправления, отсутствие проведения публичных слушаний, отсутствие финансово-экономического обоснования предполагаемых расходов, игнорирование анализа бюджетных, хозяйственно-управленческих, социальных последствий принятого законопроекта¹.

21 июня 2025 г. жители Горно-Алтайска (Республика Алтай) провели согласованную акцию протеста против реформы местного самоуправления в Республике Алтай, предполагающей упразднение сельских поселений и их администраций и переход

¹ Глава Хакасии наложил вето на закон о переходе на одноуровневую модель местного самоуправления. URL: <https://r-19.ru/news/education/181107/?ysclid=md2qya3brl273936861> (дата обращения: 14.07.2025).

к централизованной системе управления. По разным оценкам, в акции протеста приняли участие от нескольких сотен до четырех тысяч человек¹.

Таким образом, с июня 2025 г. начался этап реализации фактически административной модели организации взаимодействия между органами государственной власти и местного самоуправления, характеризующийся резким усилением государственной власти, почти полным контролем за местным самоуправлением, но пока еще не закрепляющий в полном объеме принцип прямого подчинения органов местного самоуправления органам государственной власти.

Подводя итоги настоящего исследования, следует признать отсутствие в РФ долговременной, научно обоснованной и эффективной модели содержательного построения и правового регулирования механизмов взаимодействия между органами государственной власти и местного самоуправления. Это, несомненно, приводит к снижению эффективности выстраиваемой единой системы публичной власти, росту «протестного настроения» у населения и недоверия принимаемым на уровне государства и его территорий решениям, не говоря уже о том, что кардинально меняется «муниципально-правовая доктрина» и отношение к ее достижениям². При этом все дальше отходит в историю общеизвестный тезис о том, что фундаментальной основой успешности всего механизма управления делами в государстве является наличие слаженного взаимодействия органов государственной власти Российской Федерации, субъектов РФ и органов местного самоуправления, построенного на началах сбалансированного организационного и финансового участия в реализации полномочий власти, с одновременным ясным, четким и непротиворечивым определением компетенции органов всех уровней публичной власти.

Список литературы

Березин А. А. Место органов местного самоуправления в единой системе публичной власти России // Конституционализм и государствоведение. 2023. № 4. С. 131–136.

Бочаров Н. А. Взаимодействие как новая управленческая категория // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2014. № 13. С. 44–49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-kak-novaya-upravlencheskaya-kategoriya> (дата обращения: 13.07.2025).

Гошуляк В. В. Единая система публичной власти в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 4. С. 7–12. DOI: 10.18572/1813-1247-2024-4-7-12.

Зоз В. А., Лагуточкина А. С. О правовых предпосылках понятия «взаимодействия» в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. № 1. С. 156–162. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-pravovyh-predposylkah-ponyatiya-vzaimodeystviya-v-deyatelnosti-operativnyh-podrazdeleniy-organov-vnutrennih-del> (дата обращения: 13.07.2025).

Коваленко К. И. Основные модели, принципы и формы взаимодействия государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 1. С. 51–56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyie-modeli-printsipy-i-formy-vzaimodeystviya-gosudarstvennoy-vlasti-i-mestnogo-samoupravleniya-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 13.07.2025).

Кожевников О. А. Местное самоуправление и единая система публичной власти: приглашение к дискуссии // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2024. № 3. С. 4–9.

Кожевников О. А. Прямая выборность, компетенция и ответственность как основы перспективного развития местного самоуправления в России // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20. № 3. С. 285–296. DOI: 10.19073/2658-7602-2023-20-3-285-296.

¹ Жители Горно-Алтайска протестуют против реформы местного самоуправления и оккупации алтайских земель олигархами. URL: <https://www.sovsekretno.ru/news/zhiteli-gorno-altayska-protestuyut-protiv-reformy-mestnogo-samoupravleniya-i-okkupatsii-altayskikh-z/> (дата обращения: 14.07.2025).

² Кожевников О. А. Местное самоуправление и единая система публичной власти: приглашение к дискуссии // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2024. № 3. С. 4–9; Его же. Прямая выборность, компетенция и ответственность как основы перспективного развития местного самоуправления в России // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20. № 3. С. 285–296. DOI: 10.19073/2658-7602-2023-20-3-285-296; Гошуляк В. В. Единая система публичной власти в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 4. С. 7–12. DOI: 10.18572/1813-1247-2024-4-7-12; Березин А. А. Место органов местного самоуправления в единой системе публичной власти России // Конституционализм и государствоведение. 2023. № 4. С. 131–136.

Коновальчиков Я. А. Понятие правового взаимодействия и его особенности в конституционном праве // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Юриспруденция. 2020. № 1. С. 88–97. DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-88-97.

Лазарев В. Оценивать рационально и конкретно-исторически. Комментарий к Закону о поправках в Конституцию РФ // Адвокатская газета. 2020. 17 марта. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/otsenivat-ratsionalno-i-konkretno-istoricheskii/?ysclid=md2pfc1lxo118061242> (дата обращения: 14.07.2025).

Остапец О. Г. Специфика правовой регламентации взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в современной России // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2019. № 1. С. 30–38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-pravovoy-reglamentatsii-vzaimodeystviya-organov-gosudarstvennoy-vlasti-i-mestnogo-samoupravleniya-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 13.07.2025).

Ромашов Р. А. Теория конституционно-правового отношения // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 9. С. 25–32.

Чихладзе Л. Т. Модели взаимоотношений государственной власти и местного самоуправления (муниципальной власти) // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2012. № 3. С. 65–74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-vzaimootnosheniy-gosudarstvennoy-vlasti-i-mestnogo-samoupravleniya-munitsipalnoy-vlasti> (дата обращения: 13.07.2025).

References

Berezin A. N. (2023) Mesto organov mestnogo samoupravleniya v edinoi sisteme publichnoi vlasti Rossii [The place of local self-government bodies in the unified system of public power in Russia]. In *Konstitutsionalizm i gosudarstvovedenie*, no. 4, pp. 131–136.

Bocharov N. A. (2014) Vzaimodeistvie kak novaya upravlencheskaya kategoriya [Interaction as a new management category]. In *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie v XXI veke: teoriya, metodologiya, praktika*, no. 13, pp. 44–49, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-kak-novaya-upravlencheskaya-kategoriya> (accessed: 13.07.2025).

Chikhladze L. T. (2012) Modeli vzaimootnosheniy gosudarstvennoi vlasti i mestnogo samoupravleniya (munitsipal'noi vlasti) [Models of the relationship between state power and local self-government (municipal government)]. In *Vestnik RUDN. Ser.: Yuridicheskie nauki*, no. 3, pp. 65–74, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-vzaimootnosheniy-gosudarstvennoy-vlasti-i-mestnogo-samoupravleniya-munitsipalnoy-vlasti> (accessed: 13.07.2025).

Goshulyak V. V. (2024) Edinaya sistema publichnoi vlasti v Rossiiskoi Federatsii [The unified system of public power in the Russian Federation]. In *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, no. 4, pp. 7–12, DOI: 10.18572/1813-1247-2024-4-7-12.

Konovalechikov Ya. A. (2020) Ponyatie pravovogo vzaimodeystviya i ego osobennosti v konstitutsionnom prave [The concept of legal interaction and its features in constitutional law]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Ser.: Yurisprudentsiya*, no. 1, pp. 88–97, DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-88-97.

Kovalenko K. I. (2020) Osnovnye modeli, printsipy i formy vzaimodeystviya gosudarstvennoi vlasti i mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii [Basic models, principles and forms of interaction between state power and local self-government in the Russian Federation]. In *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, no. 1, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-modeli-printsipy-i-formy-vzaimodeystviya-gosudarstvennoy-vlasti-i-mestnogo-samoupravleniya-v-rossiyskoy-federatsii> (accessed: 13.07.2025).

Kozhevnikov O. A. (2023) Pryamaya vybornost', kompetentsiya i otvetstvennost' kak osnovy perspektivnogo razvitiya mestnogo samoupravleniya v Rossii [Direct election, competence and responsibility as the basis for the long-term development of local self-government in Russia]. In *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*, vol. 20, no. 3, pp. 285–296, DOI: 10.19073/2658-7602-2023-20-3-285-296.

Kozhevnikov O. A. (2024) Mestnoe samoupravlenie i edinaya sistema publichnoi vlasti: priglasenie k diskussii [Local self-government and the unified system of public authority: an invitation to discussion]. In *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina*, no. 3, pp. 4–9.

Lazarev V. (2020) Otsenivat' ratsional'no i konkretno-istoricheskii. Kommentarii k Zakonu o popravkakh v Konstitutsiyu RF [Evaluate rationally and concretely historically. Commentary to the Law on Amendments to the Constitution of the Russian Federation]. In *Advokatskaya gazeta*, 17 March, available at: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/otsenivat-ratsionalno-i-konkretno-istoricheskii/?ysclid=md2pfc1lxo118061242> (accessed: 14.07.2025).

Ostapets O. G. (2019) Spetsifika pravovoi reglamentatsii vzaimodeystviya organov gosudarstvennoi vlasti i mestnogo samoupravleniya v sovremennoi Rossii [The specifics of the legal regulation of the interaction of state authorities and local self-government in modern Russia]. In *Vestnik VGU. Ser.: Pravo*, no. 1, pp. 30–38, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-pravovoy-vzaimodeystviya-organov-gosudarstvennoy-vlasti-i-mestnogo-samoupravleniya-v-sovremennoi-rossii>

reglamentatsii-vzaimodeystviya-organov-gosudarstvennoy-vlasti-i-mestnogo-samoupravleniya-v-sovremennoy-rossii (accessed: 13.07.2025).

Romashov R. A. (2016) *Teoriya konstitutsionno-pravovogo otnosheniya* [Theory of constitutional and legal relations]. In *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, no. 9, pp. 25–32.

Zoz V. A., Lagutochkina A. S. (2022) О правовых предпосылках понятия «vzaimodeystviya» v deyatel'nosti operativnykh podrazdelenii organov vnutrennikh del [On the legal prerequisites of the concept of «interaction» in the activities of operational units of internal affairs bodies]. In *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*, no. 1, pp. 156–162, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-pravovykh-predposylkah-ponyatiya-vzaimodeystviya-v-deyatelnosti-operativnykh-podrazdeleniy-organov-vnutrennih-del> (accessed: 13.07.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.07.2025

Дата принятия рукописи в печать: 25.11.2025

УДК / UDC 342

DOI: 10.34076/22196838_2025_6_15

УЧАСТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ВОВЛЕЧЕНИЮ МОЛОДЕЖИ В ЭКСТРЕМИСТСКИЕ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ*

Фетюков Федор Викторович

Доцент кафедры теории государства и права имени С. С. Алексеева Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент, ORCID: 0000-0003-1621-3142, e-mail: ffv001@usla.ru.

Статья посвящена проблеме вовлечения российской молодежи в террористические и экстремистские организации и участию гражданского общества в ее решении. Исследуются психологические особенности и социальные факторы, способствующие радикализации молодых людей, включая неблагополучные семьи, социально-бытовые проблемы и влияние деструктивных идеологий в социальных сетях. В статье раскрываются основные методы вербовки молодежи в экстремистские и террористические организации, анализируются причины повышенной уязвимости молодежи к радикальной идеологии. Отдельное внимание уделяется проблеме нелегальной миграции как фактору распространения терроризма. Автор высоко оценивает потенциал взаимодействия государства и гражданского общества в сфере противодействия вовлечению молодежи в экстремистские и террористические организации, приводит конкретные примеры участия гражданского общества в решении соответствующей задачи. Сформулирован ряд предложений по привлечению гражданского общества к профилактике радикализации молодежи, включая цифровые волонтерские проекты и программы социальной адаптации мигрантов.

Ключевые слова: молодежь, экстремизм, терроризм, вовлечение, вербовка, противодействие, нелегальная миграция, гражданское общество

Для цитирования: Фетюков Ф. В. Участие гражданского общества в противодействии вовлечению молодежи в экстремистские и террористические организации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 6. С. 15–24. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_6_15.

THE PARTICIPATION OF CIVIL SOCIETY IN COUNTERING THE INVOLVEMENT OF YOUNG PEOPLE IN EXTREMIST AND TERRORIST ORGANIZATIONS**

Fetyukov Fedor

Associate professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), candidate of legal sciences, associate professor, ORCID: 0000-0003-1621-3142, e-mail: ffv001@usla.ru.

The article is devoted to the problem of the involvement of Russian youth in terrorist and extremist organizations and the participation of civil society in its solution. The psychological characteristics and social factors contributing to the radicalization of young people, including dysfunctional families, social and domestic problems and the influence of destructive ideologies in social networks, are investigated. The article reveals the main methods of recruiting young people into extremist and ter-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00881, URL: <https://rscf.ru/project/25-18-00881/>.

** The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 25-18-00881, URL: <https://rscf.ru/project/25-18-00881/>.

rorist organizations, analyzes the reasons for the increased vulnerability of young people to radical ideology. Special attention is paid to the problem of illegal migration as a factor in the spread of terrorism. The author suggests a comprehensive approach to countering the involvement of young people in extremist and terrorist organizations based on the interaction of the state and civil society. The successful practices of civil society participation in countering the involvement of young people in extremist and terrorist organizations are considered. A number of proposals have been formulated to involve civil society in the prevention of youth radicalization, including digital volunteer projects and programs for the social adaptation of migrants.

Key words: youth, extremism, terrorism, involvement, recruitment, counteraction, illegal migration, civil society

*For citation: Fetyukov F. (2025) The participation of civil society in countering the involvement of young people in extremist and terrorist organizations. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 6, pp. 15–24, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_6_15.*

Число преступлений террористической и экстремистской направленности продолжает расти. Согласно официальным данным Министерства внутренних дел РФ в январе – июне 2025 г. в стране зарегистрировано 3125 преступлений террористического характера (+89,3 %) и 1137 преступлений экстремистской направленности (+38,8 %). Среди преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, 406 преступлений – по ст. 280 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»)¹.

На заседании Национального антитеррористического комитета (НАК), состоявшемся 12 августа 2025 г. и посвященном исполнению Комплексного плана противодействия идеологии терроризма, председатель НАК, директор ФСБ России А. В. Бортников отметил существенный рост в текущем году числа преступлений террористической направленности, связанных прежде всего с нанесением ущерба критически важной и социальной инфраструктуре, а также нападениями на военнослужащих и должностных лиц органов власти. По его словам, всего с начала 2025 г. было предотвращено 172 таких теракта, большинство из которых намеревались совершить молодые люди, в том числе несовершеннолетние, попавшие под влияние украинских спецслужб и неонацистских организаций. Глава НАК призвал уделить особое внимание профилактике и работе с теми, кто может попасть под воздействие террористов².

Молодые люди все чаще попадают под влияние адептов деструктивных идеологий, в результате чего нередко оказываются вовлеченными в деятельность экстремистских и террористических организаций. К сожалению, часть завербованных молодых людей делают этот шаг осознанно под влиянием неблагоприятных факторов внешней среды (неблагополучные семьи, тяжелые социально-бытовые условия, состояние отчужденности в результате конфликта в семье, образовательной организации). Подростки из неблагополучных семей зачастую не имеют или утрачивают традиционные ценности и нравственные ориентиры. Они находятся в тяжелом финансовом положении, состоянии изоляции и отчуждения, что создает оптимальные условия для вовлечения подростков в экстремистские и террористические организации.

Основным каналом вовлечения молодежи в экстремистские и террористические организации по-прежнему остаются социальные сети и мессенджеры. Эффективность пропаганды в социальной сети специалисты связывают с тем, что в ней легко происходит замыкание внимания пользователя на определенном типе информации или волнующих его проблемах и отгораживание пользователя от альтернативной информации, не укладывающейся в систему его взглядов³.

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – июнь 2025 года. URL: <https://xn--blaew.xn--plai/reports/item/67755056> (дата обращения: 31.07.2025).

² Глава ФСБ отметил рост преступлений, совершенных под влиянием Украины // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250812/glava-2034757480.html> (дата обращения: 12.08.2025).

³ Дамаскин О. В., Красинский В. В. Криминологическая характеристика механизма вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность // Государство и право. 2020. № 8. С. 44.

Как правило, при вовлечении молодых людей в экстремистские и террористические организации применяются два способа.

Первый способ заключается в размещении на веб-сайтах, в сообществах (группах, каналах) в социальных сетях и популярных мессенджерах (WhatsApp, Telegram, WeChat и др.) явно экстремистского и террористического контента, открыто призывающего к насилию во имя псевдорелигиозных и псевдополитических ценностей. К примеру, источником пропаганды и роста преступности экстремистской и террористической направленности являются неонацистские онлайн-сообщества¹.

Второй способ – трансмиссионное размещение в социальных сетях и мессенджерах контента-приманки, внешне не относящегося к экстремистскому и террористическому. Вербовщик начинает общение с потенциальной жертвой в сообществах (группах), посвященных особенностям социокультурной среды мусульманских стран, геополитике, молодежным субкультурам, психологии и др. Постепенно втираясь в доверие, вербовщик переключает внимание жертвы (трансмиссия) с объекта проявленного ею интереса на экстремистскую и террористическую идеологию.

Почему именно в отношении молодежи существует повышенный риск быть вовлеченным в экстремистские и террористические организации?

В одном из криминологических исследований показано, что специфическое свойство молодежи – экстремальность в проявлении конфликтных интересов, а также крайне обостренное восприятие социальной действительности. В зависимости от уровня жизни населения и степени социальной напряженности в обществе экстремальность молодежи может проявляться в альтернативных субкультурах (в обществах с высоким уровнем жизни и низкой степенью социальной напряженности) или в криминальных, насильственных формах, в том числе в экстремизме².

На стремительное распространение экстремистских практик поведения молодежи в значительной степени влияет инкорпорация «культуры насилия», насаждаемой, в частности, СМИ через трансляцию агрессивного контента (эмоциональное воздействие художественных и мультипликационных фильмов), интернет-ресурсами (социальными сетями, интернет-играми и др.), а также представителями миграционных (мобильных) субкультур, демонстрирующих агрессивные технологии социальной адаптации мигрантов среди коренного населения³. Постоянная включенность в зону воздействия (пребывание в Интернет), поисковая активность, коммуникативная потребность, сублимационная самопрезентация, простота материальных запросов и специфика возрастной психологии (негативизм, максимализм, немотивированная активность, потребность в причастности и лидерстве) делают молодежь идеальной группой для информационных манипуляций и вербовки⁴.

Специалисты отмечают, что по критерию психологического профиля в ряды террористов чаще всего попадают лица психологически неустойчивые, закомплексованные, либо, наоборот, люди с амбициями «сверхчеловека»⁵. Так, одним из мотивов для вступления молодых людей в международные террористические организации и незаконные вооруженные формирования является стремление почувствовать себя героем и самоутвердиться⁶. Это характерно для молодых людей, испытывающих дефицит внимания и, как следствие, понимания со стороны окружающих. Нередко из-за

¹ Красиков В. И., Фоменко Е. В., Яцеленко Б. В. Молодежные неонацистские онлайн-сообщества с риторикой политической вражды: проблемы правовой оценки и противодействия // Государство и право. 2024. № 3. С. 150.

² Стребков А. И., Алейников А. В., Сунами А. Н. Российский молодежный экстремизм: проблемы понимания и противодействия // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 4. С. 801. DOI: 10.17150/19967756.2015.9(4).796-806.

³ Панкратов С. А. Взаимодействие институтов власти и гражданского общества в контексте противодействия экстремистским формам поведения современной молодежи // Baikal Research Journal. 2022. Т. 13. № 4. DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(4).17.

⁴ Шаповалова И. С. Влияние интернет-коммуникаций на поведение и интеллектуальное развитие молодежи // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 149.

⁵ Вовлечение неустойчивых: как россияне обрабатывают террористы // Российское агентство правовой и судебной информации. URL: https://rapsinews.ru/incident_publication/20231204/309436993.html (дата обращения: 12.08.2025).

⁶ Борьба с финансированием терроризма в современных условиях: моногр. / О. Н. Тисен; Междунар. учеб.-метод. центр финанс. мониторинга. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2024. С. 85.

отсутствия интересов и увлечений молодые люди не имеют устойчивого круга «живого» общения среди сверстников. Большую часть свободного времени они проводят в социальных сетях и за онлайн-играми. Попадая в комфортную по причине анонимности среду, будущие жертвы зачастую находят понимание и признание у вербовщиков. В ходе переписки с потенциальной жертвой вербовщики внушают идею об исключительности личности жертвы, ее особом предназначении. В результате молодые люди, ведомые этой идеей, приходят к мысли о том, что единственный способ заявить о себе, доказать сверстникам (и другим окружающим) свою значимость и решительность – вступить в вооруженную борьбу за псевдорелигиозные или псевдodemократические ценности и, если это потребует, погибнуть за них.

Отдельную категорию молодых людей, подверженных вербовке в сети Интернет, составляют наивные и нуждающиеся в общении молодые девушки, а также необщительные молодые девочки 14–19 лет, испытывающие романтические иллюзии¹. Профессиональные вербовщики, вступая в переписку с девушками, переживающими конфликты в семье, школе, разочарование в опыте первой любви, формируют эмоциональную привязанность к себе. Потенциальной жертве предлагается вступить в религиозный брак, принять ислам и обрести счастливую семью.

Трудовые мигранты, прибывающие на территорию Российской Федерации из постсоветских государств Центральной Азии, нередко становятся «легкой добычей» для вербовщиков.

Во-первых, молодой человек, исповедующий ислам, но не знакомый с каноническим толкованием религиозных текстов мусульман (исламской доктриной), легче поддается пропаганде искаженного понимания исламской религии. Как известно, ислам – религия умеренности и справедливости, которая учит быть милостивым и нести добро людям². Следует отметить, что в группе риска находятся не только молодые люди, прибывающие из государств Центральной Азии, но и молодые граждане России, проживающие в стране и исповедующие ислам. Так, манипулирование религиозными текстами и ссылками на известных богословов в сочетании с представлением искаженной информации использовалось ваххабитами для создания эмоционального дискомфорта и подавления способности молодых людей Дагестана критически мыслить и трезво оценивать происходящее. Это привело к росту числа радикализированных молодых людей в Республике³.

Во-вторых, вербовщики используют сложности, с которыми сталкиваются трудовые мигранты (миграционный учет и контроль, бытовая неустроенность и др.), в качестве аргумента для вовлечения в деятельность террористических и экстремистских организаций. Предрасположенность к компактному проживанию, часто в весьма стесненных условиях, но в привычной социальной среде (среди своих) благоприятствует быстрому установлению психологического контакта трудовых мигрантов с эмиссарами, вербовщиками. Тактика последних заключается именно в максимальной изоляции потенциальных завербованных и помещении их в радикальную, террористическую среду (молельные комнаты, учебные террористические центры). В этой деструктивной среде происходит идеологическая и психологическая обработка завербованного, результатом которой, как правило, является вступление его в террористические организации. Анализ судебно-следственной практики позволяет констатировать, что значительная часть россиян, осужденных за склонение, вербовку и вовлечение в террористическую деятельность посредством религии в качестве инструмента достижения преступной цели, проходили религиозное обучение в Турции, Египте, Саудовской Аравии и других мусульманских странах⁴.

Наибольшую опасность представляет нелегальная миграция. По словам секретаря Совбеза России Н. Патрушева, нелегальная миграция остается питательной средой для терроризма и экстремизма. Нарушение миграционного законодательства, в частности, связано с проникновением на территорию Российской Федерации под видом

¹ Борьба с финансированием терроризма в современных условиях: моногр. С. 88.

² Гамзатов Р. Взаимодействие общественных, религиозных и государственных структур – основа профилактики экстремизма и радикализма // Мусульманский мир. 2014. № 1. С. 110.

³ Гусейнов Ю. М. Радикализация молодежи Дагестана в постсоветское время // Вопросы истории. 2020. № 10 (4). С. 50. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi75.

⁴ Борьба с финансированием терроризма в современных условиях: моногр. С. 236–237.

трудовых мигрантов и вынужденных переселенцев лиц, причастных к диверсионно-террористической и экстремистской деятельности. Н. Патрушев призвал усилить работу по противодействию нелегальной миграции, пресекать попытки формирования этнических анклавов и незаконной трудовой деятельности иностранных граждан, своевременно выявлять среди мигрантов лиц, склонных к совершению противоправных действий¹.

Задача противодействия вовлечению молодежи в экстремистские и террористические организации традиционно решается правоохранительными органами в рамках функции обеспечения национальной безопасности. Однако многообразие и возрастающая активность соответствующих угроз требуют участия гражданского общества в решении этой задачи. Непосредственная включенность гражданского общества в отношения внутри разных областей общественной жизни позволяет эффективно оценивать, предупреждать или устранять угрозы. Неслучайно одним из принципов обеспечения безопасности является взаимодействие органов государственной власти с общественными объединениями и гражданами (п. 5 ст. 2 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (ред. от 10 июля 2023 г.) «О безопасности»), а в науке применительно к политической стратегии антитеррористической деятельности обоснован принцип коллективной ответственности в процессе взаимодействия органов государственной власти и общественных неполитических институтов².

Решение подобных общественно важных задач предполагает совместную деятельность (взаимодействие) гражданского общества и государства. При этом эффективность такого взаимодействия состоит в достижении целей и решении задач государства и гражданского общества, при которых удовлетворяются интересы государственной власти, а также частные и корпоративные интересы гражданского общества³.

Высоко оценивая потенциал взаимодействия государства и гражданского общества в сфере противодействия терроризму и экстремизму, приведем в качестве примера опыт Сингапура, который в борьбе с исламским терроризмом сделал ставку на объединение усилий государства и общества. Приоритетом в обеспечении национальной безопасности этого государства стали внутренняя стабильность Сингапура, сплоченность нации, координация действий между властью и обществом. Действующая в Сингапуре государственная программа (SGSecure) предусматривает организацию людей и их обучение защите от террористических атак. Она направлена на повышение бдительности общины, укрепление ее внутреннего единства и расширение возможностей по восстановлению в случае теракта⁴.

В духовной сфере общественной жизни взаимодействие государства и гражданского общества может выражаться в форме совместного участия в формировании и укреплении нравственности, воспитании патриотизма, поддержании здорового нравственно-психологического климата в обществе. На практике это позволяет представителям духовных общин и государственным органам совместно решать такие общественно важные задачи, как борьба с терроризмом, экстремизмом, коррупцией и др.

Необходима системная работа по доведению до молодежи консолидированной позиции гражданского общества и государства о непринятии деструктивной идеологии, разрушающей основы цивилизованного существования человека. При этом аргументация должна иметь не вульгарно-пропагандистскую форму, а в легко воспринимаемом виде наглядно и убедительно закреплять паттерн социально полезного поведения, решительно отторгающего деструктивную идеологию. Например, комитетом по молодежной политике Новгородской области подготовлен видеоролик социальной рекламы на тему борьбы с сетевыми вербовками «Заблокируй вербовщика»⁵.

¹ Патрушев призвал усилить противодействие нелегальной миграции // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20240416/patrushev-1940374972.html> (дата обращения: 13.08.2025).

² Репинская О. В. Формирование политической стратегии антитеррористической деятельности государственных институтов России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д., 2009. 161 с.

³ Подробнее см.: Фетюков Ф. В. Взаимодействие государства и гражданского общества (теоретико-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016. 215 с.

⁴ Рогожина Н. Борьба с исламским терроризмом в Юго-Восточной Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 8. С. 33. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-27-36.

⁵ URL: <https://nac.gov.ru/list/categoryId/53/view/b950c8c7-880b-4d52-b03e-86c3d36fabde> (дата обращения: 13.08.2025).

Результат восприятия молодыми людьми этой аргументации во многом зависит от осознания ими ценности государства, убежденности в том, что без гражданского общества государство не в состоянии решать общественно важные задачи. Поэтому следует поддержать предложение Ю. В. Голик и Ю. А. Чернышевой направить основное внимание на воспитательную работу, разъяснение молодежи роли государства в жизни общества с опорой на традиционные ценности¹.

Как отмечает А. Змеевский, важно лишить террористов и их сподвижников ореола борцов за освобождение, предотвратить рекрутирование молодежи в преступные сообщества. Гражданское общество, в том числе деятели культуры и религии, способно уменьшить социальную базу терроризма и тесно переплетающихся с ним других проявлений преступности (экстремизма. – Ф. Ф.) путем системной борьбы за умы и сердца людей, с тем чтобы свести к нулю толерантность к криминалу².

В настоящее время институты гражданского общества занимают активную позицию в деле противодействия вовлечению молодежи в экстремистские и террористические организации. Например, общество «Знание», чьи региональные отделения действуют во всех субъектах Российской Федерации, регулярно проводит мероприятия, направленные на профилактику вовлечения молодежи в ряды псевдорелигиозных экстремистских и террористических организаций³. Общественный фонд «Единство»⁴ присоединился к общим усилиям по борьбе с распространением экстремистской, террористической идеологии, конкретных проявлений экстремизма в отношении молодежи Кыргызской Республики.

Поскольку основным каналом вовлечения молодежи в экстремистские и террористические организации являются мессенджеры и социальные сети, постольку гражданское общество, непосредственно включенное в интернет-среду, принимает участие в разработке и трансляции принципов безопасного пользования интернет-ресурсами, стандартов безопасного поведения в интернет-среде. Усилиями институтов гражданского общества и отдельных граждан целесообразно развивать проекты цифрового волонтерства в области выявления деструктивного контента, обнаружения цифровых следов вербовки в террористические и экстремистские организации, а также обнаружения пользователей, склонных к восприятию деструктивной идеологии. Такими проектами, в частности, занимается АНО «Белый Интернет»⁵.

Следует высоко оценить эффективность проекта Общероссийского народного фронта «Кибердружина»⁶. «Кибердружинники» выявляют факты транслирования русофобских высказываний, негативной или ложной информации о российских военных, призыва к терроризму, а также размещения фото и видео насильственного характера.

Одним из инструментов проекта выступает чат-бот «Кибердружина»⁷, который по состоянию на 15 августа 2025 г. насчитывает 11 696 пользователей. Каждому пользователю в чат-бот поступают задания, суть которых сводится к оценке пользователем предложенного чат-ботом контента в социальных сетях на предмет наличия в нем признаков терроризма, мошенничества, нарушения авторских прав, сцен насилия, порнографических материалов, неправомерного использования персональных данных и других нарушений. За выполненные задания пользователь получает баллы, которые позволяют повышать звание в так называемых кибервойсках.

В приведенном примере интересы гражданского общества и государства согласованы. Государство заинтересовано в выявлении и прекращении доступа к деструктивному контенту, в том числе экстремистским и террористическим материалам. Сделать это помогают пользователи чат-бота «Кибердружина», который позволяет им

¹ Голик Ю. В., Чернышева Ю. А. Терроризм как угроза национальной безопасности Российской Федерации: политико-правовое обеспечение противодействия // Государство и право. 2024. № 8. С. 168.

² Змеевский А. О международном сотрудничестве в борьбе с криминальными вызовами и угрозами // Международная жизнь. 2013. № 6. С. 28–29.

³ URL: <https://znanierrussia.ru/events/profilaktika-vovlecheniya-molodezhi-v-ryady-psevdoreligioznyh-ek-166671> (дата обращения: 12.08.2025).

⁴ Вместе против экстремизма и терроризма. URL: <https://ed.kyrg.info/grazhdanskoe-obshchestvo/vmeste-protiv-ekstremizma-i-terrorizma/> (дата обращения: 12.08.2025).

⁵ URL: https://rapsinews.ru/White_Internet/ (дата обращения: 12.08.2025).

⁶ URL: <https://onf.ru/cyberguard?ysclid=meckdc9bof960825068> (дата обращения: 12.08.2025).

⁷ URL: https://t.me/KiberDruzhina_bot (дата обращения: 12.08.2025).

в игровой форме почувствовать себя бойцом, проявить себя на «поле боя» и продвигаться по службе.

Еще в 2018 г. группа депутатов от фракции «Единая Россия» выступила с инициативой внесения в Государственную Думу законопроекта о «кибердружинах». Законопроект предусматривал создание «кибердружин» по инициативе граждан в формате общественной организации, о деятельности которой нужно уведомить Роскомнадзор. Интересно, что законопроект устанавливает обязанность прокуратуры, следственных органов, органов государственной власти и местного самоуправления сотрудничать с «кибердружинами»¹.

Несмотря на то что законопроект не был принят, в российской системе законодательства содержится правовое основание деятельности «кибердружин». Федеральный закон от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ (ред. от 14 июля 2022 г.) «Об участии граждан в охране общественного порядка» устанавливает, в частности, принципы и основные формы участия граждан в охране общественного порядка, порядок и особенности создания и деятельности народных дружин, а также правовой статус народных дружинников. Формами участия граждан в охране общественного порядка, предусмотренными Федеральным законом, являются в том числе участие граждан в деятельности общественных объединений правоохранительной направленности и участие граждан в деятельности *народных дружин* (курсив мой. – Ф. Ф.). Народные дружины и общественные объединения правоохранительной направленности подлежат включению в региональный реестр (ч. 1 ст. 7 Федерального закона). Порядок формирования и ведения регионального реестра народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности утвержден приказом МВД России от 21 июля 2014 г. № 599.

Важной задачей противодействия распространению в сети Интернет экстремистских и террористических материалов является своевременная разработка и внедрение соответствующих технических решений (программных комплексов, технологий контроля за контентом и др.). К разработке соответствующего программного обеспечения необходимо активнее привлекать научное и экспертное сообщество путем выделения проектного (грантового) финансирования. В частности, за счет гранта Российского научного фонда на проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований по проекту № 25-18-00881 «Разработка научно-теоретической концепции и новых мер и средств противодействия вовлечению российской молодежи в террористические и экстремистские организации» группой ученых Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева ведется разработка экспериментальных модулей программы для ЭВМ «Звирбуль». Программа будет обеспечивать автоматизированный поиск, фиксацию и учет вербовочного экстремистского контента, а также установление источника его распространения.

В свете проводимых в Российской Федерации изменений в миграционной политике основной упор в борьбе с правонарушениями среди трудовых мигрантов, вероятно, будет сделан на ликвидацию диаспор в их нынешнем формате и ужесточение контроля за мигрантами² и работодателями. Например, внедрение электронных трудовых договоров по опыту ФРГ (Закон о пребывании, занятости и интеграции иностранцев³) помогло бы сократить нелегальную занятость, а также ужесточить штрафы за нарушения трудового законодательства в отношении нелегальных мигрантов. Очевидно, что ужесточение контроля – важное, но не единственное направление противодействия экстремизму и терроризму среди мигрантов. Не менее важным направлением противодействия является их социальная адаптация.

Как отмечено выше, социальная изоляция мигрантов используется вербовщиками в качестве условия вовлечения в экстремистские и террористические организации. Поэтому необходимо принятие комплекса мер, направленных на снижение уровня социальной изоляции мигрантов. Институты гражданского общества целесообразно привлекать к разработке и реализации программ культурной интеграции мигрантов.

¹ В Госдуме разработали законопроект о «кибердружинах» // Право.ру. URL: <https://pravo.ru/news/206534/> (дата обращения: 12.08.2025).

² Голик Ю. В., Чернышева Ю. А. Указ. соч. С. 169.

³ URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_aufenthg/englisch_aufenthg.pdf (дата обращения: 12.08.2025).

Принципиально важно вовлекать мигрантов в работу волонтерских и других некоммерческих организаций, деятельность которых направлена на социальную адаптацию мигрантов и защиту их прав. Членство в данных организациях гипотетически может стать альтернативой традиционным диаспорам, поскольку деятельность организаций в том числе направлена на защиту прав мигрантов, решение их бытовых проблем. Кроме того, альтернативой диаспорам могли бы стать общественные объединения, созданные по типу землячеств.

Иными словами, необходимо работать над созданием условий для вовлечения мигрантов в деятельность общественных объединений и организаций (созданных в соответствии с законодательством Российской Федерации), отстаивающих их интересы и взаимодействующих с государством в установленных правовых формах. Одним из принципиальных условий является готовность российского общества к взаимодействию с мигрантами по вопросам социальной адаптации.

Факторами, содействующими формированию готовности к взаимодействию, в частности, выступают владение русским языком на достаточно высоком уровне, официальное трудоустройство, доступ к получению профессионального основного и дополнительного образования.

На базе специализированных образовательных организаций возможно проводить языковые курсы, а также реализовывать образовательные программы в сфере основ трудового и миграционного законодательства Российской Федерации, защиты трудовых прав иностранных работников.

В завершение проведенного исследования следует сделать ряд выводов.

1. В условиях роста количества преступлений террористической и экстремистской направленности, в том числе среди молодежи, государству нужно активнее привлекать гражданское общество к участию в решении задачи противодействия вовлечению молодежи в экстремистские и террористические организации.

2. Участие гражданского общества в решении указанной задачи может выражаться в двух формах: участие в формировании и укреплении нравственности, воспитании патриотизма, поддержании здорового нравственно-психологического климата в обществе и непосредственное противодействие вовлечению молодежи в экстремистские и террористические организации.

3. Внутренняя сплоченность и единство российского общества перед угрозой вовлечения молодежи в экстремистские и террористические организации признаются условиями эффективного противодействия распространению деструктивных идеологий и ограждения молодых людей от их разрушительного влияния.

4. Поскольку основным каналом вовлечения молодежи в экстремистские и террористические организации выступают мессенджеры и социальные сети, постольку гражданское общество, непосредственно включенное в интернет-среду, способно разрабатывать и транслировать принципы безопасного пользования интернет-ресурсами, стандарты безопасного поведения в интернет-среде. Усилиями институтов гражданского общества и отдельных граждан целесообразно развивать проекты цифрового волонтерства в области выявления деструктивного контента, обнаружения цифровых следов вербовки в террористические и экстремистские организации, а также обнаружения пользователей, склонных к восприятию деструктивной идеологии.

5. Необходима системная работа по доведению до молодежи консолидированной позиции гражданского общества и государства о непринятии деструктивной идеологии, разрушающей основы цивилизованного существования человека. При этом аргументация должна иметь не вульгарно-пропагандистскую форму, а в легко воспринимаемом виде наглядно и убедительно закреплять паттерн социально полезного поведения, решительно отторгающего деструктивную идеологию.

6. Институты гражданского общества целесообразно привлекать к разработке и реализации программ культурной интеграции мигрантов. Принципиально важно вовлекать мигрантов в деятельность волонтерских и других некоммерческих организаций, деятельность которых направлена на социальную адаптацию мигрантов и защиту их прав. Членство в данных организациях гипотетически может стать альтернативой традиционным диаспорам, поскольку деятельность организаций в том числе направлена на защиту прав мигрантов, решение их бытовых проблем.

Список литературы

Борьба с финансированием терроризма в современных условиях: моногр. / О. Н. Тисен; Междунар. учеб.-метод. центр финанс. мониторинга. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2024. 335 с.

Гамзатов Р. Взаимодействие общественных, религиозных и государственных структур – основа профилактики экстремизма и радикализма // Мусульманский мир. 2014. № 1. С. 106–116.

Голик Ю. В., Чернышева Ю. А. Терроризм как угроза национальной безопасности Российской Федерации: политико-правовое обеспечение противодействия // Государство и право. 2024. № 8. С. 163–171.

Гусейнов Ю. М. Радикализация молодежи Дагестана в постсоветское время // Вопросы истории. 2020. № 10 (4). С. 49–52. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi75.

Дамаскин О. В., Красинский В. В. Криминологическая характеристика механизма вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность // Государство и право. 2020. № 8. С. 41–54.

Змеевский А. О международном сотрудничестве в борьбе с криминальными вызовами и угрозами // Международная жизнь. 2013. № 6. С. 28–29.

Красиков В. И., Фоменко Е. В., Яцеленко Б. В. Молодежные неонацистские онлайн-сообщества с риторикой политической вражды: проблемы правовой оценки и противодействия // Государство и право. 2024. № 3. С. 147–156.

Панкратов С. А. Взаимодействие институтов власти и гражданского общества в контексте противодействия экстремистским формам поведения современной молодежи // Baikal Research Journal. 2022. Т. 13. № 4. С. 17–17. DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(4).17.

Репинская О. В. Формирование политической стратегии антитеррористической деятельности государственных институтов России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д., 2009. 161 с.

Рогожина Н. Борьба с исламским терроризмом в Юго-Восточной Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 8. С. 27–36. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-27-36.

Стребков А. И., Алейников А. В., Сунами А. Н. Российский молодежный экстремизм: проблемы понимания и противодействия // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 4. С. 796–806. DOI: 10.17150/19967756.2015.9(4).796-806.

Фетюков Ф. В. Взаимодействие государства и гражданского общества (теоретико-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016. 215 с.

Шаповалова И. С. Влияние интернет-коммуникаций на поведение и интеллектуальное развитие молодежи // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 148–151.

References

Damaskin O. V., Krasinskii V. V. (2020) Kriminologicheskaya kharakteristika mekhanizma вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность [Criminological characteristics of the mechanism of involvement of minors in illegal activities]. In *Gosudarstvo i pravo*, no. 8, pp. 41–54.

Fetyukov F. V. (2016) *Vzaimodeistvie gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva (teoretiko-pravovoe issledovanie): dis. ... kand. yurid. nauk* [Interaction between the state and civil society (theoretical and legal research): a candidate of legal sciences thesis]. Yekaterinburg, 215 p.

Gamzatov R. (2014) *Vzaimodeistvie obshchestvennykh, religioznykh i gosudarstvennykh struktur – osnova profilaktiki ekstremizma i radikalizma* [The interaction of public, religious and state structures is the basis for the prevention of extremism and radicalism]. In *Musul'manskii mir*, no. 1, pp. 106–116.

Golik Yu. V., Chernysheva Yu. A. (2024) *Terrorizm kak ugroza natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii: politiko-pravovoe obespechenie protivodeistviya* [Terrorism as a threat to the national security of the Russian Federation: political and legal support for counteraction]. In *Gosudarstvo i pravo*, no. 8, pp. 163–171.

Guseinov Yu. M. (2020) *Radikalizatsiya molodezhi Dagestana v postsovetskoe vremya* [Radicalization of Dagestan's youth in the post-Soviet period]. In *Voprosy istorii*, no. 10, pp. 49–52, DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi75.

Krasikov V. I., Fomenko E. V., Yatselenko B. V. (2024) *Molodezhnye neonatsistskie onlain-soobshchestva s ritorikoi politicheskoi vrazhdy: problemy pravovoi otsenki i protivodeistviya* [Youth neo-Nazi online communities with the rhetoric of political hostility: problems of legal assessment and counteraction]. In *Gosudarstvo i pravo*, no. 3, pp. 147–156.

Pankratov S. A. (2022) *Vzaimodeistvie institutov vlasti i grazhdanskogo obshchestva v kontekste protivodeistviya ekstremistskim formam povedeniya sovremennoi molodezhi* [Interaction of government institutions and civil society in the context of countering extremist behaviors of modern youth]. In *Baikal Research Journal*, vol. 13, no. 4, pp. 17–17, DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(4).17.

Repinskaya O. V. (2009) *Formirovanie politicheskoi strategii antiterroristicheskoi deyatel'nosti gosudarstvennykh institutov Rossii: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Formation of a political strategy

for the anti-terrorist activities of Russian state institutions: a candidate of political sciences thesis]. Rostov-on-Don, 161 p.

Rogozhina N. (2020) *Bor'ba s islamskim terrorizmom v Yugo-Vostochnoi Azii* [Fighting Islamic terrorism in Southeast Asia]. In *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 64, no. 8, pp. 27–36, DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-27-36.

Shapovalova I. S. (2015) *Vliyanie internet-kommunikatsii na povedenie i intellektual'noe razvitie molodezhi* [The impact of Internet communications on the behavior and intellectual development of young people]. In *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 4, pp. 148–151.

Strebkov A. I., Aleinikov A. V., Sunami A. N. (2015) *Rossiiskii molodezhnyi ekstremizm: problemy ponimaniya i protivodeistviya* [Russian youth extremism: problems of understanding and countering]. In *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*, vol. 9, no. 4, pp. 796–806, DOI: 10.17150/19967756.2015.9(4).796-806.

Tisen O. N. (2024) *Bor'ba s finansirovaniem terrorizma v sovremennykh usloviyakh: monografiya* [Combating the financing of terrorism in modern conditions: monography]. Moscow, YuNITI-DANA, 335 p.

Zmeevskii A. (2013) *O mezhdunarodnom sotrudnichestve v bor'be s kriminal'nymi vyzovami i ugrozami* [On international cooperation in combating criminal challenges and threats]. In *Mezhdunarodnaya zhizn'*, no. 6, pp. 28–29.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.08.2025

Дата принятия рукописи в печать: 25.11.2025

УДК / UDC 347

DOI: 10.34076/22196838_2025_6_25

НЕСКОЛЬКО МЕСТ ЖИТЕЛЬСТВА ГРАЖДАНИНА: ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Терентьев Алексей Викторович

Старший преподаватель кафедры гражданского и земельного права имени П. Д. Сахарова Санкт-Петербургского государственного аграрного университета (Санкт-Петербург),
ORCID: 0000-0001-5835-4678, e-mail: terentiev@spbgau.ru.

В статье проводится анализ института места жительства гражданина как института гражданского права. В современном гражданском праве России место жительства гражданина продолжает играть значимую роль в гражданских правоотношениях, определяя место исполнения обязательств, открытия наследства, заключения договора и пр. В ходе исследования автор на основе анализа норм публичного и частного права предлагает различать место жительства в частноправовом и публично-правовом понимании. В частноправовом понимании речь идет исключительно о месте, где гражданин «постоянно или преимущественно проживает», в то время как в публично-правовом – о регистрации. Ключевым вопросом исследования является наличие возможности у гражданина иметь несколько мест жительства. Автор отмечает, что отечественное законодательство и судебная практика не допускают такую возможность. Однако в условиях развития технологий и общества актуализируется вопрос о целесообразности запрета на множественность мест жительства. В связи с этим в заключение автор высказывает мнение о необходимости пересмотра запрета на наличие у гражданина нескольких мест жительства. Статья представляет интерес для специалистов в области гражданского права, а также для всех, кто интересуется вопросами правового статуса гражданина и институтом места жительства гражданина.

Ключевые слова: место жительства гражданина, избрание места жительства, регистрация, институт места жительства, гражданин, сделка

Для цитирования: Терентьев А. В. Несколько мест жительства гражданина: цивилистический аспект // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 6. С. 25–29. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_6_25.

SEVERAL PLACES OF RESIDENCE OF A CITIZEN: THE CIVIL ASPECT

Terentyev Alexey

Senior lecturer, Saint-Petersburg State Agrarian University (Saint-Petersburg),
ORCID: 0000-0001-5835-4678, e-mail: terentiev@spbgau.ru.

The article examines the institution of a citizen's place of residence in the context of civil law. In modern Russian civil law the place of residence of a citizen continues to play a significant role in civil law relations, determining the place of fulfillment of obligations, opening of inheritance, conclusion of contracts, etc. In the course of the research the author, based on the analysis of the norms of public and private law, suggests distinguishing the place of residence in private law and public law aspects. In the private law context, it is exclusively about the place where a citizen «permanently or predominantly resides», while in the public law context it is about registration. The key issue of the study is whether a citizen can have multiple places of residence. The author notes that domestic legislation and judicial practice do not allow such a possibility. However, in the context of the development of technology and society, the issue of the expediency of banning multiple places of residence is becoming relevant. In this regard, in conclusion, the author expresses the opinion that it is necessary to

revise the prohibition on a citizen having several places of residence in the context of modern conditions. The article is of interest to experts in the field of civil law, as well as to anyone who is interested in the legal status of a citizen and his place of residence.

Key words: citizen's place of residence, choice of place of residence, registration, institution of place of residence, citizen, transaction

For citation: Terentyev A. (2025) Several places of residence of a citizen: the civil aspect. In Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskemu zhurnalu», no. 6, pp. 25–29, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_6_25.

В гражданском праве институт места жительства гражданина играет ключевую роль, поскольку он служит одной из основ индивидуализации физического лица в гражданском обороте. Именно место жительства наряду с именем позволяет отличать гражданина от других участников гражданского оборота.

В Российской империи место жительства гражданина было одним из элементов его правового статуса. Наряду с такими характеристиками, как возраст, национальность, вероисповедание и др., место жительства играло важную роль в определении право- и дееспособности гражданина империи¹.

В современном обществе рассматриваемый институт не перестает играть существенную роль в гражданских отношениях. В частности, в зависимости от места жительства будет определяться место исполнения обязательства (п. 1 ст. 316 ГК РФ), место открытия наследства (ст. 1115 ГК РФ), место заключения договора (ст. 444 ГК РФ). В зависимости от времени отсутствия сведений о гражданине в месте его жительства он может быть признан безвестно отсутствующим (ст. 42 ГК РФ) или объявлен умершим (ст. 45 ГК РФ). Тайна о месте жительства охраняется ст. 152.2 ГК РФ, а ст. 150 ГК РФ относит его к неотчуждаемым и непередаваемым нематериальным благам.

В Гражданском кодексе РФ место жительства гражданина определяется как место, где он «постоянно или преимущественно проживает» (п. 1 ст. 20). Согласно буквальному прочтению указанной нормы законодатель не устанавливает связи между местом жительства гражданина и какими-либо дополнительными факторами. По этой причине необходимо разграничивать место жительства в контексте частного права и его трактовку в публичном праве². Последнее (например, ст. 11 НК РФ, ст. 2 Закона РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1) связывает место жительства гражданина с его регистрацией. Потому небезынтересно мнение, что «для гражданского оборота не столь важна постановка на регистрационный учет, сколько место фактического преимущественного проживания»³.

В отношении разделения публично-правового и частноправового понимания места жительства гражданина «шаг вперед» сделан в гражданском законодательстве Казахстана. В соответствии со ст. 16 Гражданского кодекса Республики Казахстан⁴ у каждого гражданина, помимо места жительства, т. е. места, где он постоянно или преимущественно проживает, имеется юридический адрес, используемый в гражданских правоотношениях. «Юридическим адресом гражданина признается место его регистрации». Считаем уместным подобное разделение закрепить в нашем гражданском законодательстве.

Согласно ч. 1 ст. 27 Конституции РФ каждый, кто законно находится на территории страны, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства. В развитие указанной конституционной нормы в ст. 18 ГК РФ указано, что гражданин самостоятельно вправе «избирать место жительства». т. е. определение места жительства является волевым действием, следовательно, сделкой (или сделкоподоб-

¹ Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. С. 503–582.

² Терентьев А. В. Место жительства гражданина как институт гражданского права // Право и государство: теория и практика. 2024. № 12. С. 418–422.

³ Гражданское право. Общая часть: учеб. / Е. С. Болтанова [и др.]; под ред. Е. С. Болтановой. М.: ИНФРА-М, 2023. 515 с.

⁴ Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть): принят Верховным советом Республики Казахстан 27 декабря 1994 г. (с изм. и доп. по состоянию на 1 сентября 2024 г.).

ным действием)¹. Именно поэтому лица, не достигшие 14 лет или находящиеся под опекой в силу п. 2 ст. 20 ГК РФ самостоятельно не вправе избирать свое место жительства. Их сделкоспособность ограничена.

Второе предложение п. 1 ст. 20 ГК РФ дает возможность гражданину сообщать другим участникам гражданского оборота «сведения об ином месте своего жительства», т. е. он вправе объявить, что его местом жительства является не то место, где он «постоянно или преимущественно проживает», а иное место, указанное им.

В связи с изложенным возникает вопрос о возможности наличия у гражданина двух и более мест жительства.

В соответствии с буквальным толкованием п. 1 ст. 20 ГК РФ отечественное законодательство не допускает такой возможности. Российская судебная практика также отрицательно смотрит на наличие у гражданина более одного места жительства. В частности, в апелляционном определении Верховного суда Чувашской Республики² указано, что «по смыслу указанной правовой нормы [ст. 20 ГК РФ] – у гражданина может быть только одно место жительства в один период времени, а следовательно, в случае, если родители несовершеннолетнего ребенка проживают раздельно, местом жительства ребенка является место жительства того родителя, с которым он проживает фактически». Схожая позиция была высказана в определении судебной коллегии по гражданским делам Ленинградского областного суда³.

Запрета на наличие одновременно нескольких мест жительства придерживается гражданское право некоторых европейских стран, в частности Италии, Швейцарии и Англии⁴.

Гражданский кодекс Республики Беларусь⁵ также не разрешает гражданину одновременно иметь два и более места жительства (ст. 19). Аналогичная позиция закреплена в Гражданском кодексе Республики Армения⁶ (ст. 23) и Кыргызской Республики⁷ (ст. 50).

Однако в свете стремительного развития технологий, предоставляющих гражданам возможность относительно свободного перемещения, возникает вопрос о целесообразности законодательного запрета на наличие у гражданина нескольких мест жительства.

В современном мире нередки случаи, когда граждане живут на «два дома», например актеры театра и кино могут постоянно перемещаться из Москвы в Санкт-Петербург и обратно, при этом имея и там, и там место для постоянного или преимущественного проживания. Представляется правильным, что если такое лицо вступает в обязательство, находясь в Северной столице, то в качестве места его жительства должно быть определено соответствующее «жилище», расположенное в Санкт-Петербурге, даже несмотря на то, что он может быть зарегистрирован в Москве.

Аналогичный подход должен применяться в случаях, когда гражданин, проживающий в «городской» квартире, на лето «переезжает» на дачу, где «постоянно проживает» в течение длительного времени. В случае причинения им ущерба, например имуществу соседа, представляется правильным, что тот при обращении в суд с иском может указать адрес дачи причинителя вреда в качестве одного из мест его жительства.

Вопрос о наличии нескольких мест жительства приобретает особую актуальность при определении места жительства несовершеннолетнего ребенка, когда его родители проживают раздельно.

¹ Терентьев А. В. Место жительства как сделка // Право и его роль в современном государстве: материалы науч.-практ. конф., приуроченной к Дню юриста, Санкт-Петербург – Пушкин, 2 декабря 2023 года. СПб.: Санкт-Петербург. гос. аграр. ун-т, 2023. С. 20–22.

² Апелляционное определение Верховного суда Чувашской Республики от 25 декабря 2013 г. по делу № 33-4525-13.

³ Определение СК по гражданским делам Ленинградского областного суда от 24 октября 2013 г.

⁴ Чантурия Л. Л. Введение в общую часть гражданского права (сравнительно-правовое исследование с учетом некоторых особенностей постсоветского права). М.: Статут, 2006. С. 142.

⁵ Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З (с изм. и доп. по состоянию на 1 января 2025 г.).

⁶ Гражданский кодекс Республики Армения от 28 июля 1998 г. № ЗР-239 (с изм. и доп. по состоянию на 8 ноября 2024 г.).

⁷ Гражданский кодекс Кыргызской Республики от 8 мая 1996 г. № 15 (Часть I) (с изм. и доп. по состоянию на 2 декабря 2024 г.).

По общему правилу, местом жительства лица, не достигшего возраста 14 лет, является место жительства его родителей. В случае раздельного проживания его местом жительства будет место жительства того родителя, с которым он проживает фактически. Но как определить место жительства ребенка, когда он поочередно проживает у обоих родителей и ни мать, ни отец не чинят препятствий друг другу в общении с ним, а последний определяет свое место жительства (с согласия родителей) исходя из конкретных жизненных обстоятельств (например, в одном случае определяющим фактором является близость места жительства одного из родителей к школе, в другом – близость к месту спортивной секции и т. п.)?

Можно привести и другие примеры, когда у лица де-факто имеется два и более мест, где он «постоянно или преимущественно проживает».

В свете изложенного необходимо отметить, что возможность иметь несколько мест жительства закреплена в законодательстве ряда иностранных государств, например в § 7 Германского гражданского уложения¹. Согласно тексту упомянутой нормы «лицо может иметь место жительства одновременно в нескольких местах». Гражданские кодексы Грузии² (ст. 20) и Азербайджанской Республики³ (ст. 27) также признают за гражданином право иметь более одного места жительства.

В науке гражданского права зачастую не уделяется должного внимания исследованию института места жительства гражданина, а также вопросу о возможности наличия у гражданина нескольких мест жительства. При этом можно отметить, что существует мнение о его допустимости. Так, в учебнике по гражданскому праву Японии отмечено, что «наиболее правильна концепция множественности местожительства, так как с усложнением частных правоотношений отдельная личность имеет несколько различных центров с точки зрения ее связанности различными частными правоотношениями»⁴. Положительно о возможности наличия у гражданина нескольких мест жительства высказывается Л. Л. Чантурия, отмечая, что норма ГК Грузии по указанному вопросу является «исключительно прогрессивной нормой».

Изложенное позволяет сделать вывод о возможности законодательного закрепления за гражданином права иметь более одного места жительства. Отдельного внимания заслуживает вопрос о регламентации в ГК РФ понятия юридического адреса гражданина, как это сделано в ГК Казахстана. Данный вопрос требует отдельного научного осмысления и самостоятельной проработки.

По результатам настоящего исследования нами предлагается дополнить п. 1 ст. 20 ГК РФ следующей нормой: «Гражданин может иметь несколько мест жительства». Данную норму следует поместить вслед за первым предложением п. 1 ст. 20 ГК РФ.

Список литературы

Вагацима С., Ариидзуми Т. Гражданское право Японии: в 2 кн. / под ред. Р. О. Халфиной; пер. В. В. Батуренко. М.: Прогресс, 1983. Кн. 1. 351 с.

Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. 796 с.

Гражданское право. Общая часть: учеб. / Е. С. Болтанова [и др.]; под ред. Е. С. Болтановой. М.: ИНФРА-М, 2023. 515 с.

Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению / науч. ред. Т. Ф. Яковлева. 4-е изд., перераб. М.: Инфотропик Медиа, 2015. 888 с.

Терентьев А. В. Место жительства гражданина как институт гражданского права // Право и государство: теория и практика. 2024. № 12. С. 418–422.

Терентьев А. В. Место жительства как сделка // Право и его роль в современном государстве: материалы науч.-практ. конф., приуроченной к Дню юриста, Санкт-Петербург – Пушкин, 2 декабря 2023 года. СПб.: Санкт-Петербург. гос. аграр. ун-т, 2023. С. 20–22.

Чантурия Л. Л. Введение в общую часть гражданского права (сравнительно-правовое исследование с учетом некоторых особенностей постсоветского права). М.: Статут, 2006. 349 с.

¹ Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. 4-е изд., перераб. М.: Инфотропик Медиа, 2015.

² Гражданский кодекс Грузии от 26 июня 1997 г. № 786-III (с изм. и доп. по состоянию на 17 сентября 2024 г.).

³ Гражданский кодекс Азербайджанской Республики: утвержден Законом Азербайджанской Республики от 28 декабря 1999 г. № 779-IQ (с изм. и доп. по состоянию на 21 мая 2024 г.).

⁴ Вагацима С., Ариидзуми Т. Гражданское право Японии: в 2 кн. / под ред. Р. О. Халфиной; пер. В. В. Батуренко. М.: Прогресс, 1983. Кн. 1. С. 60.

References

Boltanova E. S., et al. (2023) *Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast': uchebnik* [Civil Law. General Part: textbook], ed. by E. S. Boltanova. Moscow, INFRA-M, 515 p.

Chanturiya L. L. (2006) *Vvedenie v obshchuyu chast' grazhdanskogo prava (sravnitel'no-pravovoe issledovanie s uchetom nekotorykh osobennostei postsovetskogo prava)* [Introduction to the General Part of Civil Law (comparative legal study, taking into account certain features of post-Soviet law)]. Moscow, Statut, 349 p.

Gambarov Yu. S. (2003) *Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast'* [Civil law. The general part], ed. by V. A. Tomisinov. Moscow, Zertsalo, 796 p.

Terentyev A. V. (2023) Mesto zhitel'stva kak sdelka [Place of residence as a transaction]. In *Pravo i ego rol' v sovremennom gosudarstve: conference papers*. Saint-Petersburg, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet, pp. 20–22.

Terentyev A. V. (2024) Mesto zhitel'stva grazhdanina kak institut grazhdanskogo prava [A citizen's place of residence as an institution of civil law]. In *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, no. 12, pp. 418–422.

Vagatsuma S., Ariidzumi T. (1983) *Grazhdanskoe pravo Yaponii: v 2 kn.* [Japanese Civil Law: in 2 books], ed. by R. O. Khalfina, transl. by V. V. Baturenko. Moscow, Progress, book 1, 351 p.

Yakovleva T. F. (Ed.) (2015) *Grazhdanskoe ulozhenie Germanii: Vvodnyi zakon k Grazhdanskomu ulozheniyu* [German Civil Code: Introduction to the Civil Code], 4th ed., revised. Moscow, Infotropik Media 888 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.04.2025

Дата принятия рукописи в печать: 25.11.2025

УДК 347

DOI: 10.34076/22196838_2025_6_30

ОСОБЕННОСТИ ПРИЗНАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СДЕЛОК НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ: ОСНОВАНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Устюжанина Виктория Олеговна

Преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Самарского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (Самара),
ORCID: 0000-0002-7600-5778, e-mail: v.o.sizinceva@mail.ru.

В статье рассматриваются особенности признания недействительными электронных сделок. Автор анализирует проблемы, возникающие в связи с использованием технических средств для идентификации сторон и подтверждения их истинного волеизъявления. Ключевым риском признания электронной сделки недействительной, по мнению автора, является порок воли, который в современных реалиях выходит за рамки оценки психического состояния лица и распространяется на ситуации заключения сделок с помощью технических средств без ведома субъекта. Освещаются проблемы применения последствий признания электронных сделок, заключенных в блокчейн-системах, недействительными.

Ключевые слова: электронные сделки, недействительность сделок, порок воли, электронная подпись, смарт-контракты, криптовалюта, электронные агенты

Для цитирования: Устюжанина В. О. Особенности признания электронных сделок недействительными: основания и последствия // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 6. С. 30–34. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_6_30.

FEATURES OF RECOGNITION OF ELECTRONIC TRANSACTIONS AS INVALID: GROUNDS AND CONSEQUENCES

Ustuzhanina Victoria

Lecturer, Samara Law Institute of Federal Penitentiary Service of Russia (Samara),
ORCID: 0000-0002-7600-5778, e-mail: v.o.sizinceva@mail.ru.

The article examines the specifics of invalidating electronic transactions. Author analyzes the problems that arise in connection with the use of technical means to identify the parties and confirm their true expression of will. According to the author, the key risk of invalidating an electronic transaction is a vice of will, which in modern realities goes beyond assessing the mental state of a person and extends to situations of concluding transactions using technical means without the knowledge of the subject. The author also highlights the problems of applying the consequences of invalidating electronic transactions concluded in blockchain systems.

Key words: electronic transactions, invalidity of transactions, vice of will, electronic signature, smart contracts, cryptocurrency, electronic agents

For citation: Ustuzhanina V. (2025) Features of recognition of electronic transactions as invalid: grounds and consequences. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 6, pp. 30–34, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_6_30.

Развитие электронной коммерции и способов заключения сделок дистанционным способом, несомненно, ускоряет бизнес-процессы и делает их удобнее.

Технические средства позволяют заключать сделки дистанционно, что, в свою очередь, способствует увеличению объема и количества заключаемых трансграничных сделок, и выстраивать отношения удаленно.

Вместе с тем применение электронных способов заключения сделок ставит перед субъектами права множество новых вопросов и задач.

Так, для заключения сделок дистанционно технические способы должны отвечать требованиям безопасности и надежности, в том числе ожиданиям участников об истинном волеизъявлении другой стороны, а также о заключении сделки надлежащим субъектом. Как верно отмечает С. В. Артамонникова, при использовании цифровых способов заключения договора невозможно достоверно определить волю лица, а лишь обладателя электронной подписи¹.

Несмотря на достигнутый уровень науки и техники, появление новых способов идентификации сторон, в настоящее время продолжает существовать ряд рисков, возникающих в процессе электронного взаимодействия участников сделок.

Проблема аутентификации и подтверждения воли контрагента – ключевой вызов, требующий особого внимания со стороны законодателя и участников рынка. Ведь сама суть договора как соглашения воли двух сторон ставится под сомнение, если отсутствует надежный способ удостовериться в подлинности этого волеизъявления. Более того, риски, связанные с дистанционным заключением сделок, многократно возрастают в условиях отсутствия личного контакта между сторонами.

В связи с этим полагаем, что одним из главных рисков при использовании технических средств в целях заключения различного рода сделок и, как следствие, основанием признания такой сделки недействительной, является порок воли.

Законодательно термин «порок воли» не закреплен, однако в практике выработался подход, согласно которому порок воли предлагается определять на основе оценки двух критериев: интеллектуального и волевого².

Здесь возникает проблема оценки воли в сделках, совершаемых компьютерными программами.

В соответствии со ст. 309 Гражданского кодекса РФ «условиями сделки может быть предусмотрено исполнение ее сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки».

Как верно отмечает В. К. Шайдуллина, договор может заключаться посредством взаимодействия двух электронных агентов (т. е. компьютерных программ)³. При этом необходимо понимать, как формируется воля в подобного рода соглашениях.

В практике такие сделки встречаются, особенно в сфере криптотрейдинга. Главная задача ботов – отслеживать ситуацию на рынке и мгновенно реагировать на выгодные предложения покупкой или продажей активов⁴.

Интересно рассмотреть «Дело о битве роботов», в рамках которого спор возник в результате сбоя работы биржевого робота, в связи с чем криптовалюта была продана по крайне невыгодному курсу. Особенностью является и то, что с другой стороны правоотношения также выступала специальная программа, которая отслеживала курс криптовалюты и совершила сделку по приобретению активов, зафиксировав выгодный, хоть и ошибочный, курс. В результате долгих разбирательств сделка была признана недействительной как противоречащая принципу справедливости⁵.

¹ Артамонникова С. В. Воля как основополагающий элемент правосубъектности участников сделок, совершаемых в электронной форме // Право: история, теория, практика: сб. материалов IV междунар. очно-заочной науч.-практ. конф., Москва, 21 октября 2022 года. М.: Науч.-изд. центр «Империя», 2022. С. 12.

² Нянькин А. Доказать неспособностью стороны сделки с пороком воли // Адвокатская газета. 2023. 15–31 дек. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/dokazat-nesdelkosposobnost-storony-sdelki-s-porokom-voli/?ysclid=m6967n1du0913968051> (дата обращения: 26.03.2025).

³ Шайдуллина В. К. Использование роботов в электронной торговле при заключении договоров: проблемы правового регулирования // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. № 1. С. 390–392.

⁴ Зверяко В. С. Алгоритмическая торговля – теория и практика на криптовалютных рынках // Аллея науки. 2018. Т. 1. № 5. С. 1024–1028.

⁵ Будылин С. Л. Дело о битве роботов, или может ли смарт-контракт быть недействительным? Комментарий к решению Апелляционного суда Сингапура по делу Quoine Pte Ltd v. B2C2 Ltd [2020] SGCA (I) 02 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 3. С. 47.

Мы полагаем, что действия робота нельзя признать волевыми, роботом пользуется человек, который дает заранее выраженное согласие на совершение юридически значимых действий. Однако действия, совершенные роботом, не всегда совпадают с волей лица, как в приведенном выше примере.

Необходимо отметить, что лицо, используя компьютерную программу в целях автоматизации процесса заключения сделки, делает осознанный выбор. Таким образом, воля формируется непосредственно у лица, заключающего сделку, а сбой программы в этом случае выступает не как регулятивное отношение, а как случайное.

При этом нельзя не согласиться, что в аналогичных ситуациях следует прежде всего руководствоваться принципом добросовестности, сторона, обогатившаяся по ошибочной сделке, должна вернуть все полученное.

Вторым аспектом порока воли является заключение сделки с применением электронной подписи, использованной без воли владельца. Е. Ю. Мурашова приходит к выводу, что электронная сделка может быть признана недействительной, если при ее заключении были использованы несертифицированные способы¹. Кроме того, в практике встречаются споры о признании недействительными кредитных договоров с использованием чужой ЭЦП² и споры о сделках, заключенных с использованием ЭЦП, полученной на основании поддельных документов³.

Таким образом, проанализировав все вышеизложенное, можем прийти к выводу, что появление новых электронных способов заключения сделок обуславливает трансформацию способов волеизъявления и установления волевого критерия при заключении сделок. При этом полагаем, что подход к определению порока воли, когда оценивается психическое состояние лица, несколько устарел, поскольку в современных реалиях проявлением порока воли также может быть заключение сделки с помощью технических средств от имени, но без ведома субъекта либо совершение сделки компьютерной программой с ошибкой, когда воля лица была направлена на другой результат.

Хотелось бы также обратить внимание на особенности применения последствий недействительности сделки к сделкам, заключенным в рамках блокчейн-систем. Так, при разрешении вопроса о признании смарт-контракта недействительным следует учитывать особенности технологии блокчейн. Полагаем, что механизмы реституции в данном случае будут отличаться от тех, которые используются при признании недействительными других сделок. В частности, принудительное исполнение возвращенного по сделке, если предполагается возврат криптовалюты, крайне затруднительно ввиду того, что доступом к цифровому кошельку обладает только владелец кошелька. Можно привести пример из судебной практики, где в рамках процедуры банкротства суд обязал должника передать ключ от цифрового кошелька финансовому управляющему для включения криптовалютных активов в конкурсную массу должника⁴.

Однако для реализации реституции существует больше способов, нежели истребование ключа доступа к цифровому кошельку.

Цифровая валюта с точки зрения законодательства в настоящее время не является деньгами и, соответственно, платежным средством на территории Российской Федерации (ст. 140 ГК РФ), что обуславливает невозможность применения к такого рода обязательствам положений законодательства об исполнении денежных обязательств. Полагаем, что в этом случае может иметь место исполнение обязательства в натуре (ст. 396 ГК РФ), которое предусматривает возможность заменить исполнение обязательства в натуре денежной компенсацией. В связи с этим считаем возможным заменять исполнение обязательства по передаче криптовалюты соответствующей денежной компенсацией по курсу, существовавшему в день возникновения обязанности по передаче. Такой подход может существенно упростить принудительное взыскание цифровой валюты с должников.

¹ Мурашова Е. Ю. Признание сделки недействительной при использовании электронной подписи // Университетские правовые диалоги «право цифровой среды»: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Челябинск, 27–28 марта 2020 года. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2020. С. 91.

² Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 1 марта 2016 г. по делу № 15АП-1132/16.

³ Решение Буйнакского городского суда Республики Дагестан от 29 сентября 2019 г. по делу № 2-530/2020.

⁴ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. по делу № 09АП-16416/2018.

Развитие электронной коммерции и дистанционных способов заключения сделок ставит перед правовой системой новые вызовы, требуя переосмысления существующих подходов, особенно в части идентификации сторон и подтверждения их истинного волеизъявления. Ключевым риском признания электронной сделки недействительной является порок воли, который в современных реалиях выходит за рамки оценки психического состояния лица и распространяется на ситуации заключения сделок с помощью технических средств без ведома субъекта, а также на случаи совершения сделок компьютерными программами с ошибками, искажающими первоначальную волю. В связи с этим необходимо пересмотреть традиционное понимание порока воли, адаптируя его к специфике электронного взаимодействия. Особое внимание следует уделить правовому регулированию сделок, совершаемых электронными агентами (компьютерными программами), которые в настоящее время не имеют четкой нормативной базы, а также усилению мер по защите электронных подписей, используемых при заключении сделок. Последствия признания недействительными смарт-контрактов, заключенных в рамках блокчейн-систем, также требуют особого законодательного урегулирования, поскольку традиционные механизмы реституции затруднительны при возврате криптовалюты. В качестве решения проблемы предлагается заменять возврат криптовалюты денежной компенсацией по курсу на день возникновения обязательства по ее передаче.

Наконец, при разрешении споров, возникших из-за ошибок в работе электронных систем, необходимо руководствоваться принципом добросовестности, требующим возврата всего полученного по ошибочной сделке. Таким образом, правовое регулирование электронных сделок должно адаптироваться к технологическим изменениям, особенно в части понимания порока воли и применения механизмов реституции, учитывая новые способы заключения сделок с использованием технических средств.

Список литературы

Артамонникова С. В. Воля как основополагающий элемент правосубъектности участников сделок, совершаемых в электронной форме // Право: история, теория, практика: сб. материалов IV междунар. очно-заочной науч.-практ. конф., Москва, 21 октября 2022 года. М.: Науч.-изд. центр «Империя», 2022. С. 9–13.

Будылин С. Л. Дело о битве роботов, или может ли смарт-контракт быть недействительным? Комментарий к решению Апелляционного суда Сингапура по делу Quoine Pte Ltd v. B2C2 Ltd [2020] SGCA (I) 02 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 3. С. 46–70.

Зверьяко В. С. Алгоритмическая торговля – теория и практика на криптовалютных рынках // Аллея науки. 2018. Т. 1. № 5. С. 1024–1028.

Мурашова Е. Ю. Признание сделки недействительной при использовании электронной подписи // Университетские правовые диалоги «право цифровой среды»: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Челябинск, 27–28 марта 2020 года. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2020. С. 87–91.

Нянькин А. Доказать несделкоспособность стороны сделки с пороком воли // Адвокатская газета. 2023. 15–31 дек. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/dokazat-nesdelkosposobnost-storony-sdelki-s-porokom-voli/?ysclid=m6967n1du0913968051> (дата обращения: 20.02.2025).

Шайдуллина В. К. Использование роботов в электронной торговле при заключении договоров: проблемы правового регулирования // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. № 1. С. 390–392.

References

Artamonnikova S. V. (2022) Volya kak osnovopolagayushchii element pravosub'ektnosti uchastnikov сделок, sovershaemykh v elektronnoi forme [Will as a fundamental element of legal capacity of participants in transactions made in electronic form]. In *Pravo: istoriya, teoriya, praktika: conference papers*. Moscow, Nauchno-izdatel'skii tsentr «Imperiya», pp. 9–13.

Budylin S. L. (2022) Delo o bitve robotov, ili mozhet li smart-kontrakt byt' nedeistvitel'nym? Kommentarii k resheniyu Apellyatsionnogo suda Singapura po delu Quoine Pte Ltd v. B2C2 Ltd [2020] SGCA (I) 02 [The Robot Battle Case, or Can a Smart Contract Be Invalid? Commentary on the Singapore Court of Appeal decision in Quoine Pte Ltd v. B2C2 Ltd [2020] SGCA (I) 02]. In *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*, no. 3, pp. 46–70.

Murashova E. Yu. (2020) Priznanie sdelki nedeistvitel'noi pri ispol'zovanii elektronnoi podpisi [Invalidation of a transaction when using an electronic signature]. In *Universitetskie pravovye dialogi «pravo tsifrovoi sredy»: conference papers*. Chelyabinsk, Izdatel'skii tsentr YuUrGU, pp. 87–91.

Nyan'kin A. (2023) Dokazat' nesdelkosposobnost' storony sdelki s porokom voli [Prove the incompetence of a party to a transaction with a defect in will]. In *Advokatskaya gazeta*, 15–31 December, available at: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/dokazat-nesdelkosposobnost-storony-sdelki-s-porokom-voli/?ysclid=m6967n1du0913968051> (accessed: 20.02.2025).

Shajdullina V. K. (2020) Ispol'zovanie robotov v elektronnoi torgovle pri zaklyuchenii dogovorov: problemy pravovogo regulirovaniya [Use of robots in electronic commerce when concluding contracts: problems of legal regulation]. In *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*, no. 1, pp. 390–392.

Zveryako V. S. (2018) Algoritmicheskaya trgovlya – teoriya i praktika na kriptovalyutnykh rynkakh [Algorithmic trading – theory and practice on the cryptocurrency trading market]. In *Alleya nauki*, vol. 1, no. 5, pp. 1024–1028.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.03.2025

Дата принятия рукописи в печать: 25.11.2025

УДК / UDC 343

DOI: 10.34076/22196838_2025_6_35

О СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЕ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ В УСЛОВИЯХ КРОСС-САНКЦИЙ

Ващекин Андрей Николаевич

Профессор кафедры информационного и интеллектуального права, цифровых технологий и инноватики Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Москва), кандидат экономических наук, доцент, ORCID: 0000-0003-1770-1607, e-mail: vashchekin@mail.ru.

Ващекина Ирина Викторовна

Доцент кафедры информационного и интеллектуального права, цифровых технологий и инноватики Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Москва), кандидат экономических наук, доцент, ORCID: 0000-0002-7981-8803, e-mail: vashchekina@mail.ru.

В статье исследована судебная практика по спорам об ответственности за незаконное использование товарного знака в условиях введенных в последние годы международных санкций и вступивших в действие антикризисных нормативных правовых актов. Приведены примеры судебных решений, содержащих, как правило, отчетливую и детальную аргументацию, обосновывающую эти решения по совокупности факторов, включая формальное несоответствие нормативного акта или правительственного документа тем обстоятельствам, на которые ссылаются заявители. Анализ судебных решений по подобным делам демонстрирует единую позицию отечественных судов: если правообладатель зарегистрирован в недружественной стране, это не может служить основанием для производства и реализации подделок его продукции. Для суда важно определить, какой ущерб нанесен не только правообладателю (вне зависимости от места регистрации), но в первую очередь потребителю контрафактной продукции, а также какую степень ответственности вследствие своих противозаконных действий должен нести недобросовестный предприниматель, реализующий контрафакт на территории нашей страны.

Ключевые слова: товарный знак, незаконное использование, антикризисные меры, судебная практика

Для цитирования: Ващекин А. Н., Ващекина И. В. О судебной защите товарных знаков в условиях кросс-санкций // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 6. С. 35–39. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_6_35.

ON JUDICIAL PROTECTION OF TRADEMARKS IN THE CONTEXT OF CROSS-SANCTIONS

Vashchekin Andrey

Professor, Lebedev Russian State University of Justice (Moscow), candidate of economic sciences, associate professor, ORCID: 0000-0003-1770-1607, e-mail: vashchekin@mail.ru.

Vashchekina Irina

Associate professor, Lebedev Russian State University of Justice (Moscow), candidate of economic sciences, associate professor, ORCID: 0000-0002-7981-8803, e-mail: vashchekina@mail.ru.

The article examines judicial practice in cases of disputes over liability for the illegal use of a trademark in the context of international sanctions imposed in recent years and anti-crisis regulations that have entered into force. Examples of court decisions are given, which usually contain clear and detailed arguments justifying these decisions

based on a combination of factors, including the formal inconsistency of a regulatory act or government document with the circumstances referred to by the applicants. The analysis of court decisions in such cases demonstrates the unified position of domestic courts: if the copyright holder is registered in an «unfriendly country», this cannot serve as a basis for the production and sale of fakes of its products. It is important for the court to determine what damage has been caused.

Key words: trademark, illegal use, anti-crisis measures, judicial practice

*For citation: Vashchekin A., Vashchekina I. (2025) On judicial protection of trademarks in the context of cross-sanctions. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 6, pp. 35–39, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_6_35.*

На протяжении последнего десятилетия развитие отечественной экономики в значительной степени определяется внешнеполитической ситуацией, характеризующейся неуклонным ростом числа разного рода санкционных ограничений, которые носят не всегда симметричный, но, как правило, взаимный характер. С 2022 г. этот процесс, безусловно, оказывающий негативное влияние на мировую экономику, ускорился, а с 2025 г. мы наблюдаем активную фазу тарифных войн, разворачивающихся уже не против конкретно нашей страны, а ведущихся практически всеми против всех. Волна санкций, вводимых странами «коллективного Запада» в отношении России, имела очевидную цель – подорвать ее экономическую стабильность, чтобы сделать более сговорчивой на международной арене.

В качестве ответных мер в отечественное законодательство были внесены изменения, основными целями которых названы защита уязвимых отраслей экономики и поддержка субъектов, обеспечивающих импортозамещение. Так, 28 февраля 2022 г. вышел Указ Президента РФ № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций». 5 марта того же года Правительство распоряжением № 430-р утвердило перечень иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении нашей страны; 29 марта вышло постановление Правительства РФ от № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы»; 19 апреля – приказ Министерства промышленности и торговли РФ № 1532 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия». 14 июля 2022 г. принят Федеральный закон № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием».

Принятие этих нормативных актов, а также обсуждение многочисленных законодательных инициатив, антикризисных по своей направленности, сопровождались заявлениями представителей высшего звена руководства страны, носившими неформальный характер. Так, Заместитель Председателя Совета Безопасности РФ Д. А. Медведев в интервью международному телеканалу «RT» 23 мая 2023 г. одобрил использование в сложившихся условиях пиратского контента, причем не только скачивание, но и дальнейшее распространение иностранной интеллектуальной продукции, ставшей формально недоступной в России по решению правообладателей. Через два дня его публично поддержал пресс-секретарь Президента РФ Д. С. Песков. И хотя по контексту их заявлений можно было сделать предположение, что речь идет прежде всего о книгах, изображениях, аудио- и видеофайлах, распространяющихся через Интернет (главным образом через торренты), подобные действия официальных лиц должны были по сути изменить отношение к статусу правообладателей всех видов интеллектуальной собственности из недружественных стран.

Для проверки этого предположения в настоящей работе нами будет изучена судебная практика по спорам об интеллектуальной собственности за последние два-три года. Чтобы сузить рамки исследования, ограничимся спорами об ответственности за незаконное использование товарного знака.

Надо сказать, что фирменные наименования и товарные знаки регулируются совокупно не только отечественным законодательством, вплоть до Уголовного кодекса (ст. 180), но и многочисленными международными соглашениями¹. Эти соглашения, а также сложившиеся межгосударственные связи и накопленный опыт взаимодействия, обеспечивавшие сотрудничество в правоохранительной области, последовательно разрушались введением все новых санкционных ограничений, что противоречило задаче по международной борьбе с экономическими преступлениями².

В этом плане интересным и показательным примером является постановление Суда по интеллектуальным правам от 11 ноября 2022 г. № С01-1788/2022 по делу № А76-42835/2021. Некая торговая фирма реализовывала товары с обозначениями, сходными со знаками, правообладатель которых вел свою деятельность на территории США и Финляндии. Иск правообладателя в первой и апелляционной инстанциях был удовлетворен в соответствии с законодательством (факт нарушения исключительных прав правообладателя был документально подтвержден), однако торговая фирма подала в 2022 г. кассационную жалобу, ссылаясь на то, что США и Финляндия являются недружественными странами. Кассационная жалоба не была удовлетворена. Важным обстоятельством, с точки зрения суда, стала дата, в которую было зафиксировано правонарушение, – 2 апреля 2021 г., т. е. задолго до появления самого понятия «недружественные страны». Также было отмечено, что судами первой и апелляционной инстанций принадлежность правообладателя торгового знака к недружественным странам в принципе не могла быть принята во внимание при вынесении обжалуемых судебных актов.

В весьма схожих обстоятельствах и с той же аргументацией Первый арбитражный апелляционный суд вынес постановление от 13 января 2023 г. по делу № А43-22156/2022, не удовлетворив апелляционную жалобу индивидуального предпринимателя и подтвердив решение Арбитражного суда Нижегородской области от 2 ноября 2022 г. Доводы предпринимателя о том, что в действиях истца (иностранного лица из США) имеются признаки злоупотребления правом ввиду регистрации в недружественной стране, отклонены как основанные на неверном толковании норм права.

Судом отмечено, что довод заявителя жалобы о неприменении Указа Президента РФ от 28 февраля 2022 г. № 79 несостоятелен, поскольку данным Указом не предусмотрено введение мер воздействия, закрепляющих освобождение нарушителей исключительных прав от ответственности за ранее совершенные нарушения; реторсии в отношении юридических лиц, касающиеся исключительных прав, Правительством РФ приняты не были.

Еще более интересна для нас весьма отчетливая и детальная аргументация, содержащаяся в постановлении Суда по интеллектуальным правам от 19 августа 2022 г. № С01-1271/2022 по делу № А72-16066/2021. Обстоятельства этого дела напоминают первые два примера за тем лишь исключением, что первоначальное требование правообладателя было в апелляционной инстанции удовлетворено частично (размер компенсации снижен), хотя факт нарушения ответчиком принадлежащих истцу исключительных прав на произведения и товарный знак путем продажи контрафактного товара, на котором размещены эти результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, был установлен.

Ссылки предпринимателя на постановление Правительства от 29 марта 2022 г. № 506 и приказ Минпромторга от 19 апреля 2022 г. № 1532 судом кассационной инстанции были отвергнуты, поскольку правонарушение допущено ответчиком 26 февраля 2021 г., т. е. до вступления этих документов в силу. Суд кассационной инстанции не нашел никаких оснований для отмены обжалуемых судебных актов.

¹ Белин А. В., Ващекин А. Н. О наднациональной охране фирменных наименований // Мониторинг правоприменения. 2021. № 2. С. 42–47.

² Ващекина И. В., Ващекин А. Н. Международные меры противодействия отмыванию нелегальных доходов пятого поколения – правовые условия укрепления безопасности финансового рынка // Вестник университета. 2021. № 1. С. 127.

В постановлении Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 марта 2022 г. № 15АП-3413/2022 по делу № А32-52717/2021 указывается, что ни на момент нарушения ответчиком субъективного права истца, ни на момент рассмотрения дела в суде первой инстанции реторсии в отношении юридических лиц недружественных стран (в данном случае – Южной Кореи), касающиеся исключительных прав, Правительством РФ приняты не были, поэтому решение Арбитражного суда Краснодарского края от 16 февраля 2022 г. оставлено без изменения.

Во всех этих решениях суды явно дают отсылку к известному правилу о том, что закон обратной силы не имеет.

Своеобразная, а потому чрезвычайно интересная для нас аргументация содержится в постановлении Суда по интеллектуальным правам от 20 апреля 2022 г. № С01-380/2022 по делу № А46-23098/2020. Обстоятельства дела все те же: истцом выявлен факт продажи в торговой точке ответчика товара, содержащего изображения, являющиеся объектами исключительных прав истца, при этом разрешения на использование этих объектов ответчик не имеет. Требование истца было удовлетворено и подтверждено в апелляционной инстанции.

Далее суд отмечает, что ответчик в данном случае при рассмотрении дела в судах первой и апелляционной инстанций не воспользовался своевременно своим правом на заявление возражения против рассмотрения иска по существу по мотиву ненаправления ему копии претензии, в связи с чем основания для оставления иска без рассмотрения у судов не имелось. А суд кассационной инстанции не наделен полномочиями по установлению новых обстоятельств, на которые стороны не ссылались в суде первой инстанции.

Судом по интеллектуальным правам также отклоняется содержащийся в кассационной жалобе довод о недопустимости удовлетворения исковых требований иностранного юридического лица из недружественного государства без согласования с Правительственной комиссией по контролю за осуществлением иностранных инвестиций.

Коллегия судей Суда по интеллектуальным правам пришла к выводу, что постановления Правительства от 6 марта 2022 г. № 295 и № 299 не подлежат применению к спорным правоотношениям, в связи с чем суд кассационной инстанции не усмотрел оснований для отмены обжалуемого решения суда первой инстанции и постановления суда апелляционной инстанции.

В результате мы снова обнаруживаем отказ в удовлетворении кассационной жалобы, хотя для его обоснования суду потребовалось уже прибегнуть к совокупности причин, одной из которых явилось отсутствие своевременных действий заявителя.

Бывает, что суд для отказа указывает на формальное несоответствие нормативного акта или правительственного документа тем обстоятельствам, на которые ссылается заявитель.

Так, Первый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 2 октября 2024 г. по делу № А43-2322/2024 отметил, что заявитель жалобы просит применить к своим действиям Указ Президента РФ № 79. Суд указал, что этот акт определяет порядок продажи, оборота иностранной валюты, акций ПАО, а также право кредитных организаций на открытие банковского счета и перевод денежных средств физических лиц в условиях санкций, но не содержит норм, направленных на ограничение охраны исключительных прав иностранных правообладателей, и отказал в удовлетворении апелляционной жалобы.

Нередко в кассационных жалобах встречаются попытки обвинить правообладателя – истца, получившего по решению суда компенсацию, – в злоупотреблении правом на основании его регистрации в недружественной стране. В таких случаях суды обычно отмечают, что п. 1 ст. 10 ГК РФ характеризует злоупотребление правом как осуществление права исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав, и страна регистрации юридического лица не имеет при этом никакого значения. Существенным является то, что для установления факта злоупотребления правом оно должно носить достаточно очевидный характер, а вывод о нем не должен быть следствием предположений. При этом умысел на

заведомо недобросовестное осуществление прав, цель которого – причинение вреда другому лицу, устанавливается на момент совершения действий, в которых усматривается злоупотребление правом.

И здесь мы наблюдаем, что во многих постановлениях в первую очередь рассматривается не то, в какой степени враждебен обладатель исключительных прав, а то, в какой степени противоправны действия лиц, осуществляющих производство и продажу контрафактной продукции, т. е. во главу угла ставится защита граждан России. При этом отмечается, что среди предусмотренных российским законодательством правовых последствий выплата компенсации правообладателю присутствует, но не является единственным. Так указывает, например, Суд по интеллектуальным правам в постановлениях от 19 октября 2022 г. № С01-1871/2022 по делу № А28-11930/2021, от 7 ноября 2022 г. № С01-1763/2022 по делу № А67-988/2022, от 12 сентября 2023 г. № С01-1512/2023 по делу № А27-16574/2022 и др.

Итак, мы приходим к выводу, что регистрация правообладателя в недружественной стране, по мнению российских судов, не может служить основанием для производства и реализации подделок его продукции. При рассмотрении подобных случаев отечественные суды принимают решения о взыскании компенсации в пользу правообладателя независимо от страны его регистрации.

Анализ судебной практики также показывает, что для суда важно определить, какой ущерб нанесен не только правообладателю, но и, в первую очередь, потребителю контрафактной продукции (подавляющее большинство из которых являются гражданами нашей страны), установить, насколько потребитель введен в заблуждение ложно нанесенными товарными знаками, насколько химический состав продукции и технология ее изготовления вредны для здоровья потребителя (среди рассмотренных нами дел довольно часто встречаются споры, связанные с пищевыми продуктами, бытовой химией), какую степень ответственности вследствие своих противоправных действий должен нести недобросовестный предприниматель, реализующий контрафакт на территории нашей страны.

Список литературы

Белин А. В., Ващекин А. Н. О наднациональной охране фирменных наименований // Мониторинг правоприменения. 2021. № 2. С. 42–47.

Ващекина И. В., Ващекин А. Н. Международные меры противодействия отмыванию нелегальных доходов пятого поколения – правовые условия укрепления безопасности финансового рынка // Вестник университета. 2021. № 1. С. 126–133.

References

Belin A. V., Vashchekin A. N. (2021) O nadnatsional'noi okhrane firmennykh naimenovanii [On supranational protection of trade names]. In *Monitoring pravoprimereniya*, no. 2, pp. 42–47.

Vashchekina I. V., Vashchekin A. N. (2021) Mezhdunarodnye mery protivodeistviya otmyvaniyu nelegal'nykh dokhodov pyatogo pokoleniya – pravovye usloviya ukrepleniya bezopasnosti finansovogo rynka [International measures to counteract the laundering of illegal income of the fifth generation – legal conditions for strengthening the security of the financial market]. In *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 126–133.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.06.2025

Дата принятия рукописи в печать: 25.11.2025

УДК / UDC 343

DOI: 10.34076/22196838_2025_6_40

«КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОФАЙЛИНГ»: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ермишина Наталья Сергеевна

Доцент кафедры уголовного права и процесса, директор Института экономики и права Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск), кандидат юридических наук, ORCID: 0009-0000-9813-7213, e-mail: ermishina_nataly@mail.ru.

Коваленков Андрей Викторович

Старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Института экономики и права Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск), ORCID: 0009-0001-2829-937X, e-mail: kovalenkov.av@mail.ru.

Палашов Виктор Анатольевич

Преподаватель кафедры публичного и частного права Института экономики и права Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск), ORCID: 0009-0005-5874-5341, e-mail: palashov-victor@mail.ru.

«Криминалистический профайлинг» в настоящее время признается новым (некоторые полагают – передовым) способом раскрытия преступления. Считается, что он появился в XIX в., получил развитие в XX в., но широкую известность приобрел только в XXI в. Однако, на наш взгляд, это утверждение верно лишь отчасти. Некоторые элементы этого метода использовались в работе правоохранительных органов отдельных стран намного ранее и даже нашли отражение в памятниках литературы. В статье рассматривается проблема определения понятия «криминалистический профайлинг» и его отграничения от понятия «профайлинг», главным критерием разграничения выступает сфера использования. Представлен обзор достоинств данного метода (они, отметим, в основном перечислены у исследователей, занимающихся изучением данной темы), а также сложностей, с которыми могут столкнуться сотрудники правоохранительных органов при расследовании и раскрытии преступлений. Кроме того, высказывается предположение о возможном дальнейшем развитии «криминалистического профайлинга» и его использовании в качестве инструмента по предупреждению совершения деяний, запрещенных законодательством.

Ключевые слова: идентификация человека, криминалистика, «криминалистический профайлинг», «профайлинг», расследование преступлений

Для цитирования: Ермишина Н. С., Коваленков А. В., Палашов В. А. «Криминалистический профайлинг»: возможности и перспективы // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 6. С. 40–48. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_6_40.

«FORENSIC PROFILING»: OPPORTUNITIES AND PROSPECTS

Ermishina Natalia

Associate professor, Director of the Institute of Economics and Law, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk), candidate of legal science, ORCID: 0009-0000-9813-7213, e-mail: ermishina_nataly@mail.ru.

Kovalenkov Andrey

Senior lecturer, Institute of Economics and Law, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk), ORCID: 0009-0001-2829-937X, e-mail: kovalenkov.av@mail.ru.

Palashov Viktor

Lecturer, Institute of Economics and Law, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk),
ORCID: 0009-0005-5874-5341, e-mail: palashov-victor@mail.ru.

«Forensic profiling» is currently considered a new (some called it advanced) way of solving a crime, which appeared in the XIX century, was developed in the XX century, but became widely known only in the XXI century. However, in our opinion, this statement is partly true. Our opinion is justified by the fact that certain elements of this method have already been used in the work of law enforcement agencies in certain countries much earlier and even found their reflection in literary monuments. In addition, the problem of defining the concept of «forensic profiling» and its differentiation from the concept of «profiling», the main criterion for distinguishing which is the scope of use, is considered. Also, an overview of the advantages of this method is presented (which, we note, are mainly present among researchers studying this topic), but also the disadvantages that law enforcement officers may face when investigating and solving crimes. In addition, it is suggested that the possible further development of «forensic profiling» and its use as a tool to prevent the commission of acts prohibited by current legislation.

Key words: human identification, forensic science, «forensic profiling», «profiling», crime investigation

*For citation: Ermishina N., Kovalenkov A., Palashov V. (2025) «Forensic profiling»: opportunities and prospects. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnal»*, no. 6, pp. 40–48, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_6_40.*

Преступление всегда совершает человек. В связи с этим одна из задач правоохранительной системы любого государства во все времена – поиск и изобличение лица, совершившего преступление. Как правило, средства и методы, которые используют люди, занимающиеся поиском преступников, всегда соответствуют тому уровню научного знания, на каком находится общество. Так, в Древнем Китае иногда изобличение подозреваемого в совершенном деянии проводилось при помощи риса¹. Человеку клали в рот горсть риса, а затем зачитывали обвинение. Считалось, что если зерна останутся сухими (от страха разоблачения у человека приостанавливается слюноотделение), то вина подозреваемого доказана.

Однако научно-технический прогресс не стоит на месте. Начиная со второй трети XIX в. в Европе стала набирать популярность такая наука, как психология. Изучение психики помогает понять, каких мировоззренческих позиций придерживается человек, что может его мотивировать и демотивировать, какова логика его действий и т. д. Достижения нового научного направления сразу же стали носить прикладной характер: правоохранительные органы начали применять новый способ поиска преступников², заключающийся в составлении психологического портрета, т. е. заниматься «профилированием личности» (более известное название – «профайлинг»). Со временем сформировались отдельные направления применения «профайлинга» (например, сейчас есть «авиационный профайлинг», «профайлинг на железных дорогах», «гостиничный профайлинг», «бизнес-профайлинг» и т. д.)³, в том числе возникло отдельное направление, занимающееся поиском и изобличением преступников – «криминалистический профайлинг».

Стоит отметить, что исследований, посвященных «профайлингу» в криминалистике, в настоящее время проведено достаточно много, однако охватывают они разные области знаний: инструментарий «профайлера»⁴; отличие «криминалистического про-

¹ Могудин Р. И., Субботина М. В. Использование полиграфа в раскрытии и расследовании преступлений: учеб. пособие. Волгоград: Волгоград. акад. МВД России, 2005. С. 6.

² Одна из первых попыток составления психологического портрета была предпринята в 1888 г. в отношении серийного убийцы и маньяка Джека-потрошителя (Спирица Е. Психология лжи и обмана: как разоблачить лжеца. СПб.: Питер, 2018. С. 22).

³ Карпенко О. А. Криминалистический профайлинг: проблемы применения и пути решения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 4. С. 179. DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10045.

⁴ Арпентьева М. Р. Криминальный профайлинг как технология расследования преступлений // Вестник криминалистики. 2017. № 1–2. С. 30–44.

файлинга» от смежных технологий, использующих эмоции человека для получения информации, необходимой для расследования и раскрытия преступлений¹; основные направления применения методик «профайлинга» и перспективы его внедрения²; опыт применения методики «криминалистического профайлинга» в практике правоохранительных органов зарубежных стран³; моделирование типичных ситуаций, в которых применение технологии «профайлинга» поможет оперативно выявить потенциально опасных лиц⁴. Это свидетельствует, что данная тема представляется одной из востребованных. Однако до сих пор есть области, которые остаются малоисследованными. Так, в отечественной науке мало работ, посвященных истории применения «криминалистического профайлинга»; авторы редко рассматривают трудности, с которыми могут столкнуться сотрудники, применяющие данный метод; нечасто поднимается вопрос о дальнейшем развитии этой совокупности научного знания в практической деятельности работников правоохранительной системы.

В связи с этим целью нашей статьи является изучение «криминалистического профайлинга» как дополнительного способа раскрытия и расследования преступлений. Для достижения поставленной цели нам необходимо решить ряд задач:

- 1) найти примеры использования приемов и методов «криминалистического профайлинга», отраженных в древних памятниках культуры;
- 2) выделить признаки и сформулировать собственное определение «криминалистического профайлинга»;
- 3) выявить достоинства и недостатки применения «профайлинга» на практике при расследовании преступлений;
- 4) сделать предположения о дальнейшем развитии данной отрасли знаний в криминалистике.

Мифология – это способ отражения представлений людей прошлого о мироустройстве как внешней (природы и космоса), так и внутренней (человека и общества) среды. Преступность (как социальное явление) также оставила след в мифах и легендах каждого народа, а раскрытие преступлений (в качестве морально-назидательного элемента повествования) отражало, что за совершение преступления последует наказание. Современные исследователи считают, что зарождение «профилирования» относится к Средним векам, ко временам инквизиции⁵. Однако мы думаем, что «криминалистический профайлинг» как способ изобличения преступников имеет более древнюю историю. Например, при анализе некоторых китайских народных сказок⁶ можно обнаружить, что главные герои опосредованно применяют элементы данного метода.

Так, в сказке «Как судья Бао осла допрашивал»⁷ перед главным героем стоит задача – найти вора, подменившего осла. В данном случае судья применил такой метод «профайлинга», как «матричный метод»⁸, однако не к человеку, а непосредственно

¹ Зиборова О. С. Криминалистический профайлинг и верификация лжи: сходства и отличия // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1. С. 78–83.

² Дзиковская С. Г. Криминологический профайлинг: понятие и виды // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 4-4. С. 93–95; Канузель А. Е., Степанова Е. Е. Профайлинг как средство раскрытия и расследования преступления // Криминалистика: вчера, сегодня и завтра. 2019. № 4. С. 29–32; Коробков В. А. Метод профайлинга в оперативно-розыскной деятельности: проблемы и перспективы использования // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2015. № 1. С. 67–69; Кулик А. В., Мостовую М. А. Понятие профайлинга и сфера его применения // Научная перспектива. 2014. № 2. С. 91–92.

³ Волчецкая Т. С., Абрамовский А. А. Криминалистический профайлинг в России и за рубежом // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 4-2. С. 3–9; Криулина А. М., Харитоновна Н. Н., Ткачук Т. А. К вопросу об использовании криминального профайлинга в составлении и анализе личности преступника // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Сер.: Юридические науки. 2023. № 4. С. 94–96.

⁴ Кузнецова И. И. Применение профайлинга при несении службы по охране общественного порядка // Научный вестник Орловского института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2019. № 4. С. 154–157.

⁵ Волчецкая Т. С., Абрамовский А. А. Указ. соч. С. 3.

⁶ Китайские народные сказки / пер. с кит. Б. Рифтина. М.: Худ. лит., 1972. С. 259–262.

⁷ Там же. С. 259–260.

⁸ Суть метода заключается в прогнозировании поведения в определенных контекстах, применяется в рамках универсальных моделей (матриц), позволяющих оперативно психодиагностировать людей для решения задач (Зиборова О. С. Указ. соч. С. 80).

к единственному свидетелю и одновременно улике – ослу. Осознавая, что животное ранее было в пользовании у преступника, следовательно, может «указать» дорогу к нему, судья приказал несколько дней не кормить и не поить животное, а после еще и побить. То есть главный герой ввел животное в состояние стресса для того, чтобы оно отправилось в единственное безопасное для него место – домой (непосредственно к своему хозяину-преступнику).

В сказке «Как пытали каменную плиту»¹ перед судьей стоит схожая задача – найти вора, укравшего деньги у мальчика-торговца пончиками. Единственным свидетелем преступления является каменная плита. Чтобы привлечь внимание преступника (который наверняка придет на процесс поглумиться над судьей), главный герой решает в зале судебных заседаний ее допросить. Естественно, она не дает ответов на поставленные вопросы, и судья решает ее публично наказать – избить палками. Как следовало ожидать, единственной реакцией слушателей процесса был смех над судьей и стражниками (именно этого судья и добивался – найти повод, чтобы закрыть зал и наказать слушателей за смех). Люди стали просить прощения. Судья решает проявить милосердие: «Ладно, на этот раз я вас пощажу, только пусть каждый, прежде чем домой идти, монетку даст...»² Стражники принесли чан с водой и каждый при выходе бросал монетку, а судья за этим внимательно наблюдал. Неожиданно «смотрит Бао-гун – на воде кружочки жира плавают»³. Увидев это, главный герой применил такой элемент метода «профайлинга», как «эксперимент»⁴ (он вполне осознавал, что преступник может быть среди людей в зале, но не знал, кто это). Единственный способ установить преступника – ввести человека в ситуацию стресса (при которой у него не будет времени на продумывание тактики), задать провокационный вопрос и наблюдать за его реакцией. Судья обвинил этого человека в воровстве («Как закричит судья: „Это ты, пес, у ребенка деньги украл? Признавайся!“»). Преступник же, осознавая противоправность своего деяния, сразу же выдал себя: «Испугался вор, дрожит весь»⁵ (кроме того, позже догадка судьи подтвердилась и найденной у преступника суммой денег, которая была украдена у мальчика).

Стоит отметить, что в настоящее время в Российской Федерации не создана правовая база применения «профайлинга»⁶, в связи с чем как на практике, так и в науке остается открытым вопрос об определении этого понятия. Кроме того, среди исследователей нет единой позиции по использованию терминологии по отношению к «профайлингу» в уголовно-правовой сфере⁷. Поэтому при задействовании методов «профайлинга» в правоохранительной отрасли и в науках уголовно-правового цикла более правильно было бы говорить о «криминалистическом профайлинге», так как это отражает непосредственную специфику сферы его применения – сбор психологических следов, которые помогут найти преступника.

По нашему мнению, «криминалистический профайлинг» как совокупность психологических приемов и способов изобличения преступников обладает следующими признаками:

1) совмещает в себе знания двух областей: криминалистики (поиск и обнаружение следов преступника на месте совершения преступления) и психологии (составление через найденные улики психологического портрета человека, а также анализ поведения личностей, готовящихся к совершению противоправного деяния);

2) применяется по отношению как к лицам, уже совершившим преступление, так и к тем, кто потенциально может его совершить.

¹ Китайские народные сказки. С. 261–262.

² Там же. С. 262.

³ Там же.

⁴ Проверка возможности существования тех или иных явлений или совершения человеком определенных поступков, в том числе выяснение реакций того человека, чей профиль составляется, на те или иные раздражители (Зиберова О. С. Указ. соч. С. 79–80).

⁵ Китайские народные сказки. С. 262.

⁶ Дзиковская С. Г. Указ. соч. С. 94.

⁷ Так, при подготовке этого исследования мы обнаружили, что интересующий нас материал у ряда авторов был озаглавлен по-разному, соответственно, разные термины использовались при описании одних и тех же научных объектов. См., например: Арпентьева М. Р. Указ. соч. С. 30–44; Дзиковская С. Г. Указ. соч. С. 93–95; Зиберова О. С. Указ. соч. С. 78–83.

В науке нет единого подхода к определению понятия «криминалистический профайлинг». Одни авторы понимают его как «действия по составлению поискового психологического портрета неизвестного преступника»¹. Другие считают, что «это практическая методика „чтения людей“, позволяющая на основе комплексной оценки вербального и невербального поведения быстро считать с человека его личностные характеристики и привычки, ценности, мотивы и убеждения, а также спрогнозировать его поведение в интересующем вас контексте или ситуации»². Ряд исследователей трактует «профайлинг» как «технологии предотвращения противоправных действий посредством выявления потенциально опасных лиц и ситуаций с использованием методов прикладной психологии»³. Мы предлагаем собственный вариант определения этого термина: «криминалистический профайлинг» – это совокупность психолого-криминалистических методов, направленных на составление субъективного психологического портрета как человека, который совершил преступление, так и тех, кто представляет оперативный интерес.

«Криминалистический профайлинг» – сравнительно новая технология поиска преступников, пока не имеющая массовой практики применения в Российской Федерации, однако, безусловно, уже обладающая рядом преимуществ по сравнению с традиционными способами. Среди его достоинств можно выделить следующие:

1) анализ личности производится на основании четких и конкретных критериев⁴, благодаря которым можно выявить как человека, уже совершившего преступление, так и того, кто готов реализовать здесь и сейчас преступный умысел. Метод «криминалистического профайлинга» обладает такими качествами, как простота и быстрота, что, безусловно, помогает не только найти преступника, но и предотвратить совершение им преступлений;

2) точность совпадения составленного портрета с реальным обликом преступника. По статистике отдела бихевиористики (структура ФБР, занимающаяся анализом улик и составлением психологического портрета преступника, совершающего преступления с особой жестокостью) это происходит в 67 % случаев⁵. На основании указанных данных мы видим, что такой метод может повысить раскрываемость в первую очередь тяжких и особо тяжких преступлений (а в идеале – также преступлений небольшой и средней тяжести).

Однако при применении «криминалистического профайлинга» работники правоохранительной системы могут столкнуться с рядом трудностей. Перечислим недостатки метода:

1) составленный психологический портрет (в настоящее время) с точки зрения уголовно-процессуального законодательства не может использоваться в качестве доказательства⁶ (однако, конечно, может выполнять вспомогательную функцию при поиске улик, а также при проведении оперативно-разыскных мероприятий по поиску лица, совершившего преступление);

2) для грамотного применения метода сотрудники полиции должны владеть навыками наблюдения и собеседования (т. е. уметь проводить краткую опросную беседу)⁷. Оба этих навыка носят оценочный характер, в связи с чем на правоохранительную службу, вполне вероятно, может поступить человек, не обладающий ими изначально и, возможно, будет не способен предотвратить спланированное преступление, приняв «потенциального» преступника за «обычного среднестатистического» гражданина и наоборот;

3) при общении с гражданами сотрудникам правоохранительных органов необходимо следить за двумя группами признаков, которые могут свидетельствовать о причастности лица к совершению деяния, запрещенного законом⁸. Во-первых, наличие стресса у опрашиваемого. В данном случае, если опрашиваемый страдает генерализо-

¹ Криулина А. М., Харитонова Н. Н., Ткачук Т. А. Указ. соч. С. 94.

² Кулик А. В., Мостовиц М. А. Указ. соч. С. 91.

³ Арпентьева М. Р. Указ. соч. С. 39.

⁴ Криулина А. М., Харитонова Н. Н., Ткачук Т. А. Указ. соч. С. 96.

⁵ Дзиковская С. Г. Указ. соч. С. 94.

⁶ Коробков В. А. Указ. соч. С. 68.

⁷ Кузнецова И. И. Указ. соч. С. 154.

⁸ Там же.

ванным тревожным расстройством, то у него будут отмечаться признаки нервозности (нервная дрожь, учащенное сердцебиение, потливость и т. д.)¹, несмотря на то что он не причастен к совершенному деянию. Во-вторых, сокрытие или искажение значимой информации непосредственно в высказываниях опрашиваемого. Большинство людей в силу житейских установок не хотят взаимодействовать с работниками правоохранительных органов (например, из-за нежелания появления в биографии сведений, что человек являлся свидетелем преступления; боязни необоснованного привлечения в качестве обвиняемого и т. д.). Эти обстоятельства могут вызвать ложное подозрение о причастности лица к преступлению, как следствие, ресурсы правоохранительных органов (использованные в процессе доставки гражданина в отдел полиции, при работе следователя, проведении допроса и т. д.) окажутся потраченными зря;

4) теоретически психологический портрет может быть составлен на личность, которой в мире не существует. Согласно психологической норме у человека может быть только одна личность, однако в некоторых случаях их может быть несколько. Это возможно, если человек страдает диссоциативным расстройством личности². Тогда в нем могут находиться две и более личности, одна из которых (а может быть, и несколько одновременно) может совершать преступления. Стоит отметить, что человек не способен контролировать момент «смены» личности и в силу этого не имеет возможности управлять поведением «других» личностей. Некоторые могут подумать, что описанное скорее похоже на сценарий фантастического фильма, однако это не так. В 1970-х гг. в Соединенных Штатах Америки проходил судебный процесс в отношении Уильяма Стэнли Миллигана. В результате судебного разбирательства было установлено, что преступления совершал не У. Миллиган, а его «другие» личности (все-го в теле этого человека одновременно жили 24 личности)³. Было установлено, что «настоящий» Уильям не допускался к управлению сознанием, в отношении него был вынесен оправдательный вердикт. Его признали невменяемым и отправили на принудительное лечение. Этот случай показывает, что если бы метод «профайлинга» был применен при расследовании преступления, совершенного человеком, страдающим таким заболеванием, то он бы не дал тот результат, на который рассчитывали работники правоохранительных органов.

Стоит отметить, что ученые и ранее занимались поиском способов обнаружения преступника по личностным характеристикам и, аккумулировав свои знания об этом, сформировали концепцию «криминалистической характеристики личности преступника». Одним из авторитетных исследователей, занимающихся данной проблематикой, является доктор юридических наук, профессор Рамиль Линарович Ахмедшин⁴. Ученый систематизировал и значительно расширил знания в данной области. По мнению Р. Л. Ахмедшина, криминалистическая характеристика личности преступника – это система данных о лице, совершившем преступление, которые способствуют его поиску и изобличению⁵.

При первом ознакомлении с концепцией можно предположить, что криминалистическая характеристика личности преступника и «профайлинг» – одно и то же. Концепции действительно имеют много общих черт: во-первых, их цель – поиск и изобличение преступника⁶; во-вторых, для достижения цели используются следы, обнаруженные на месте преступления, ярко индивидуализирующие личность⁷; в-третьих, заимствуются знания из других наук⁸ (например, социологии, психологии, психоана-

¹ Прожерина Ю., Широкова И. Когда тревога становится болезнью // Ремедиум. 2016. № 5. С. 32. DOI: 10.2151/1561-5936-2016-5-32-38.

² Перехов А. Я., Сидоров А. А. Психопатология «модных» диссоциативных расстройств // Социальная и клиническая психиатрия. 2022. Т. 32. № 3. С. 104.

³ Синченкова А. Голоса в голове и «альтернативные» личности: как преступники избежали тюрьмы // Право.ru. 2022. 25 марта. URL: <https://pravo.ru/story/239158/> (дата обращения: 31.08.2024).

⁴ Результатом научной деятельности Рамиля Линаровича являются систематизация и углубление знаний о «криминалистической личности преступника», представленные в диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук (Ахмедшин Р. Л. Криминалистическая характеристика личности преступника: дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2006. 413 с.).

⁵ Ахмедшин Р. Л. Криминалистическая характеристика личности преступника: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2006. С. 23.

⁶ Там же. С. 23.

⁷ Там же. С. 27.

⁸ Там же. С. 24.

лиза и т. д.). Однако указанные концепции имеют существенное различие: если «криминалистическая характеристика личности» направлена только на поиск личности, которая уже совершила преступление¹, то «профайлинг» помимо этого – еще и на обнаружение потенциально опасных лиц² (т. е. позволяет в определенной степени предотвратить совершение нового преступления). Таким образом, «криминалистическая характеристика личности» и «профайлинг» – это две концепции, направленные на реализацию одной и той же цели, однако возможностей у «профайлинга» больше, в связи с чем указанные концепции можно соотносить как общее («профайлинг») с частным (криминалистическая характеристика личности преступника).

Дальнейшая судьба «профайлинга» пока что остается неопределенной. С одной стороны, эффективность раскрытия преступлений этим методом высока (однако эти данные приводятся только на примере раскрытия серийных преступлений). С другой стороны, чтобы популяризировать использование «криминалистического профайлинга», нужна, в первую очередь, целостная образовательная программа, которая могла бы подготовить высококвалифицированных специалистов.

Можно предположить, что для повышения раскрываемости преступлений правоохранительные органы будут использовать технологии искусственного интеллекта. В условиях технологического прогресса специалисты в сфере компьютерных технологий смогут создать программу, основанную на методе «криминалистического профайлинга», которая будет распознавать лица граждан в общественных местах и в потенциальных местах совершения преступлений (например, аэропорты, театры) и «следить» за ними до тех пор, пока они не покинут это общественное пространство. Всех граждан можно поделить на несколько категорий: например, на «безопасных» (не обладают признаками, свидетельствующими о том, что планируют или подготавливают преступление), «потенциально опасных» (у данных граждан психическое состояние носит смешанный характер и не позволяет однозначно идентифицировать их как «безопасных» или «опасных»), «опасных» (в их психике явно прослеживаются признаки планирования совершения преступления). Стоит отметить, что компьютер (в отличие от человека) может провести «слежку» сразу за несколькими людьми, поэтому вероятность того, что все внимание правоохранителей будет сосредоточено только на «подсадном» (пока остальные преступники будут совершать противоправные деяния), практически исключается, так как, считав потенциально «опасную» мимику, компьютер моментально будет «присматривать» за конкретным человеком. В Китайской Народной Республике подобные технологии уже используются. В 2019 г. китайские специалисты разработали технологию распознавания эмоций людей (в первую очередь выявляются признаки агрессивности и нервозности, а также уровень стресса и способность человека нападать на других)³. В режиме апробации подобные технологии используются в аэропортах страны, на станциях метро и таможне. Немного позже (в 2021 г.) подобные технологии были разработаны и представлены нашей страной на международном военно-техническом форуме «Армия-2021»⁴. Однако, как сообщает начальник научно-тематического центра «Т» АО «НПК „НИИДАР“» Никита Бобков, комплекс требует дальнейшей модернизации в виде внедрения технологий идентификации по походке, другим внешним признакам и особенностям человека для выявления подозрительного поведения.

Некоторые исследователи видят «криминалистический профайлинг» как будущее для создания информационной базы данных психолого-криминалистических портретов лиц, подвергавшихся уголовному преследованию⁵. Как утверждают авторы, основное содержание такого криминалистического учета заключалось бы в создании психолого-криминалистического портрета человека с указанием результатов психометрических тестов и сведений о его поведении во время предварительного след-

¹ Ахмедшин Р. Л. Криминалистическая характеристика личности преступника: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. С. 23.

² Кулик А. В., Мостовиук М. А. Указ. соч. С. 91; Криулина А. М., Харитоновна Н. Н., Ткачук Т. А. Указ. соч. С. 96.

³ В аэропортах Китая начали использовать технологию распознавания эмоций // ТАСС. 2019. 1 нояб. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7069902> (дата обращения: 31.08.2024).

⁴ В России создали комплекс скрытого досмотра с функцией распознавания эмоций // ТАСС. 2021. 24 авг. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/12202203> (дата обращения: 31.08.2024).

⁵ Канузель А. Е., Степанова Е. Е. Указ. соч. С. 31.

ствия¹. Однако следует отметить, что в этом случае правильность расшифровки тестов и заполнение психологической карточки будут зависеть целиком от конкретного следователя или дознавателя (а точнее, от его умения правильно составлять психологический портрет преступника).

Таким образом, мы можем сделать вывод, что «криминалистический профайлинг» (как совокупность знаний) появился достаточно давно. Это подтверждается тем, что элементы «профайлинга» использовались народами уже в древности при расследовании преступлений (что нашло отражение в сказках китайцев – одного из древнейших народов мира). Научное описание самого метода в настоящее время требует систематизации знаний и выработки единого подхода к его пониманию. Что же касается дальнейшего применения данной технологии, то в условиях научно-технического прогресса, выраженного в виде автоматизации и компьютеризации системы обработки данных, использование методов «криминалистического профайлинга» видится весьма перспективным способом предотвращения и раскрытия преступлений.

Список литературы

Арпентьева М. Р. Криминальный профайлинг как технология расследования преступлений // Вестник криминалистики. 2017. № 1–2. С. 30–44.

Ахмедшин Р. Л. Криминалистическая характеристика личности преступника: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2006. 48 с.

Ахмедшин Р. Л. Криминалистическая характеристика личности преступника: дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2006. 413 с.

Волчецкая Т. С., Абрамовский А. А. Криминалистический профайлинг в России и за рубежом // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 4-2. С. 3–9.

Дзиковская С. Г. Криминологический профайлинг: понятие и виды // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 4-4. С. 93–95.

Зиборова О. С. Криминалистический профайлинг и верификация лжи: сходства и отличия // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1. С. 78–83.

Канузель А. Е., Степанова Е. Е. Профайлинг как средство раскрытия и расследования преступления // Криминалистика: вчера, сегодня и завтра. 2019. № 4. С. 29–32.

Карпенко О. А. Криминалистический профайлинг: проблемы применения и пути решения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 4. С. 176–183. DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10045.

Китайские народные сказки / пер. с кит. Б. Рифтина. М.: Худ. лит., 1972. 336 с.

Коробков В. А. Метод профайлинга в оперативно-розыскной деятельности: проблемы и перспективы использования // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2015. № 1. С. 67–69.

Криулина А. М., Харитонов Н. Н., Ткачук Т. А. К вопросу об использовании криминального профайлинга в составлении и анализе личности преступника // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Сер.: Юридические науки. 2023. № 4. С. 94–96.

Кузнецова И. И. Применение профайлинга при несении службы по охране общественного порядка // Научный вестник Орловского института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2019. № 4. С. 154–157.

Кулик А. В., Мостовиц М. А. Понятие профайлинга и сфера его применения // Научная перспектива. 2014. № 2. С. 91–92.

Могудин Р. И., Субботина М. В. Использование полиграфа в раскрытии и расследовании преступлений: учеб. пособие. Волгоград: Волгоград. акад. МВД России, 2005. 84 с.

Переухов А. Я., Сидоров А. А. Психопатология «модных» диссоциативных расстройств // Социальная и клиническая психиатрия. 2022. Т. 32. № 3. С. 98–107.

Прожерина Ю., Широкова И. Когда тревога становится болезнью // Ремедиум. 2016. № 5. С. 32–38. DOI: 10.2151/1561-5936-2016-5-32-38.

Спирица Е. Психология лжи и обмана: как разоблачить лжеца. СПб.: Питер, 2018. 272 с.

References

Arpent'eva M. R. (2017) Kriminal'nyi profailing kak tekhnologiya rassledovaniya prestuplenii [Criminal profiling as a crime investigation technology]. In *Vestnik kriminalistiki*, no. 1–2, pp. 30–44.

Akhmedshin R. L. (2006) *Kriminalisticheskaya kharakteristika lichnosti prestupnika: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Criminalistic characteristics of the criminal's personality: an abstract of a doctor of legal sciences thesis]. Tomsk, 413 p.

¹ Канузель А. Е., Степанова Е. Е. Указ. соч. С. 31.

Akhmedshin R. L. (2006) *Kriminalisticheskaya kharakteristika lichnosti prestupnika: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Criminalistic characteristics of the criminal's personality: a doctor of legal sciences thesis]. Tomsk, 413 p.

Dzikonskaya S. G. (2015) Kriminologicheskii profailing: ponyatie i vidy [Criminological profiling: concept and types]. In *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 4-4, pp. 93–95.

Kanuzel' A. E., Stepanova E. E. (2019) Profailing kak sredstvo raskrytiya i rassledovaniya prestupleniya [Profiling as a means of disclosure and investigation of a crime]. In *Kriminalistika: vchera, segodnya i zavtra*, no. 4, pp. 29–32.

Karpenko O. A. (2019) Kriminalisticheskii profailing: problemy primeneniya i puti resheniya [Criminalistic profiling: problems of application and solutions]. In *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*, no. 4, pp. 176–183, DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10045.

Korobkov V. A. (2015) Metod profailinga v operativno-rozysknoi deyatel'nosti: problemy i perspektivy ispol'zovaniya [Profiling method in operational investigative activities: problems and prospects of use]. In *Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimeritel'naya praktika*, no. 1, pp. 67–69.

Kriulina A. M., Kharitonova N. N., Tkachuk T. A. (2023) K voprosu ob ispol'zovanii kriminal'nogo profailinga v sostavlenii i analize lichnosti prestupnika [On the use of criminal profiling in the compilation and analysis of the criminal's personality]. In *Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaya Grigor'evicha Stoletovykh. Ser.: Yuridicheskie nauki*, no. 4, pp. 94–96.

Kulik A. V., Mostovyuk M. A. (2014) Ponyatie profailinga i sfera ego primeneniya [The concept of profiling and the scope of its application]. In *Nauchnaya perspektiva*, no. 2, pp. 91–92.

Kuznetsova I. I. (2019) Primenenie profailinga pri nesenii sluzhby po okhrane obshchestvennogo porядka [The use of profiling in the service of public order protection]. In *Nauchnyi vestnik Orlovskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova*, no. 4, pp. 154–157.

Mogudin R. I., Subbotina M. V. (2005) *Ispol'zovanie poligrafa v raskrytii i rassledovanii prestuplenii: uchebnoe posobie* [The use of a polygraph in the detection and investigation of crimes: textbook]. Volgograd, Volgogradskaya akademiya MVD Rossii, 84 p.

Perekhov A. Ya., Sidorov A. A. (2022) Psikhopatologiya «modnykh» dissotsiativnykh rasstroistv [Psychopathology of «fashionable» dissociative disorders]. In *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya*, vol. 32, no. 3, pp. 98–107.

Prozherina Yu., Shirokova I. (2016) Kogda trevoga stanovitsya bolezn'yu [When anxiety becomes a disease]. In *Remedium*, no. 5, pp. 32–38, DOI: 10.2151/1561-5936-2016-5-32-38.

Riftin B. (Transl.) (1972) *Kitaiskie narodnye skazki* [Chinese folk tales]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 336 p.

Spiritsa E. (2018) *Psikhologiya lzhi i obmana: kak razoblachit' lzhetsa* [The psychology of lies and deception: how to expose a liar]. Saint-Petersburg, Piter, 272 p.

Volchetskaya T. S., Abramovskii A. A. (2018) Kriminalisticheskii profailing v Rossii i za rubezhom [Criminalistic profiling in Russia and abroad]. In *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*, no. 4-2, pp. 3–9.

Ziberova O. S. (2021) Kriminalisticheskii profailing i verifikatsiya lzhi: skhodstva i otlichiya [Forensic profiling and lie verification: similarities and differences]. In *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, no. 1, pp. 78–83.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.08.2025

Дата принятия рукописи в печать: 25.11.2025

УДК / UDC 343

DOI: 10.34076/22196838_2025_6_49

ОСОБЕННОСТИ ИСЧИСЛЕНИЯ И УПЛАТЫ ТУРИСТИЧЕСКОГО НАЛОГА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ловчикова Юлия Владимировна

Аспирант Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва),
ORCID: 0000-0002-7745-4938, e-mail: ylovchikovau@mail.ru.

Данная статья посвящена местному налогу, введенному с 1 января 2025 г. вместо курортного сбора, – туристическому налогу. Отдельно автор останавливается на специфике уплаты и исчисления нового налога: взимается напрямую с организаций и физических лиц, оказывающих услуги по временному проживанию; включается в стоимость проживания; ставка туристического налога варьируется в зависимости от сезона и региона, но не может превышать установленный федеральный лимит. В процессе анализа налогового законодательства были определены специфика уплаты и исчисления туристического налога, а также следующие актуальные вопросы: образовательные организации как налогоплательщики; льготные категории физических лиц, чье проживание не учитывается при исчислении налоговой базы. В завершении работы автор приходит к следующим выводам: 1) использование общежитий как организаций, оказывающих услуги по временному проживанию и не включенных в реестр классифицированных средств размещения, представляется способом обойти туристический налог, поскольку отсутствует механизм контроля налоговой службы за теми, кто проживает в общежитиях, не имея статуса студента; 2) необходимо расширить перечень льготных категорий физических лиц, стоимость проживания которых не учитывается при определении налоговой базы туристического налога, за счет местных жителей и лиц, которые покинули свое место проживания и воспользовались услугами временного проживания в связи с обстоятельствами непреодолимой силы.

Ключевые слова: туристический налог, курортный сбор, налогоплательщики, общежития, льготы, местные жители

Для цитирования: Ловчикова Ю. В. Особенности исчисления и уплаты туристического налога в Российской Федерации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 6. С. 49–55. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_6_49.

FEATURES OF CALCULATION AND PAYMENT OF TOURIST TAX IN THE RUSSIAN FEDERATION

Lovchikova Yulia

Postgraduate, Presidential Academy (Moscow),
ORCID: 0000-0002-7745-4938, e-mail: ylovchikovau@mail.ru.

This article is devoted to the local tax, introduced on January 1, 2025 instead of the resort fee, the tourist tax. The author separately focuses on the specifics of the payment and calculation of the new tax: it is charged directly from organizations and individuals providing temporary accommodation services; it is included in the cost of accommodation; the tourist tax rate varies depending on the season and region, but cannot exceed the established federal limit. In the process of analyzing the current tax legislation, the specifics of the payment and calculation of the tourist tax were identified, as well as the following topical issues: educational organizations

as taxpayers; preferential categories of individuals whose residence is not taken into account when calculating the tax base. At the end of the work, the author comes to the following conclusions: 1) the use of dormitories as organizations providing temporary accommodation services and not included in the register of classified accommodation facilities seems to be a way to circumvent the tourist tax, since there is no mechanism for the tax service to control those who live in dormitories without student status; 2) it is necessary to expand the list of preferential categories of individuals whose cost of living is not taken into account when determining the tax base of the tourist tax, at the expense of local residents and persons who have left their place of residence and used temporary accommodation services due to force majeure circumstances.

Key words: tourist tax, resort fee, taxpayers, hostels, benefits, local residents

*For citation: Lovchikova Yu. (2025) Features of calculation and payment of tourist tax in the Russian Federation. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 6, pp. 49–55, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_6_49.*

С 1 января 2025 г. в Российской Федерации введен новый местный налог – туристический налог (п. 4 ст. 15, гл. 33.1 Налогового кодекса РФ). Данный налог заменяет курортный сбор, действовавший ранее на территории нескольких субъектов Российской Федерации: Краснодарского края, Ставропольского края, Алтайского края, Санкт-Петербурга, федеральной территории «Сириус».

Плательщиками курортного сбора являлись совершеннолетние физические лица, проживающие в объектах размещения более 24 ч (ст. 6 Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 214-ФЗ (ред. от 28 апреля 2023 г.) «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры» (далее – Закон о развитии курортной инфраструктуры)). При этом сумма курортного сбора не включалась в стоимость путевки или проживания, а взималась отдельно специальными операторами – юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями, осуществляющими деятельность по предоставлению услуг по временному проживанию.

Курортный сбор вызвал неоднозначную реакцию в обществе. С одной стороны, данный сбор вводился с целью «увеличения финансирования курортных регионов»¹, а именно для финансового обеспечения работ по благоустройству и ремонту объектов курортной инфраструктуры. С другой стороны, многих граждан возмутило, что за нахождение в отдельных регионах своей страны придется платить сбор за каждый день пребывания.

На взгляд автора, введение туристического налога – это закономерное развитие событий в налогообложении туристской сферы ввиду того, что курортный сбор не соответствовал правовой природе сбора. Последствием уплаты сбора является получение определенного права от государства. Возникает закономерный вопрос: что получали от государства плательщики курортного сбора? Логично предположить, что они приобретали право на пользование инфраструктурой в отдельном муниципальном образовании. Получается, что если физическое лицо не платит курортный сбор, то ему нельзя пользоваться системой водоснабжения, автомобильными дорогами и другими объектами инфраструктуры? Подобное противоречит тому факту, что налоги и сборы должны иметь экономическое основание и не могут быть произвольными (п. 3 ст. 3 НК РФ). Факт использования туристами объектов инфраструктуры не является экономическим обоснованием сбора, поскольку теми же объектами пользуются не только туристы, но и местные жители.

Одно можно утверждать точно: процесс взимания курортного сбора оказался сложным, поскольку «объекты размещения вынуждены были открывать специальные счета для этого сбора, что создавало дополнительную нагрузку»². Эксперимент по введению курортного сбора в отдельных регионах Российской Федерации был

¹ Порывкин С. М. История развития налоговых экспериментов и современные тенденции // Финансовое право. 2021. № 1. С. 40.

² Туристический налог в 2025 году (вместо курортного сбора) // ВсеСанатории.ru: сайт. URL: <https://vsesanatorii.ru/turisticheskiy-nalog-2025/> (дата обращения: 14.02.2025).

прекращен 31 декабря 2024 г. в связи с истечением срока эксперимента (ст. 2 Закона о развитии курортной инфраструктуры). Однако от самой идеи по налогообложению туризма в отдельных регионах с целью поддержки местного бюджета не отказались. На смену курортному сбору пришел туристический налог.

Туристический налог на территории отдельного муниципалитета может вводиться только на основании решения местных органов власти¹. С 1 января 2025 г. такой налог введен в муниципалитетах лишь 63 регионов Российской Федерации². Налогоплательщиком в данном случае признаются организации и физические лица, оказывающие услуги по предоставлению мест для временного проживания физических лиц (ст. 418.2 НК РФ). Стоимость оказываемой услуги без учета НДС является налоговой базой туристического налога (п. 1 ст. 418.4 НК РФ).

Ставка туристического налога устанавливается актами представительных органов муниципальных образований в размерах, не превышающих в 2025 г. 1 %, в 2026 г. – 2 %, в 2027 г. – 3 %, в 2028 г. – 4 %, начиная с 2029 г. – 5 % от налоговой базы (п. 1 ст. 418.5 НК РФ). На взгляд автора, подобное пропорциональное увеличение ставки вызовет меньше негативных последствий среди населения, которое в прошлом и так было возмущено введением курортного сбора, а также будет учитывать инфляционные издержки в стране.

При этом в п. 2 ст. 418.5 НК РФ предусмотрено, что ставки туристического налога могут быть дифференцированы с учетом сезонности (применительно к календарным месяцам, составляющим соответствующие налоговые периоды) и (или) категории средства размещения. Данное правило, на взгляд автора, является рациональным, поскольку не всегда на территорию муниципалитета именно ежегодно приезжает большой туристический поток. Стоит отметить, что правом ограничить взимание туристического налога в отдельные сезоны воспользовались некоторые муниципалитеты. Так, в городе Владивостоке туристический налог взимается только в летне-осенний сезон (с 1 июля по 30 сентября)³.

Туристический налог рассчитывается по стандартному правилу: налоговая база умножается на налоговую ставку. При этом законом прямо предусмотрено, что, если исчисленная сумма менее суммы минимального налога (произведение 100 руб. на количество дней проживания), туристический налог уплачивается в размере минимального (п. 1 ст. 418.7 НК РФ). Путем математических расчетов можно понять следующее: если в 2025 г. ставка по туристическому налогу не может превышать 1 %, то стоимость номера за сутки проживания должна быть от 1000 руб., чтобы уплата налога производилась не по правилу минимального налога. На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что показатели, предусмотренные НК РФ (налоговые ставки, размер минимального налога и др.), соответствуют современным экономическим реалиям, что делает туристический налог приближенным к жизни.

Более того, в ст. 418.7 НК РФ сказано, что налогоплательщики, оказывающие услуги по временному проживанию в составе услуг по санаторно-курортному лечению, исчисляют налог в размере минимального. Данная норма еще раз подчеркивает, что туристический налог имеет социально-экономический смысл, поскольку проживание в санаториях связано, в первую очередь, с лечением в конкретном муниципалитете ввиду природных факторов, качества оказываемой медицинской помощи и других причин значимого характера.

Налоговым периодом туристического налога признается квартал (ст. 418.6 НК РФ). На взгляд автора, по отношению к туристическому налогу законодатель выбрал оптимальный налоговый период; это обусловлено тем, что туристический поток во многом пропорционален фактору сезонности, а сезон, в свою очередь, по временным рамкам аналогичен кварталу.

¹ Налоговое право: учеб. / отв. ред. Е. Ю. Грачева, О. В. Болтинова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. С. 23.

² Российский Союз туриндустрии: офиц. сайт. URL: <https://rst.ru/novosti/novosti-turizma/rst-turisticheskij-nalog-v-rossii-vveli-754-municipalnyh-obrazovaniya-v-63-regionah.html> (дата обращения: 14.02.2025).

³ Муниципальный правовой акт Думы г. Владивостока от 5 ноября 2024 г. № 135-МПА «О туристическом налоге на территории Владивостокского городского округа».

Таким образом, туристический налог от туристического сбора отличается следующим: 1) взимается напрямую с организаций и физических лиц, оказывающих услуги по временному проживанию, а не с туристов через специальных операторов; 2) включается в стоимость проживания, а не оплачивается отдельно, как курортный сбор; 3) ставка туристического налога варьируется в зависимости от сезона и региона, но не может превышать установленный федеральный лимит. Курортный сбор, как и любой сбор, всегда подразумевал фиксированную ставку.

Важно отметить, что в каждом из 63 регионов, где введен туристический налог, доход от него будет различаться. Это обусловлено многими причинами: спрос со стороны туристов, географическое положение региона, уровень развития инфраструктуры, рекламная кампания туроператоров и турагентов.

Интересно отметить, что согласно Общероссийскому классификатору продукции по видам экономической деятельности (утв. приказом Росстандарта от 31 января 2014 г. № 14-ст в ред. от 26 мая 2015 г.) к услугам по предоставлению мест для временного проживания (код 55) относятся в том числе услуги по предоставлению временного жилья для студентов в студенческих общежитиях. Получается, что «образовательные организации, на чьем балансе числятся общежития»¹, потенциально могут быть плательщиками туристического налога. Однако необходимо разобраться: включены ли общежития в реестр классифицированных средств размещения, предусмотренный Федеральным законом от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации».

В соответствии с информацией, размещенной на сайте Министерства экономического развития РФ, общежития не включаются в реестр классифицированных средств размещения². Это говорит о том, что общежития не могут быть налогоплательщиками туристического налога. Однако на практике такое положение не означает, что образовательные организации не предлагают иным лицам (не студентам) услуги по временному проживанию. Например, на сайте Санкт-Петербургского политехнического университета имени Петра Великого³ сказано, что у университета помимо общежитий есть гостиничный комплекс, оказывающий услуги по размещению гостей и партнеров СПбПУ, родственников и друзей обучающихся, абитуриентов и т. д. При этом данный гостиничный комплекс включен в реестр классифицированных средств размещения⁴.

На примере только одного университета нашей страны видно, что существуют образовательные организации, у которых есть гостиничные комплексы. В таких ситуациях университеты являются налогоплательщиками туристического налога и обязаны регистрировать гостиничные комплексы в вышеупомянутом реестре. В то же время не исключены на практике ситуации, когда родители навещают студентов и арендуют комнату в общежитии, а не в гостиничном комплексе. В таком случае туристический налог не уплачивается. Механизм контроля налоговых органов с целью недопущения подобных ситуаций отсутствует. В этом состоит одна из проблем взимания туристического налога.

Вторая проблема туристического налога заключается в перечне льготных категорий физических лиц, которым оказываются услуги по временному проживанию, но в налоговую базу туристического налога стоимость их проживания не включается. В НК РФ прямо указаны восемь категорий таких физических лиц (п. 2 ст. 418.4 НК РФ). Интересно отметить, что «по сравнению с курортным сбором количество льготных

¹ Колосов Н. В. Особенности правового регулирования туристического налога в Российской Федерации // Вопросы конституционного, муниципального, административного и финансового права. 2024. № 4. С. 49.

² Гостиницы и иные средства размещения туристов // Минэкономразвития России: офиц. сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/turizm/gostinicy_i_inye_sredstva_razmeshcheniya_turistov/ (дата обращения: 15.02.2025).

³ Гостиничный комплекс Санкт-Петербургского государственного политехнического университета Петра Великого // Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ): сайт. URL: <https://www.spbstu.ru/structure/gostinichnyy-kompleks/> (дата обращения: 15.02.2025).

⁴ Единый реестр объектов классификации в сфере туристской индустрии. Реестровая запись: № 16605 от 3 марта 2023 г. // Федеральная служба по аккредитации: сайт. URL: <https://fsa.gov.ru/use-of-technology/elektronnye-reestry/reestr-klassifitsirovannykh-obektov-gostinitsy-i-inye-sredstva-razmeshcheniya/> (дата обращения: 15.02.2025).

категорий граждан сократилось»¹ (в Законе о развитии курортной инфраструктуры было предусмотрено 19 групп).

По общему правилу, если услуга проживания оказывается нескольким лицам на основании одного договора, заключенного с одним лицом, то туристический налог исчисляется с общей стоимости оказанной услуги. Однако как рассчитывается и уплачивается налог, если в номере проживает лицо льготной категории? Согласно позиции Минфина России если договор заключен с лицом из числа льготных категорий граждан, то при предоставлении документов, подтверждающих право на льготу, туристический налог не уплачивается, даже если проживать в номере с льготником будут лица без права на льготу. В то же время если льготник проживает в номере, а договор заключен с лицом без права на льготу, тогда налог исчисляется в общем порядке (письмо Минфина России от 28 января 2025 г. № 03-05-04-06/6985). Фактически на федеральном уровне предоставлен легальный способ, как обойти уплату туристического налога: достаточно заключить договор на временное проживание с человеком, который относится к льготной категории.

Важно отметить, что льготы – факультативный элемент туристического налога, т. е. помимо категорий, прямо указанных в п. 2 ст. 418.4 НК РФ, органы местного самоуправления вправе расширить перечень физических лиц, чье проживание не учитывается в налоговой базе при исчислении и уплате туристического налога (п. 4 ст. 12, п. 3 ст. 418.4 НК РФ). Отсюда следует, что если органы местного самоуправления не воспользуются своим правом, то часть граждан может оказаться в тяжелом положении из-за уплаты туристического налога. Следовательно, с целью недопущения налогового обременения необходимо именно на уровне НК РФ закрепить больше категорий физических лиц, чье проживание не должно учитываться при исчислении и уплате туристического налога. О таких категориях физических лиц далее и пойдет речь.

Глава 33.1 НК РФ не учитывает ситуации, когда граждане по не зависящим от них причинам покинули свое место проживания и остановились в гостинице. К таким причинам можно отнести стихийные бедствия и иные обстоятельства непреодолимой силы. В подобных ситуациях туристический налог будет включаться в стоимость проживания для вышеуказанных граждан. Подобная практика не соответствует принципу справедливости налогообложения, поскольку «все обязаны платить налоги, но не все имеют равные возможности для выполнения данной обязанности»².

Решение проблемы только одно – дополнить НК РФ новой льготной категорией физических лиц, которым оказываются услуги по временному проживанию, но туристический налог они не уплачивают, – *«лица, которые покинули свое место проживания и воспользовались услугами временного проживания в связи с обстоятельствами непреодолимой силы»*.

Еще одной проблемой в области льготных категорий туристического налога являются местные жители, которые в свой отпуск остановились в гостиницах в границах своего муниципального образования. Предположим, что семья решила никуда не уезжать в отпуск, но отдохнуть от домашней рутины, и остановилась в гостинице в своем городе. Согласно п. 2 ст. 418.4 НК РФ местные жители не относятся к категории лиц, которым оказываются услуги по временному проживанию, но в налоговую базу туристического налога стоимость их проживания не включается. Соответственно, в стоимость проживания такой семьи будет включен туристический налог, и на семью ляжет дополнительное финансовое бремя.

Интересно отметить, что правом не применять туристический налог к местным жителям воспользовались ряд муниципальных образований и городов федерального значения. Например, Дума Великого Новгорода установила, что в налоговую базу туристического налога не включается стоимость услуг по временному проживанию физических лиц, местом жительства которых является территория Новгородской области³.

¹ Колосов Н. В. Указ. соч. С. 50.

² Ловчикова Ю. В. Конституционно-правовое значение принципов налогового права // Вопросы российской юстиции. 2023. № 26. С. 174.

³ Решение Думы Великого Новгорода от 27 сентября 2024 г. № 218 «Об установлении туристического налога на территории муниципального образования – городского округа Великий Новгород».

Аналогичным правом воспользовались Совет депутатов города Мурманска¹, Петрозаводский городской совет², Тульская городская Дума³ и др.

На взгляд автора, подобная практика с местными жителями максимально противоречит не только смыслу туристического налога, но и антидискриминационной политике государства. Туристический налог направлен на пополнение местного бюджета с целью восстановления и поддержания инфраструктуры туристических мест муниципального образования. В примере, который приведен выше, семья вне зависимости от отпуска будет пользоваться объектами инфраструктуры муниципального образования ввиду своего постоянного места жительства. Если с такой семьи взимать туристический налог, то возникает дискриминация по месту жительства. Во избежание подобной дискриминации необходимо расширить перечень льготных категорий физических лиц, которым оказываются услуги по временному проживанию, но в налоговую базу туристического налога стоимость их проживания не включается.

На основании вышеизложенного считаем необходимым п. 2 ст. 418.4 НК РФ дополнить подпунктами 9, 10 следующего содержания.

«2. При условии предоставления налогоплательщику документов, подтверждающих соответствующий статус физического лица, в налоговую базу не включается стоимость услуги по временному проживанию, оказываемой следующим категориям физических лиц:

...
9) лица, которые покинули свое место проживания и воспользовались услугами временного проживания в связи с обстоятельствами непреодолимой силы;

10) лица, воспользовавшиеся услугой по предоставлению мест для временного проживания в муниципалитете, являющемся для них постоянным местом проживания (местные жители)».

Данные изменения законодательства позволят на федеральном уровне защитить вышеупомянутые категории физических лиц от налогового бремени вне зависимости от права органов местного самоуправления расширить перечень лиц, чье проживание не учитывается при исчислении и уплате налога.

Таким образом, с 1 января 2025 г. в нашей стране появился новый местный налог – туристический. Данный налог направлен на пополнение местного бюджета с целью восстановления и поддержания инфраструктуры туристических мест муниципального образования. Однако его правовая конструкция, по мнению автора, требует совершенствования по следующим причинам:

1) общежития как организации, оказывающие услуги по временному проживанию и не включенные в реестр классифицированных средств размещения, дают возможность обойти туристический налог, поскольку отсутствует механизм контроля налоговой службой за теми, кто проживает в общежитиях, не имея статуса студента;

2) содержащийся в п. 2 ст. 418.4 НК РФ перечень льготных категорий физических лиц, которым оказываются услуги по временному проживанию, не включает лиц, которые покинули свое место проживания и воспользовались услугами временного проживания в связи с обстоятельствами непреодолимой силы, а также местных жителей.

Список литературы

Колосов Н. В. Особенности правового регулирования туристического налога в Российской Федерации // Вопросы конституционного, муниципального, административного и финансового права. 2024. № 4. С. 47–51.

Ловчикова Ю. В. Конституционно-правовое значение принципов налогового права // Вопросы российской юстиции. 2023. № 26. С. 171–177.

Налоговое право: учеб. / отв. ред. Е. Ю. Грачева, О. В. Болтинова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. 304 с.

Порывкин С. М. История развития налоговых экспериментов и современные тенденции // Финансовое право. 2021. № 1. С. 40–45.

¹ Решение Совета депутатов города Мурманска от 29 ноября 2024 г. № 5-68 «Об установлении на территории муниципального образования городской округ город-герой Мурманск туристического налога».

² Решение Петрозаводского городского совета от 13 сентября 2024 г. № 29/28-428 «Об установлении и введении в действие на территории Петрозаводского городского округа туристического налога».

³ Решение Тульской городской Думы от 27 ноября 2024 г. № 3/45 «Об установлении и введении в действие на территории муниципального образования город Тула туристического налога».

References

Gracheva E. Yu., Boltinova O. V. (2023) *Nalogovoe pravo: uchebnik* [Tax law: textbook]. Moscow, Prospekt, 304 p.

Kolosov N. V. (2024) Osobennosti pravovogo regulirovaniya turisticheskogo naloga v Rossiiskoi Federatsii [Features of the legal regulation of the tourist tax in the Russian Federation]. In *Voprosy konstitutsionnogo, munitsipal'nogo, administrativnogo i finansovogo prava*, no. 4, pp. 47–51.

Lovchikova Yu. V. (2023) Konstitutsionno-pravovoe znachenie printsipov nalogovogo prava [The constitutional and legal significance of the principles of tax law]. In *Voprosy rossiiskoi yustitsii*, no. 26, pp. 171–177.

Poryvkin S. M. (2021) Istoriya razvitiya nalogovykh eksperimentov i sovremennye tendentsii [The history of tax experiments and current trends]. In *Finansovoe pravo*, no. 1, pp. 40–45.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.02.2025

Дата принятия рукописи в печать: 25.11.2025

УДК / UDC 340

DOI: 10.34076/22196838_2025_6_56

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ГРАМОТЫ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОБРАЗОВАНИИ И НАУКЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ МИНИАТЮРА

Зипунникова Наталья Николаевна

Заведующий кафедрой истории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург),
кандидат юридических наук, доцент, ORCID: 0000-0003-1800-3704, e-mail: igp@usla.ru.

В статье обозначен конкретный историко-правовой сюжет, связанный со специфическими узаконениями – утвердительными грамотами российских императорских университетов, находившихся в ведомственном подчинении Министерства народного просвещения. Отмечена динамичность законодательства об образовании и науке в Российской империи, а также особая роль в нем нормативных правовых актов об университетах. Утвердительные грамоты (акты постановления, учреждения) университетов начала XIX столетия охарактеризованы как компактные узаконения учредительной природы, имевшие не только нормативную нагрузку, но и немалое символическое значение. Актуализирован вопрос о грамоте Иркутскому университету, открытому одним из белых правительств – Временным Сибирским в 1918 г. Представлен отложившийся в Государственном архиве Иркутской области документ. Сделаны выводы о работе сложных механизмов преемственности в так называемые переходные периоды, а также о перспективности осмысления указанных нормативных правовых актов в контексте развития законодательства об образовании и науке.

Ключевые слова: образование и наука в России, императорские университеты, Министерство народного просвещения, университетское законодательство, утвердительные грамоты, учредительный характер, грамота Иркутского университета, белые правительства

Для цитирования: Зипунникова Н. Н. Университетские грамоты в системе российского законодательства об образовании и науке: историко-правовая миниатюра // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 6. С. 56–65. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_6_56.

UNIVERSITY CERTIFICATES IN THE SYSTEM OF RUSSIAN LEGISLATION ON EDUCATION AND SCIENCE: A HISTORICAL AND LEGAL MINIATURE

Zipunnikova Natal'ya

Head of the Department of History of State and Law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, candidate of legal sciences (Yekaterinburg), ORCID: 0000-0003-1800-3704, e-mail: igp@usla.ru.

The article outlines a specific historical and legal plot related to specific legal acts, namely the approval certificates of Russian imperial universities, which were under the jurisdiction of the Ministry of Public Education. The article highlights the dynamic nature of the legislation on education and science in the Russian Empire, as well as the specific role of the legislation on universities. The approval letters (acts of resolution and establishment) of the universities of the early XIX century are described as compact legal acts of a founding nature, which had not only a regulatory function but also

a significant symbolic value. The article updates the issue of the charter of the Irkutsk University, which was opened by one of the White governments, the Provisional Siberian Government, in 1918. A document from the State Archives of the Irkutsk Region is presented, and conclusions are drawn about the complex mechanisms of continuity during the so-called transitional periods, as well as the potential for understanding these legal acts in the context of education and science legislation.

Key words: education and science in Russia, imperial universities, Ministry of Public Education, university legislation, charters of approval, constituent character, charter of Irkutsk University, white governments

*For citation: Zipunnikova N. (2025) University certificates in the system of Russian legislation on education and science: a historical and legal miniature. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 6, pp. 56–65, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_6_56.*

Динамичное формирование и развитие российского законодательства в сфере образования, науки и в целом культуры в XVIII – начале XX в. было связано, кроме прочего, с принципиальным изменением роли закона в системе источников права, о чем размышляли еще дореволюционные исследователи, прежде всего историки-юристы¹. Как писал М. Ф. Владимирский-Буданов, специально исследовавший вопрос², народное просвещение в XVIII столетии было признано «одной из важных функций государства, но, понятно, только как одно из условий государственной службы»³. Созданное в начале «университетского» XIX в. Министерство народного просвещения (МНП) получило в заведование значительную часть образования, науки, культуры⁴, став также идеологическим ведомством государства⁵.

Эволюция сферы просвещения в XIX – начале XX в., социокультурных, юридико-политических, экономических, научно-технологических и иных потребностей, разнообразных научно-образовательных, культурно-просветительских практик привела к созданию учено-учебных частей в различных ведомствах империи⁶, но управленческое ядро сохранило МНП⁷. Правовое регулирование образовательно-научной деятельности (шире – сферы культуры) в императорской России, несмотря на предпринятые усилия исследователей, как думаем, нуждается в дальнейшем осмыслении.

¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д.: Феникс, 1995. С. 272; Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.) / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. С. 3. А. Н. Филиппов указывал, что в петербургский период «право творится уже не путем обычая, только санкционируемого верховной властью, но путем закона как самостоятельного источника, проводящего в жизнь свои цели, свои принципы». См.: Филиппов А. Н. Учебник истории русского права. 5-е изд., изм. и доп. Ч. 1. Юрьев: Тип. К. Матиссена, 1914. С. 531.

² Владимирский-Буданов М. Ф. Государство и народное образование в России с XVII века до учреждения министерств. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1874; Его же. Государство и народное образование в России XVIII века. Ч. 1: Система профессионального образования (от Петра I до Екатерины II). Ярославль: Тип. Г. В. Фальк, 1874.

³ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. С. 270.

⁴ Манифест «Об учреждении министерств» от 8 июня 1802 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е (далее – ПСЗ-1). СПб.: Тип. II Отделения Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. Т. 27. № 20406. Глава ведомства в узаконении именовался «министром народного просвещения, воспитания юношества и распространения наук».

⁵ Министерская система в Российской империи: К 200-летию министерств в России / отв. сост. Д. И. Раскин. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2007. С. 773.

⁶ Об ученых комитетах и советах министерств и ведомств Российской империи как формах организации науки и учено-административных учреждениях см., например: Павлова Г. Е. Организация науки в России в первой половине XIX в. М.: Наука, 1990; Соболева Е. В. Организация науки в пореформенный период. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1983. Как отмечает А. А. Миронос, анализируя законодательство и размышляя о научном обеспечении государственного управления, этим структурам было присвоено название «особенных установлений». См.: Миронос А. А. Ученые подразделения в системе административного управления России в первой половине XIX века: задачи, структура, эволюция: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Н. Новгород, 2000. С. 21.

⁷ Важно заметить, что в МНП также работал Ученый комитет. См.: Георгиевский А. И. К истории Ученого комитета Министерства народного просвещения. СПб.: Сенат. тип., 1902. В литературе справедливо отмечается, что МНП было наиболее «научноемким» министерством. См.: Родный А. Н. Международно-региональная и ведомственная мобильность российских естествоиспытателей в XVIII – первой половине XIX века // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7. № 2. С. 19.

Университетоцентричность образовательно-научной сферы Российской империи обусловила особое значение законодательства об этих государственных учреждениях, по сути, сопрягавших, смыкавших высшее образование и науку¹, по поводу чего уже была возможность высказываться². Не умаляя значения академического законодательства, пластов узаконений о других учебных заведениях и научных обществах, подчеркнем, что нормативные правовые акты, регулировавшие университетскую деятельность, можно определить как ядро образовательно-научного законодательства рассматриваемого периода. Постепенно, в том числе в ходе рационализации управленческих практик, выстраивалась система актов нормативного содержания нескольких уровней: высочайшие узаконения – ведомственные акты – документация попечителей учебных округов – университетские правила.

В свою очередь, в сложноорганизованном массиве университетского законодательства, который может быть представлен посредством разнообразных количественных и качественных характеристик самодостаточным очерком, заслуживают пристального внимания утвердительные грамоты, акты постановления, учреждения. В самом общем виде эти узаконения представляется возможным описать как сопровождавшие процесс открытия (восстановления, трансформации) университетов компактные нормативные правовые акты учредительной природы, т. е. высочайшие узаконения с концептуальными идеями («системой координат»), развивавшимися в узаконениях особого порядка – университетских уставах. «Соцветие» таких дарованных образовательно-научным центрам актов в России приходится на начало XIX в. В «экспериментальном» для университетов и университетского законодательства предшествующем столетии существовали иные потребности и вопросы, тщательно описанные в историографии, включая проблематику «права первородства» институций и наличия / отсутствия полноценного университетского устава.

В ходе реформ в сфере просвещения в начале XIX столетия, как справедливо отмечает А. Ю. Андреев, в российской истории вновь, как и на рубеже XVII–XVIII вв.³, но «в гораздо более торжественной и широкой форме появилось понятие даруемой верховной властью Утвердительной грамоты университета, необходимой для законодательного закрепления его привилегий и выступавшей обязательным условием основания университета в Средневековье и раннее Новое время». Университетские утвердительные грамоты в России начала «университетского» XIX в., получавшиеся учебными заведениями и впоследствии бережно хранившиеся, историк характеризует как «видимо, самые поздние» в рамках истории европейских университетов, напоминая также об утвердительной грамоте от баденского курфюрста Карла Фридриха Гейдельбергскому университету 1803 г.⁴ В словарной статье в специальном издании он определяет утвердительную грамоту как законодательный акт, гарантировавший права и привилегии университета со стороны верховной власти Российской империи, подчеркнув роль попечителя университета М. Н. Муравьева⁵ как составителя документа, а также то обстоятельство, что подлинный экземпляр грамоты для Москов-

¹ По мнению С. Ф. Ольденбурга (1863–1934), востоковеда и филолога, постоянного секретаря Российской академии наук, «XVIII век был для науки веком академий, XIX век стал веком университетов, а XX век будет веком исследовательских институтов». Цит. по: *Кожевников А.* Первая мировая война, гражданская война и изобретение «большой науки» // *Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов: материалы Междунар. науч. colloквиума.* СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 98.

² *Зипунникова Н. Н.* От университетских уставов Российской империи к советским законам об образовании и науке: о формировании юрико-интеллектуального пространства (юбилейная магистраль) // *Российский юридический журнал.* 2024. № 3. С. 172, 173.

³ Речь идет о жалованных грамотах Киевской (Киево-могилянской) коллегии (впоследствии – академии) 1694 и 1701 гг.

⁴ *Андреев А. Ю.* Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. С. 388.

⁵ О М. Н. Муравьеве, товарище министра народного просвещения, первом попечителе университета и учебного округа, см., например: *Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1: Материалы для истории образования в России в царствование Александра I. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1889. С. 10–13. Многогранная личность просвещенного государственного деятеля небезынтересно показана также: *Кунц Е. В.* М. Н. Муравьев – реформатор, попечитель, наставник, поэт. М.: Новый хронограф, 2018.

ского императорского университета с подписью Александра I и печатью Российской империи хранится в отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ¹.

Так, 5 ноября 1804 г. были подписаны утвердительные грамоты для реформировавшегося Московского и вновь создаваемых Казанского и Харьковского императорских университетов². Текстуально документы схожи, различаясь лишь вводной частью³. Символика, стилистика, семантика вступлений к грамотам отражают «дней Александровых прекрасное начало», а также предысторию, предтечу организации (реформирования) институции. Монарх обращал особенное внимание на Московский университет, «рассуждая за благо» объявить «торжественную признательность» и даровать новые права и преимущества, «более сообразные с просвещением текущему времени»; в числе заслуг «первого в России высшего училища» – «великое» участие на протяжении полувека в образовании способных для государственной службы людей, в распространении знаний и особенно – в усовершенствовании русского («отечественного») языка. Роль одного из основателей университета, по характеристике документа – «знаменитого любителя наук», И. И. Шувалова определена через «патриотическое представление» проекта императрице. Во вступлении к грамоте университета в Казани упоминается созданная там в 1758 г. гимназия, в преамбуле к грамоте Харьковского университета – инициатива слободско-украинского дворянства направить на обустройство нового учебного заведения «достойное признательности Нашей и вечной памяти потомков пожертвование».

В основной – регламентирующей – части текстов узаконений (всего 21 параграф) университеты определялись как сословие ученых мужей, управляемое на основании уставов. Принципиальной основой их правового статуса являлись императорская протекция и ведомственная принадлежность Министерству народного просвещения; главной целевой установкой выступала, наряду с общепросветительской, утилитарная задача подготовки государственных служащих.

Кроме того, в узаконениях в самых общих чертах устанавливались особенности внутреннего устройства институций (совет, правление, делопроизводство, печать), взаимодействия с иными государственными структурами, а также права и преимущества самого учебного заведения и лиц, с ним связанных. Из этих общих рамок, тем не менее, следовали со всей очевидностью закладываемые «правила игры», в том числе самоуправленческий потенциал университетов в учебном, научном плане, «внутренняя расправа и начальство над всеми своими членами, подчиненными и их семействами, при университете пребывающими». Приравниваясь в отношении к другим присутственным местам к коллегиям, университеты также получали право предлагать необходимые изменения в своем устройстве, направляя соответствующие инициативы через попечителя округа на имя главы ведомства.

Университетам предоставлялись права определять в качестве почетных членов российских или зарубежных ученых, возводить в ученые степени (или «достоинства» – кандидата, магистра, доктора), беспошлинно выписывать из-за границы книги, инструменты, машины, художественные и иные необходимые пособия; университетские здания, равно как и дома профессоров (собственные либо наемные), освобождались от постоя и платежа квартирных денег; делопроизводство университета освобождалось от пошлин и использования гербовой бумаги. Университет получил право (одновременно задачу) цензуры собственных сочинений, выписываемых из-за границы для своих нужд произведений, а также всей продукции, издаваемой в университетском учебном округе. В распоряжении учебного заведения были типография и университетская лавка.

¹ Андреев А. Ю. Утвердительная грамота // Императорский Московский университет: 1755–1917: энцикл. слов. / сост. А. Ю. Андреев, Д. А. Цыганков. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010. С. 749–750.

² ПСЗ-1. Т. 28. № 21502, 21503, 21504.

³ Составители актов «профильной» систематизации законодательства об образовании и науке все три узаконения показали одним порядковым номером (44), сопроводив следующим пояснением: «Дарованные университетам Московскому, Харьковскому и Казанскому утвердительные грамоты, буквально между собой согласные, имеют только различные вступления, и потому здесь помещен текст утвердительной грамоты Московского университета, и потом только вступления грамот университетов Харьковского и Казанского». См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1864. Стб. 254.

Привлеченные на службу в университет иностранцы получали льготы при въезде в Российскую империю и при пересечении границы. Особенное внимание в грамотах было уделено правам и преимуществам универсантов (ректора, профессоров, преподавателей, сотрудников, студентов), обусловленным связью с государственной службой: устанавливались классные чины¹, право на выслугу и пенсионное обеспечение, в том числе членам семей. Новое звание – заслуженный профессор – присваивалось профессорам и адъюнктам за 25 лет службы в университете.

Грамотами определялось изначальное годовое содержание университетов, в них содержалась монаршая уверенность в старании всех членов ученого сословия на пользу соответствующего округа и всех верноподданных.

Чуть раньше из-под пера монарха вышли документы сходной природы и назначения, адресованные Дерптскому и Виленскому императорским университетам, которые исторически имели традиции высших учебных заведений, восходившие ко второй половине XVI – первой половине XVII в.² Так, Акт постановления для Дерптского университета был издан 12 декабря 1802 г.³ Им учебное заведение учреждалось на «вечные времена» для империи, в особенности Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерний, в целях распространения знаний и образования юношества на службу Отечеству. Для размещения университета и его развития университету передавались недвижимое и денежные средства; дворянство каждой из остзейских губерний могло выбрать куратора для управления экономическими делами учебного заведения, университет вместе с кураторами соуправлял имуществом, ежегодно направляя министру отчет, который, будучи опубликован в печати, становился доступным и для широкой публики. Императорская протекция, профильное ведомственное управление (в том числе назначение «члена-попечителя» от Комиссии об училищах) и широкие самоуправленческие возможности также нашли отражение в этом учредительном для университета акте. Принцип выборности выступал одним из ключевых; избранный ректор, обязанный заботиться о сохранении «доброго во всем порядка», имел право при необходимости требовать помощи военного начальства.

Акт закреплял в целом те же привилегии университета и универсантов, что были впоследствии отражены в вышепоказанных грамотах 1804 г. Кроме прочего, университетские здания, в том числе занимаемые профессорами, освобождались от военного постоя. Классные чины, право на выслугу и пенсионное обеспечение формировали основу правового статуса профессоров и преподавателей. Устанавливался размер годового жалованья профессорам в течение первых десяти лет (2000 руб. государственными ассигнациями); кроме того, в качестве надбавки ректору назначалась четвертая, а каждому декану факультета – десятая часть этой суммы.

Университету предоставлялось право приема в студенты лиц «всякого звания и состояния», включая иностранцев, обязанных предъявить соответствующие письменные свидетельства о своем состоянии. Устанавливалось правило, которое предполагалось ввести в действие через пять лет после открытия учебного заведения: для занятия мест, требующих юридических или иных знаний, российские подданные – уроженцы остзейских губерний должны были обучаться в течение трех лет в Дерптском или другом университете империи (исключением были чиновники, определяемые по именному повелению).

По мнению А. Ю. Андреева, наиболее важными статьями узаконения, проводившими принципы автономии, были п. 3 (самостоятельное управление доходами «общее с кураторами»), п. 6, даровавший автономный университетский суд («внутреннюю расправу») для преподающих, учащихся, служащих в университете и членов их семей, п. 9, согласно которому все должности в университете избирались советом, после чего ректор поступал на высочайшую конфирмацию, а профессора, учителя, чи-

¹ Так, ректору присваивался 5-й класс, ординарным профессорам – 7-й, экстраординарным профессорам, адъюнктам и удостоенным университетом степени доктора – 8-й, магистрам – 9-й, студентам-кандидатам – 12-й. Поступив в университет, студенты получали право носить шпагу, а отличившиеся успехами в науках и похвальным поведением при вступлении в службу приобретали чин 14-го класса.

² Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 1 / предисл. В. А. Садовниченко. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. С. 228.

³ ПСЗ-1. Т. 27. № 20551.

новники – через «члена-попечителя» – на утверждение профильного министра¹. Примечательны обстоятельная характеристика подготовки этого, по сути первого, документа учредительной природы, особая роль в этом процессе дерптского профессора физики Г. Ф. Паррота, отстаивавшего интересы институции в общении с императором Александром I².

Императорский университет в Вильно получил акт утверждения 4 апреля 1803 г.³ Во вводной его части кратко обозначалось намерение «обеспечить навсегда существование древнего Университета Виленского, основанного в 1578 году, а в 1781 возобновленного сообразно настоящей степени познаний у просвещеннейших народов Европы». Как просветительская, так и утилитарная задачи университетского образования формулировались в узаконении в полной мере: образование полезных граждан для всех состояний и всех родов государственной службы.

В целом нормативный правовой акт содержал правила, схожие с содержавшимися в показанных выше утвердительных документах. Важно добавить, что университет назывался не сословием ученых мужей, но «особенным сословием» на основании устава, «свойственного заведениям сего рода». Несколько подробнее характеризовалась инфраструктура университета (но также в контексте привилегий – освобождения от постоев): здания, залы, кабинеты, типография, аптека и больничные заведения. Обозначалась управленческая роль университета в учебном округе. Так, в подчинение университета определялась Виленская гимназия, но также общественные и частные училища и пансионы, как существующие, так и учреждаемые впоследствии. Часть норм акта устанавливала комплекс недвижимости университета: как уже принадлежащие здания, так и возможные к передаче в будущем имения, принадлежавшие ранее иезуитам. Все «поиезуитские имения, доходы, дома, земли и другие приобретения», имеющиеся и предполагаемые к приобретению по монаршей воле, все дары и доходы по завещаниям частных лиц не могли быть отчуждены у университета и должны были использоваться строго для университетских задач и нужд.

Учредительные университетские грамоты и акты в своих текстах закономерно содержали отсылки к уставам учебных заведений, в которых правовой статус университетов и универсантов определялся более обстоятельно. В историографии разных эпох эти узаконения, их подготовка, содержание и значение нередко характеризуются (или хотя бы только упоминаются) в комплексе⁴. И подчеркнем, что грамоты (акты), наряду с функцией правового регулирования, имели большое символическое значение, продвигая особый характер и статус университета как периферийной институции. Остроумные, дарованные властью узаконения открывали / реформировали / восстанавливали официальную университетскую жизнь, а она формировала специфику их длительного повседневного развития.

Проблематика анализируемых и подобных им документов, как думается, не исчерпывается началом XIX в. Так, сложная, долго существовавшая проблема Сибирского университета, разрешенная открытием в конце столетия императорского университета в Томске, не перечеркнула устремлений общественности Иркутска называться университетским городом. На разломе эпох одно из белых правительств открыло

¹ Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. С. 389.

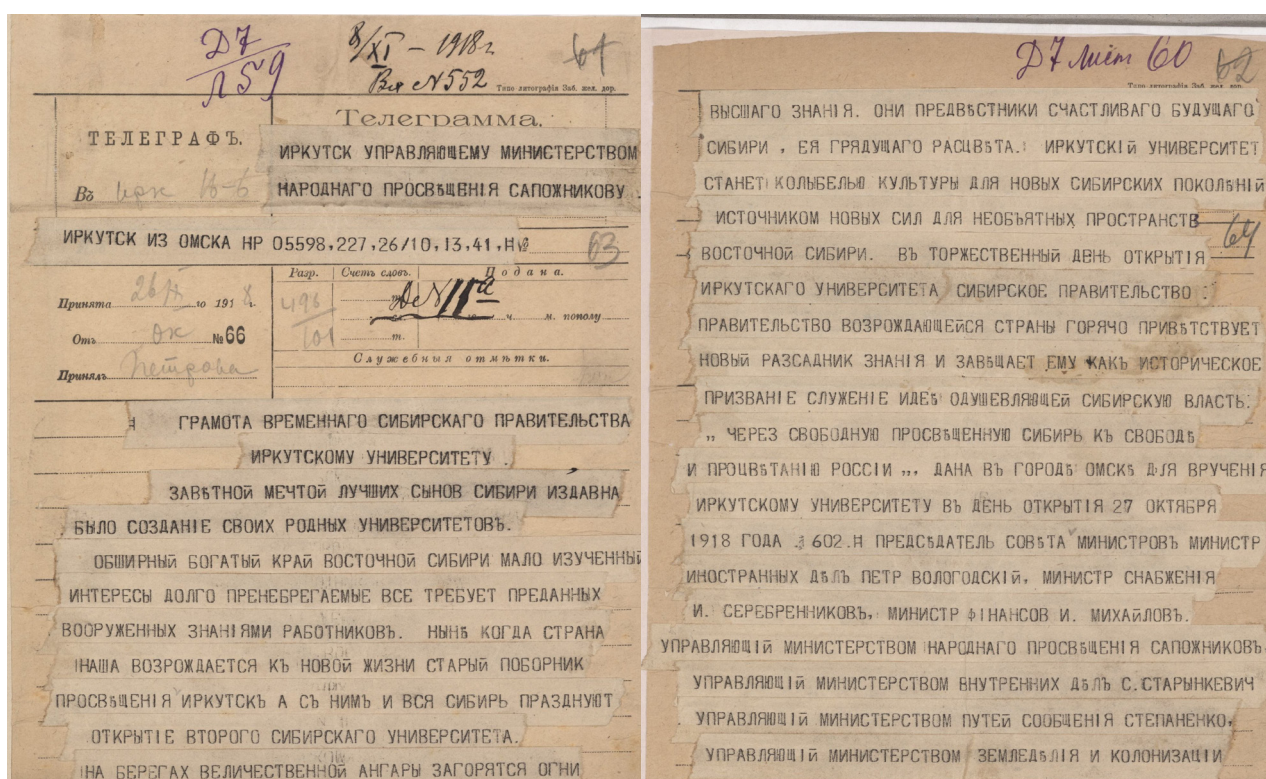
² Там же. С. 382–387. Автором введена в научный оборот переписка императора и ученого. В письме монарху от 28 октября 1802 г. Г. Ф. Паррот писал: «Позавчера утром все силы университету принадлежали, а жизнь – Вам» (дело в том, что 26 октября монарх дал ученому аудиенцию, первую в длинном ряду их личных встреч. – Н. З. См.: Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. С. 383). В том же письме профессор указывал: «Акт постановления, который желаем мы получить, есть последний недостающий камень сей постройки, и разве все сомнения касательно участи каждого из нас, все сражения, выпавшие нам на долю, все страдания не дают нам право узреть завершение нашего деяния?» См.: Андреев А. Ю. Кафедра и трон: переписка императора Александра I и профессора Г. Ф. Паррота / пер. писем с фр. В. А. Мильчиной. М.: Новое лит. обозрение, 2023. С. 150–151.

³ ПСЗ-1. Т. 27. № 20701.

⁴ См., например: Шевырев С. П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. М.: Университетская тип., 1855. С. 339; Андреев А. Ю. Лекции по истории Московского университета. 1755–1855. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 129–130; История Казанского университета / гл. ред. И. П. Ермолаев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 14–15 и др.

в 1918 г. Иркутский университет в составе двух факультетов: историко-филологического и юридического. В литературе отмечались отнюдь не праздные вопросы и «точки отсчета» функционирования и изначальной правовой основы второго в Сибири университета¹. В преддверии 100-летия вуза исследователи его истории ввели в научный оборот некоторые документы – «уникальные исторические источники об истории создания и деятельности ИГУ в 1918–1920 гг.». В то же самое время было высказано сожаление, что так и не удалось установить судьбу другого уникального документа – «Грамоты о создании ИГУ», подписанной премьер-министром Российского правительства Володарским и врученной ректору ИГУ М. Рубинштейну 3 декабря 1918 г.²

Отметим, что в фондах Государственного архива Иркутской области отложился прекрасный документ – Грамота Временного Сибирского правительства Иркутскому университету, направленная телеграммой из Омска 26 октября 1918 г. (в канун торжественного открытия университета)³. В силу значимости исторического, историко-правового источника приведем его здесь «картинкой» для возможности ознакомиться и с его содержанием, и с формой.

В архивном деле собраны торжественные телеграммы в связи с открытием нового университета. И представленная «грамота» также во многом похожа на поздравительное приветствие по случаю важного события. Тем не менее специфика адресанта, сыгравшего значительную роль в появлении институции, объясняет использование особой исследовательской линзы в ходе анализа документа. В нем примечательно все: и название («грамота»), и упомянутый персонально в качестве адресата управляющий Министерством народного просвещения названного правитель-

¹ Alma Mater. Иркутский классический... Историко-публицистические очерки, посвященные 85-летию Иркутского государственного университета / гл. ред. и сост. А. Гимельштейн. Иркутск: Восточно-Сибирская изд. компания, 2003. С. 23; Казарин В. Н., Лякутина Ю. П. Юридическое образование в Восточной Сибири (1918–1991 гг.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. С. 81–82; Зипунникова Н. Н. «Учредить государственный университет в городе Иркутске на следующих основаниях...»: о столетии УрГЮУ сквозь призму документа // Российский юридический журнал. 2017. № 4. С. 204–210.

² Ануфриев А. В. Создание и первые годы деятельности ИГУ (по материалам Государственного архива Российской Федерации) // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2017. Т. 21. С. 170.

³ Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-71. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 63, 64.

ства Сапожников¹, и указанная в тексте дата непосредственного торжества открытия, и перечисленный состав правительства, и, конечно же, пафос стилистики текста. В отличие от вышепоказанных грамот начала XIX в., документ для Иркутского университета не содержит сформулированных правил². Однако тезисы о «создании своих родных университетов» как «заветной мечте лучших сынов Сибири», о возрождении страны «к новой жизни», о возлагаемой на Иркутский университет роли «колыбели культуры для новых сибирских поколений, источника новых сил для необъятных пространств Восточной Сибири» или завещание новому учебному заведению «исторического призвания» служения идее, одушевляющей сибирскую власть: «через свободную просвещенную Сибирь к свободе и процветанию России», – в полной мере отражают специфику времени. Представляется, что направление «грамоты» от имени правительства, последующая соответствующая регламентация деятельности новой институции свидетельствуют о работе важных и сложных механизмов преемственности в культуре, науке, образовании: отсылка к предшествующему опыту чрезвычайно важна, особенно в переломные моменты истории, в так называемые переходные периоды. И в этом смысле сложно переоценить усилия исследователей по продвижению в познании государственно-правовых систем, практик законодательства белых правительств, наряду с дальнейшим изучением особенностей строительства новой образовательно-научной системы и ее правового регулирования советской властью, осенью 1917 г. провозгласившей порывание с предшествующей традицией.

Подводя итог, вновь подчеркнем, что законодательство об образовании и науке в XVIII – начале XX в. занимало отнюдь не периферийное место в эволюционировавшей отечественной правовой системе. Венчая образовательно-научную систему страны и находясь в ведении Министерства народного просвещения, императорские университеты «обрастали» соответствующим пластом законодательства. Среди обилия узаконений различных форм и содержания выделяются утвердительные университетские грамоты (акты постановления, учреждения), которые сопровождали процесс открытия или трансформации этих учебных заведений, отсылая к опыту европейских университетов Средневековья и раннего Нового времени. Будучи актами учредительной природы, эти небольшие по объему узаконения имели кроме нормативной нагрузки и немалое символическое значение. Перспективным видится осмысление не только известных грамот начала XIX столетия, но и вопроса об университетской грамоте для второго в Сибири вуза – открытого одним из белых правительств в 1918 г. Иркутского университета.

Список литературы

Андреев А. Ю. Кафедра и трон: переписка императора Александра I и профессора Г. Ф. Паррота / пер. писем с фр. В. А. Мильчиной. М.: Новое лит. обозрение, 2023. 736 с.

Андреев А. Ю. Лекции по истории Московского университета. 1755–1855. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. 240 с.

Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с.

Андреев А. Ю. Утвердительная грамота // Императорский Московский университет: 1755–1917: энцикл. слов. / сост. А. Ю. Андреев, Д. А. Цыганков. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010. С. 749–750.

Ануфриев А. В. Создание и первые годы деятельности ИГУ (по материалам Государственного архива Российской Федерации) // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2017. Т. 21. С. 166–172.

Владимирский-Буданов М. Ф. Государство и народное образование в России XVIII века. Ч. 1: Система профессионального образования (от Петра I до Екатерины II). Ярославль: Тип. Г. В. Фальк, 1874. 325 с.

Владимирский-Буданов М. Ф. Государство и народное образование в России с XVII века до учреждения министерств. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1874. 142 с.

Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д.: Феникс, 1995. 640 с.

Георгиевский А. И. К истории Ученого комитета Министерства народного просвещения. СПб.: Сенат. тип., 1902. 202 с.

¹ Профессор В. В. Сапожников (1861–1924), известный ученый, ботаник, географ, участвовал в торжественных мероприятиях по открытию университета. См.: Казарин В. Н., Лякутина Ю. П. Указ. соч. С. 83.

² Таковые появятся в постановлении 1919 г. См.: Зипунникова Н. Н. «Учредить государственный университет в городе Иркутске на следующих основаниях...»: о столетии УрГЮУ сквозь призму документа. С. 204–210.

Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-71. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 63, 64.

Зипунникова Н. Н. От университетских уставов Российской империи к советским законам об образовании и науке: о формировании юрико-интеллектуального пространства (юбилейная магистраль) // Российский юридический журнал. 2024. № 3. С. 170–183.

Зипунникова Н. Н. «Учредить государственный университет в городе Иркутске на следующих основаниях...»: о столетии УрГЮУ сквозь призму документа // Российский юридический журнал. 2017. № 4. С. 204–210.

История Казанского университета / гл. ред. И. П. Ермолаев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 656 с.

Казарин В. Н., Лякутина Ю. П. Юридическое образование в Восточной Сибири (1918–1991 гг.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. 483 с.

Кожевников А. Первая мировая война, гражданская война и изобретение «большой науки» // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов: материалы Междунар. науч. коллоквиума. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 87–111.

Кунц Е. В. М. Н. Муравьев: реформатор, попечитель, наставник, поэт. М.: Новый хронограф, 2018. 328 с.

Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.) / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. 576 с.

Министерская система в Российской империи: К 200-летию министерств в России / отв. сост. Д. И. Раскин. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2007. 920 с.

Миронос А. А. Ученые подразделения в системе административного управления России в первой половине XIX века: задачи, структура, эволюция: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Н. Новгород, 2000. 43 с.

Павлова Г. Е. Организация науки в России в первой половине XIX в. М.: Наука, 1990. 240 с.

Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 1 / предисл. В. А. Садовниченко. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. 416 с.

Родный А. Н. Международно-региональная и ведомственная мобильность российских естествоиспытателей в XVIII – первой половине XIX века // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7. № 2. С. 9–28.

Соболева Е. В. Организация науки в пореформенный период. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1983. 262 с.

Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1: Материалы для истории образования в России в царствование Александра I. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1889. 671 с.

Филиппов А. Н. Учебник истории русского права. 5-е изд., изм. и доп. Ч. 1. Юрьев: Тип. К. Матиссена, 1914. 823 с.

Шевырев С. П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. М.: Университетская тип., 1855. 584 с.

Alma Mater. Иркутский классический... Историко-публицистические очерки, посвященные 85-летию Иркутского государственного университета / гл. ред. и сост. А. Гимельштейн. Иркутск: Восточно-Сибирская изд. компания, 2003. 503 с.

References

Andreev A. Yu. (2001) *Leksii po istorii Moskovskogo universiteta. 1755–1855* [Lectures on the history of Moscow University. 1755–1855]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 240 p.

Andreev A. Yu. (2009) *Rossiiskie universitety XVIII – pervoi poloviny XIX veka v kontekste universitskoi istorii Evropy* [Russian Universities of the XVIII – first half of the XIX century in the context of European University history]. Moscow, Znack, 640 p.

Andreev A. Yu. (2010) Utverditel'naya gramota [Certificate of approval]. In *Imperatorskii Moskovskii universitet: 1755–1917: entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), pp. 749–750.

Andreev A. Yu. (2023) *Kafedra i tron: perepiska imperatora Aleksandra I i professora G. F. Parrota* [The Chair and the throne: correspondence between Emperor Alexander I and Professor G. F. Parrot]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 736 p.

Anufriev A. V. (2017) *Sozdanie i pervye gody deyatel'nosti IGU (po materialam Gosudarstvennogo arkhiva Rossiiskoi Federatsii)* [The creation and early years of the IGU (based on the materials of the State Archive of the Russian Federation)]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*, Ser.: Istoriya, vol. 21, pp. 166–172.

Ermolaev I. P. (Ed.) (2004) *Istoriya Kazanskogo universiteta* [The history of Kazan University]. Kazan, Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 656 p.

Filippov A. N. (1914) *Uchebnik istorii russkogo prava* [Textbook of the history of Russian law], 5th ed., revised and add. Yuriev, Tipografiya K. Matissena, part 1, 823 p.

Georgievskii A. I. (1902) *K istorii Uchenogo komiteta Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Towards the History of the Academic Committee of the Ministry of Public Education]. Saint-Petersburg, Senatskaya tipografiya, 202 p.

Gimel'shtein A. (Ed.) (2003) *Alma Mater. Irkutskii klassicheskii... Istoriko-publitsisticheskie ocherki, posvyashchennye 85-letiyu Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta* [Alma Mater. Irkutsk Classical... Historical and journalistic essays dedicated to the 85th anniversary of Irkutsk State University]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskaya izdatel'skaya kompaniya, 503 p.

Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti [State Archive of the Irkutsk Region]. Collection R-71. Inventory 1. File 22. Lists 63, 64.

Kazarin V. N., Lyakutina Yu. P. (2012) *Yuridicheskoe obrazovanie v Vostochnoi Sibiri (1918–1991 gg.)* [Legal education in Eastern Siberia (1918–1991)]. Irkutsk, Izdatel'stvo IGU, 483 p.

Kozhevnikov A. (2003) *Pervaya mirovaya voyna, grazhdanskaya voyna i izobretenie «bol'shoi nauki»* [The First World War, the Civil War and the invention of «big science»]. In *Vlast' i nauka, uchenye i vlast': 1880-e – nachalo 1920-kh godov: conference papers*. Saint-Petersburg, Dmitrii Bulanin, pp. 87–111.

Kunts E. V. (2018) *M. N. Murav'ev: reformator, popechitel', nastavnik, poet* [M. N. Muravyov: reformer, trustee, mentor, poet]. Moscow, Novyi khronograf, 328 p.

Latkin V. N. (2004) *Uchebnik istorii russkogo prava perioda imperii (XVIII i XIX vv.)* [Textbook of the history of Russian law during the Empire (XVIII and XIX centuries)], ed. by V. A. Tomsinov. Moscow, Zertsalo, 576 p.

Mironos A. A. (2000) *Uchenye podrazdeleniya v sisteme administrativnogo upravleniya Rossii v pervoi polovine XIX veka: zadachi, struktura, evolyutsiya: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Academic divisions in the Russian administrative management system in the first half of the XIX century: tasks, structure, evolution: theoretical research: an abstract of a doctor of historical sciences thesis]. Nizhnyi Novgorod, 43 p.

Pavlova G. E. (1990) *Organizatsiya nauki v Rossii v pervoi polovine XIX v.* [The organization of science in Russia in the first half of the XIX century]. Moscow, Nauka, 240 p.

Petrov F. A. (2002) *Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniya v Rossii* [Formation of the university education system in Russia]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, vol. 1, 416 p.

Raskin D. I. (Ed.) (2007) *Ministerskaya sistema v Rossiiskoi imperii: K 200-letiyu ministerstv v Rossii* [The Ministerial system in the Russian Empire: On the 200th anniversary of Ministries in Russia]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 920 p.

Rodnyi A. N. (2016) *Mezhdunarodno-regional'naya i vedomstvennaya mobil'nost' rossiiskikh estestvoispytatelei v XVIII – pervoi polovine XIX veka* [International, regional and departmental mobility of Russian naturalists in the XVIII – first half of the XIX century]. In *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, vol. 7, no. 2, pp. 9–28.

Shevyrev S. P. (1855) *Istoriya imperatorskogo Moskovskogo universiteta, napisannaya k stoletnemu ego yubileyu. 1755–1855* [The history of the Imperial Moscow University, written for its centennial anniversary. 1755–1855]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 584 p.

Soboleva E. V. (1983) *Organizatsiya nauki v poreformennyi period* [Organization of science in the post-Reform period]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 262 p.

Sukhomlinov M. I. (1889) *Issledovaniya i stat'i po russkoi literature i prosveshcheniyu. T. 1: Materialy dlya istorii obrazovaniya v Rossii v tsarstvovanie Aleksandra I* [Research and articles on Russian literature and enlightenment. Vol. 1: Materials for the history of education in Russia during the reign of Alexander I]. Saint-Petersburg, Izdanie A. S. Suvorina, 671 p.

Vladimirkii-Budanov M. F. (1874) *Gosudarstvo i narodnoe obrazovanie v Rossii XVIII veka. Ch. 1: Sistema professional'nogo obrazovaniya (ot Petra I do Ekateriny II)* [The state and public education in Russia of the XVIII century. Part 1: The system of professional education (from Peter I to Catherine II)]. Yaroslavl, Tipografiya G. V. Fal'k, 325 p.

Vladimirkii-Budanov M. F. (1874) *Gosudarstvo i narodnoe obrazovanie v Rossii s XVII veka do uchrezhdeniya ministerstv* [The State and public education in Russia from the XVII century to the establishment of ministries]. Saint-Petersburg, Tipografiya V. S. Balasheva, 142 p.

Vladimirkii-Budanov M. F. (1995) *Obzor istorii russkogo prava* [An overview of the history of Russian law]. Rostov-on-Don, Feniks, 640 p.

Zipunnikova N. N. (2017) «Uchredit' gosudarstvennyi universitet v gorode Irkutске na sleduyushchikh osnovaniyakh...»: o stoletii UrGYuU skvoz' prizmu dokumenta [«To establish the state university in Irkutsk on the following grounds...»: on the 100th anniversary of the Ural State Law University through the prism of the document]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 4, pp. 204–210.

Zipunnikova N. N. (2024) *Ot universitetskikh ustavov Rossiiskoi imperii k sovetskim zakonam ob obrazovanii i nauke: o formirovanii yuridiko-intellektual'nogo prostranstva (yubileinaya magistral')* [From the university statutes of the Russian Empire to the Soviet laws on education and science: on the formation of legal and intellectual space (jubilee highway)]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 170–183.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.08.2025

Дата принятия рукописи в печать: 25.11.2025

УДК / UDC 340

DOI: 10.34076/22196838_2025_6_66

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ПРАВА ГРАЖДАН НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ

Котовой Алексей Сергеевич

Студент института прокуратуры Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (Москва),
ORCID: 0009-0001-1792-7318, e-mail: kotovoi@bk.ru.

В статье представлен сравнительный анализ двух механизмов защиты экологических прав граждан: обращение прокурора в суд в защиту интересов неопределенного круга лиц и подача группового иска. Автор рассматривает преимущества и недостатки каждого из этих способов, опираясь на теоретические исследования специалистов в области экологического права и анализ современной судебной практики. Особое внимание уделяется эффективности групповых исков как инструмента защиты прав граждан в экологических спорах, включая их способность объединять интересы большого числа пострадавших и упрощать доступ к правосудию. На основе проведенного исследования автор приходит к выводу, что групповые иски обладают значительным потенциалом для улучшения доступа к правосудию по экологическим спорам, особенно в случаях массовых нарушений экологических прав. Вместе с тем отмечаются существующие проблемы и ограничения, связанные с применением данного института в российской правовой системе. В заключение подчеркивается необходимость дальнейшего развития и совершенствования института групповых исков в России, включая внесение изменений в законодательство и повышение осведомленности граждан о возможностях их использования. Автор также предлагает рекомендации по оптимизации процедуры подачи и рассмотрения групповых исков в экологических спорах.

Ключевые слова: групповой иск, обращение прокурора, компенсация, экологические права, окружающая среда

Для цитирования: Котовой А. С. Судебная защита права граждан на благоприятную окружающую среду // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 6. С. 66–71. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_6_66.

JUDICIAL PROTECTION OF CITIZENS' RIGHT TO A FAVORABLE ENVIRONMENT

Kotovoy Aleksey

Student, Institute of Public Prosecutor's Office of the Kutafin
Moscow State Law University (MSAL) (Moscow), ORCID: 0009-0001-1792-7318,
e-mail: kotovoi@bk.ru.

The article presents a comparative analysis of two mechanisms for protecting citizens' environmental rights: the prosecutor's appeal to the court to protect the interests of an unspecified group of people and the filing of a class action. The author examines the advantages and disadvantages of each of these methods, based on the theoretical research of experts in the field of environmental law and the analysis of modern judicial practice. Special attention is paid to the effectiveness of class actions as a tool for protecting citizens' rights in environmental disputes, including their ability to unite the interests of a large number of victims and simplify access to justice. Based on the conducted research, the author concludes that class actions have significant potential to improve access to justice in environmental disputes, especially in cases of massive violations of environmental rights. At the same time, the existing problems and limitations associated with the application of this institution in the Russian legal

system are noted. In conclusion, the need for further development and improvement of the institution of class actions in Russia is emphasized, including amendments to legislation and raising awareness of citizens about the possibilities of their use. The author also offers recommendations on optimizing the procedure for filing and considering class actions in environmental disputes.

Key words: class action, prosecutor's appeal, compensation, environmental rights, environment

For citation: Kotovoy A. (2025) Judicial protection of citizens' right to a favorable environment. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 6, pp. 66–71, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_6_66.

Право граждан на благоприятную окружающую среду является одним из основополагающих в наше время. Вопросы, связанные с понятием, содержанием, реализацией и защитой права человека и гражданина на благоприятную окружающую среду, всегда вызывали интерес исследователей различных отраслей права (например, экологического (особый объект – благоприятная окружающая среда), гражданского (система защиты прав установлена в Гражданском кодексе РФ), конституционного (право на благоприятную окружающую среду закреплено в ст. 42 Конституции РФ 1993 г.), административного (административный порядок защиты), международного и др.), в том числе гражданского процессуального права.

ГПК РФ предусматривает несколько механизмов защиты прав граждан на благоприятную окружающую среду. Для защиты прав значительного числа лиц стоит отметить следующие механизмы: обращение прокурора в суд в защиту экологических прав неопределенного круга лиц и иски в защиту группы лиц в соответствии с гл. 22.3 ГПК РФ. Эти способы, с одной стороны, обладают общими чертами, с другой стороны, имеют различия, определяющие весь процесс судебной защиты. К сожалению, в современном мире экологические катастрофы случаются нередко², поэтому видится актуальным сравнить данные механизмы защиты экологических прав граждан и выявить достоинства и недостатки каждого.

Обращение прокурора в суд в защиту экологических прав неопределенного круга лиц

В большинстве государств именно прокурор, в первую очередь, считается субъектом, за которым признается право на обращение в суд в защиту общественных интересов³. В настоящее время возможности прокуроров по инициированию дел в защиту общественных интересов достаточно широки, о чем свидетельствует судебная практика, а защита экологических прав является ярким тому примером⁴.

В литературе отмечается, что особенности защиты прокурором экологических прав населения в рамках гражданского судопроизводства проявляются в нескольких ключевых аспектах. Прежде всего, прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации. Вопрос возникает в том, как определить, чьи именно права и свободы нарушены: неопределенных субъектов среди населения или государства в целом⁵. В связи с этим выделяют две группы дел в зависимости от того, влечет нарушение экологического законодательства нарушение права граждан на благоприятную окружающую среду или нет. Первая группа: происходит нарушение экологического законодательства, которое влечет или может повлечь нарушение права

¹ Абанина Е. Н. Защита права граждан на благоприятную окружающую среду при обращении прокурора в суд: вопросы теории и практики // Современное право. 2014. № 7. С. 38.

² Еще больше людей и кораблей. Что происходит на месте экологической катастрофы в Черном море // 93.RU. URL: <https://93.ru/text/incidents/2025/01/06/74961809/> (дата обращения: 07.01.2025).

³ Туманов Д. А. Защита общественных интересов в гражданском судопроизводстве. М.: Городец, 2024. С. 477.

⁴ См., например: Обзор судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24 июня 2022 г.).

⁵ Дмитрикова Д. А., Никитина А. Д. Особенности защиты прокурором экологических прав неопределенного круга лиц в гражданском процессе // Альманах молодого исследователя. 2023. № 14. С. 45.

граждан на благоприятную окружающую среду. Вторая группа: происходит нарушение норм экологического законодательства, которое не затрагивает право граждан на благоприятную окружающую среду¹. Анализ судебной практики свидетельствует, что при обращении прокуроров в суд в связи с нарушением субъектами хозяйственной деятельности требований экологического законодательства в обоснование нередко указывается, что такое нарушение влечет или может повлечь нарушение права неограниченного круга лиц на благоприятную окружающую среду. Однако не всегда нарушение экологического законодательства приводит к нарушению права на благоприятную окружающую среду².

Следующая особенность данных дел состоит в том, что в основном «загрязнители» несут ответственность только перед государством, а не перед обществом или конкретными гражданами³. В качестве примера можно привести получившую широкую известность утечку дизельного топлива в мае 2020 г. на ТЭЦ-3, принадлежащей АО «Норильско-Таймырская энергетическая компания» (дочерняя компания ПАО «Норникель»). По итогам рассмотрения иска государственного органа арбитражный суд взыскал с компании более 145 млрд руб. в доход федерального бюджета и более 684 млн руб. в доход г. Норильска⁴. Согласно ч. 22 ст. 46 Бюджетного кодекса РФ платежи по искам о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, а также платежи, уплачиваемые при добровольном возмещении вреда, причиненного окружающей среде, подлежат зачислению в бюджет соответствующего уровня в полном размере. Как отмечает П. В. Позднякова, эксперт по экологическому праву и compliance, «ситуация складывается действительно абсурдная: природопользователей контролируют, привлекают к ответственности за экологические нарушения, при этом „справедливо взысканные“ денежные средства затем отправляются в общий котел бюджета и до экологических нужд уже не доходят»⁵.

Из анализа доктрины, норм права и судебной практики можно сделать вывод, что прокурор, будучи лицом, имеющим служебную заинтересованность⁶, ориентируется на наполнение бюджета, выполнение своей роли защитника общественного интереса. Следствием этого является то, что граждане по таким делам, как правило, не получают возмещения за причиненный экологический и экогенный вред⁷.

Групповые иски в защиту экологических прав граждан

Далее рассмотрим преимущества и недостатки использования групповых исков при защите экологических прав граждан.

В первую очередь отметим, что данная форма защиты позволяет заявлять требование о взыскании денежных сумм: российское процессуальное законодательство исключает возможность рассмотрения подобных требований в рамках механизма защиты интересов неопределенного круга лиц⁸. Поэтому на практике, как правило, граждане самостоятельно обращаются в суд после вынесения решения о защите общественных интересов для получения денежного возмещения. Инициирование нескольких судебных процессов обременительно для граждан. В этом ключе механизм групповых исков выглядит более целесообразным и удобным для защиты слабой стороны гражданских процессуальных правоотношений.

Далее стоит отметить заметное развитие групповых исков в сфере экологии применительно к административному судопроизводству⁹. Например, жители Ставрополь-

¹ Абанина Е. Н. Указ. соч. С. 40.

² Там же. С. 42.

³ Групповые иски: сложности и перспективы: колл. моногр. / В. В. Ярков [и др.]; под ред. В. Г. Домшенко. М.: Статут, 2025. С. 183.

⁴ Решение Арбитражного суда Красноярского края от 12 февраля 2021 г. по делу № А33-27273/2020.

⁵ Позднякова П. В. Механизм возмещения вреда как условие коммерческого использования компонентов окружающей среды // Правоведение. 2019. Т. 62. № 4. С. 653.

⁶ Гражданский процесс: учеб. / отв. ред. В. В. Блажеев, Е. Е. Уксусова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. С. 110.

⁷ Бажайкин А. Л. Комментарий к Федеральному закону «Об охране окружающей среды» / под общ. ред. О. Л. Дубовик. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. С. 522–528.

⁸ Журбин Б. А. Групповые и производные иски в судебно-арбитражной практике // СПС «КонсультантПлюс». 2008.

⁹ Групповые иски: сложности и перспективы. С. 199.

ского края дважды добивались признания недействующим регионального законодательства, подрывающего статус особо охраняемых природных территорий. Апелляционный суд общей юрисдикции признал недействующими положения регионального Закона об особо охраняемых природных территориях, которые позволяли в упрощенном порядке ликвидировать статус особо охраняемых природных территорий. Суд также обратил внимание, что регулирование, предусматривающее лишение охрannого статуса в результате «утраты природными объектами особого природоохранного, научного, культурного, эстетического, рекреационного и оздоровительного значения», не соответствует критерию формальной определенности и устанавливает для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения. Кассационный суд оставил без изменения определение апелляции¹.

Д. В. Еременко отмечает, что, возможно, одной из причин большей эффективности административных экологических групповых исков в сравнении с аналогичными исками в гражданском процессе служит меньшая зарегулированность группового производства по КАС РФ в сравнении с ГПК РФ². Действительно, КАС РФ содержит лишь одну статью, посвященную данному вопросу (ст. 42), которая нередко критикуется практикующими юристами. При таком регулировании в рамках административного производства соблюсти процессуальную форму легче. Так, из-за проблемы ненадлежащей публикации предусмотренного ГПК РФ предложения о присоединении к группе были оставлены без рассмотрения групповые иски о приостановлении производственной деятельности до получения специального разрешения на выбросы и проведении инвентаризации отходов³ и о возмещении вреда, причиненного окружающей среде⁴.

Следующий позитивный момент, на который обращают внимание специалисты, – это широкое толкование судами права граждан на защиту благоприятной окружающей среды в контексте разрешения вопроса о наличии или отсутствии у них права на иск (в материальном смысле как притязание)⁵. Верховный Суд РФ в своих определениях подчеркивал важность именно широкого понимания данного права⁶. Нижестоящие суды по большей части придерживаются схожего мнения⁷. Данная практика является очень важной, позиции, выработанные высшими инстанциями, оказывают влияние на всю судебную практику и в перспективе существенно расширяют как перечень возможных групповых исков, так и состав групп.

При изучении экологических групповых исков, рассматриваемых по правилам ГПК РФ, можно выявить следующую особенность. В основном по таким делам заявляются требования об обязанности ответчика совершить определенное действие или прекратить осуществлять какую-либо деятельность⁸. Однако по таким делам, к сожалению, компенсации за нарушение не следует, ответчики практически не несут имущественные риски в связи с невыполнением своих обязанностей. Примеров успешного взыскания денежных средств мало, и те имеют свою специфику: они связаны с нарушением санитарного законодательства⁹. Причем такие дела инициируются Роспотребнадзором, т. е. здесь виден тандем частных лиц и публичных структур¹⁰.

По итогам проделанной работы можно сделать следующие выводы.

¹ Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 17 февраля 2021 г. по делу № 88А-1752/2021, 3а-139/2020.

² Групповые иски: сложности и перспективы. С. 200.

³ Определение Дмитровского районного суда города Костромы от 25 февраля 2021 г. № 2-253/2021~М-1234/2020.

⁴ Определение Егорьевского городского суда Московской области от 28 мая 2020 г. № 2-729/2020~М-339/2020.

⁵ Групповые иски: сложности и перспективы. С. 200–201.

⁶ См., например: кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 22 января 2020 г. № 11-КА19-7; кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 26 июня 2024 г. № 16-КАД24-4-К4.

⁷ Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 7 июня 2022 г. № 88А-11203/2022.

⁸ См., например: решение Клинского городского суда Московской области от 21 декабря 2020 г. по делу № 2-1822/2020.

⁹ Суд взыскал с компании Пригожина компенсацию за отравление детей // Право.ру. URL: <https://pravo.ru/news/215738/> (дата обращения: 23.01.2025).

¹⁰ Групповые иски: сложности и перспективы. С. 203.

Анализ показал, что существующие инструменты – обращение прокурора в защиту неопределенного круга лиц и групповые иски – обладают как значительным потенциалом, так и существенными ограничениями в практическом применении.

Прокурорская защита экологических прав, будучи важным элементом системы охраны окружающей среды, сталкивается с проблемой нечеткого законодательного определения критериев «благоприятной среды», что приводит к необоснованному расширительному толкованию этого понятия в судебной практике. Кроме того, взыскиваемые суммы экологического ущерба, поступая в бюджет, зачастую не направляются непосредственно на восстановление нарушенной экосистемы или компенсацию пострадавшим гражданам.

Групповые иски, несмотря на их очевидные преимущества в защите интересов множества пострадавших, в российской практике сталкиваются с серьезными процессуальными барьерами. К ним относятся сложности доказывания причинно-следственной связи между загрязнением и вредом здоровью, отсутствие финансовой мотивации для юристов, а также преобладание исков о прекращении нарушений над исками о компенсации реального ущерба.

Получить достойную компенсацию по таким делам затруднительно. Это связано с рядом факторов, включая сложности в сборе доказательств и необходимость юридической поддержки для истцов¹. Причины такого положения неоднократно выделялись в доктрине, ученые обсуждают необходимость определенных законодательных изменений². Такими нововведениями могут стать: уточнение законодательного определения благоприятной окружающей среды; создание механизмов целевого использования взысканных экологических платежей; либерализация процессуальных требований к групповым искам; введение стимулов для профессиональных представителей.

В настоящее время получить денежную компенсацию возможно в рамках отдельного индивидуального судебного спора после обращения прокурора (или иного государственного органа) в защиту интересов неопределенного круга лиц. Тем не менее групповое обращение к суду рассматривается как перспективный инструмент для защиты экологических прав граждан. Можно предположить, что в будущем групповые экологические иски должны получить большее распространение.

Список литературы

Абанина Е. Н. Защита права граждан на благоприятную окружающую среду при обращении прокурора в суд: вопросы теории и практики // Современное право. 2014. № 7. С. 38–44.

Комментарий к Федеральному закону «Об охране окружающей среды» / А. Л. Бажайкин [и др.]; под общ. ред. О. Л. Дубовик. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. 560 с.

Гражданский процесс: учеб. / отв. ред. В. В. Блажеев, Е. Е. Уксусова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. 688 с.

Групповые иски: сложности и перспективы: колл. моногр. / В. В. Ярков [и др.]; под ред. В. Г. Домшенко. М.: Статут, 2025. 353 с.

Дмитрикова Д. А., Никитина А. Д. Особенности защиты прокурором экологических прав неопределенного круга лиц в гражданском процессе // Альманах молодого исследователя. 2023. № 14. С. 44–47.

Журбин Б. А. Групповые и производные иски в судебно-арбитражной практике // СПС «КонсультантПлюс». 2008.

Позднякова П. В. Механизм возмещения вреда как условие коммерческого использования компонентов окружающей среды // Правоведение. 2019. Т. 62. № 4. С. 651–670.

Туманов Д. А. Защита общественных интересов в гражданском судопроизводстве. М.: Городец, 2024. 832 с.

References

Abanina E. N. (2014) Zashchita prava grazhdan na blagopriyatnuyu okruzhayushchuyu sredu pri obrashchenii prokurora v sud: voprosy teorii i praktiki [Protection of citizens' right to a favorable environment when a prosecutor goes to court: issues of theory and practice]. In *Sovremennoe pravo*, no. 7, pp. 38–44.

¹ Коллективные иски в гражданском процессе: могут ли они все-таки стать популярными в России и при каких условиях? // ГАРАНТ. URL: <https://www.garant.ru/article/1411887/> (дата обращения: 24.01.2025).

² Групповые иски: сложности и перспективы. С. 203–206.

Bazhaikin A. L., et al. (2013) *Kommentarii k Federal'nomu zakonu «Ob okhrane okruzhayushchei sredy»* [Commentary to the Federal Law «On Environmental Protection»], ed. by O. L. Dubovik, 2nd ed., revised and add. Moscow, Norma, INFRA-M, 560 p.

Blazheev V. V., Uksusova E. E. (Eds.) (2023) *Grazhdanskii protsess: uchebnik* [Civil procedure: textbook], 2nd ed., revised and add. Moscow, Prospekt, 688 p.

Dmitrikova D. A., Nikitina A. D. (2023) Osobennosti zashchity prokurorom ekologicheskikh prav neopredelenного kruga lits v grazhdanskom protsesse [Features of the prosecutor's protection of the environmental rights of an unspecified group of persons in civil proceedings]. In *Al'manakh molodogo issledovatelya*, no. 14, pp. 44–47.

Pozdnyakova P. V. (2019) Mekhanizm vozmeshcheniya vreda kak uslovie kommercheskogo ispol'zovaniya komponentov okruzhayushchei sredy [The mechanism of compensation for harm as a condition for the commercial use of environmental components]. In *Pravovedenie*, vol. 62, no. 4, pp. 651–670.

Tumanov D. A. (2024) *Zashchita obshchestvennykh interesov v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Protection of public interests in civil proceedings]. Moscow, Gorodec, 832 p.

Yarkov V. V., et al. (2025) *Grupповые iski: slozhnosti i perspektivy: kollektivnaya monografiya* [Class actions: difficulties and prospects: collective monography], ed. by V. G. Domshenko. Moscow, Statut, 353 p.

Zhurbin B. A. (2008) Grupповые i proizvodnye iski v sudebno-arbitrazhnoi praktike [Class actions and derivative lawsuits in judicial arbitration practice]. In *SPS «Konsul'tantPlyus»*.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.02.2025

Дата принятия рукописи в печать: 25.11.2025

УДК / UDC 340

DOI: 10.34076/22196838_2025_6_72

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРЕДЕЛОВ ПРОВЕРКИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ СУДАМИ АРБИТРАЖНЫХ РЕШЕНИЙ

Кряжевских Ксения Александровна

Студент Уральского государственного
юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург),
ORCID: 0009-0003-1450-8200, e-mail: zvezda5361@mail.ru.

Целью работы является анализ теоретических подходов к установлению пределов проверки государственными судами арбитражных решений. Каждое государство предусматривает свои основания для отмены арбитражных решений, а также для отказа в их признании и приведении в исполнение. Это является предпосылкой для различных подходов к определению пределов судебного контроля над арбитражными решениями. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение пределов государственного контроля над решениями третейских судов, учитывая различия в подходах к данному вопросу в разных юрисдикциях. Автор рассматривает доктринальные источники в сфере третейского разбирательства и выделяет следующие модели судебного контроля: модель широкого контроля, при которой происходит проверка решения по существу (на предмет правильности применения норм как материального, так и процессуального права); модель ограниченного контроля, при которой арбитражное решение проверяется на предмет наличия у состава арбитража компетенции и существенных процессуальных нарушений, допущенных при рассмотрении спора; отсутствие какой бы то ни было судебной проверки. Данные модели судебного контроля наглядно показывают степень государственного вмешательства в деятельность третейских судов.

Ключевые слова: арбитраж, третейский суд, арбитражные решения, пределы проверки, третейское разбирательство

Для цитирования: Кряжевских К. А. Теоретические подходы к определению пределов проверки государственными судами арбитражных решений // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 6. С. 72–79. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_6_72.

THEORETICAL APPROACHES TO DETERMINING THE LIMITS OF VERIFICATION BY STATE COURTS OF ARBITRAL AWARDS

Kryazhevskikh Ksenia

Student, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg),
ORCID: 0009-0003-1450-8200, e-mail: zvezda5361@mail.ru.

The purpose of the work is to analyze theoretical approaches to determining the limits of verification by state courts of arbitral awards. Each state shall establish its own grounds for the cancellation of arbitral awards, as well as for the refusal to recognize and enforce the arbitral award. This is a prerequisite for different approaches to determining the limits of judicial control over arbitral awards. In this regard, it is of particular relevance to study the limits of state control over the decisions of arbitration courts, given the differences in approaches in different jurisdictions to this issue. The author examines doctrinal sources in the field of arbitration and identifies the following models of judicial control: a model of broad control, in which the decision is checked on the merits (for the correctness of the application of both substantive and procedural law); a model of limited control, in which the arbitral award is checked for the presence of the arbitral tribunal competence and significant procedural violations

committed during the consideration of the dispute; the absence of any judicial review. These models of judicial control clearly show the degree of state interference in the activities of arbitration courts.

Key words: arbitration, arbitral tribunal, arbitral awards, limits of verification, arbitration proceedings

*For citation: Kryazhevskikh K. (2025) Theoretical approaches to determining the limits of verification by state courts of arbitral awards. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 6, pp. 72–79, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_6_72.*

Третейские суды не входят в систему государственных судов, являясь альтернативным способом разрешения споров. Главным условием развития таких способов, включая третейские суды, является заинтересованность субъектов предпринимательской деятельности в их применении. При этом, как полагают исследователи, основой такой заинтересованности является именно экономическая целесообразность. В качестве двух ее основных элементов рассматривают оперативность самой процедуры и стабильность (предсказуемость) ее результатов. Как верно замечает О. Ю. Скворцов, третейские суды являются конкурирующим правовым институтом по отношению к государственному правосудию, который при этом минимизирует временные, а также финансовые издержки предпринимателей¹.

Стоит отметить, что Федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» были увеличены размеры государственных пошлин при обращении в государственные суды. Минимальный размер пошлины по арбитражным спорам вырос в пять раз, а максимальный – в пятьдесят раз. Российский арбитражный центр сравнил ныне действующие государственные пошлины в судах РФ и арбитражные сборы Российского арбитражного центра². Согласно данному обзору при определенной цене иска (например, 5 млн, 10 млн руб.) арбитражные сборы Российского арбитражного центра окажутся меньше, чем размеры государственной пошлины. Все эти факторы, безусловно, делают арбитраж привлекательным для участников гражданского оборота.

Наряду с этим тот факт, что арбитраж не входит в государственную систему судов, автоматически означает, что его решения нуждаются в определенном санкционировании со стороны государства, поскольку требуют его поддержки с точки зрения исполнимости. Именно это, как отмечает С. А. Курочкин, влечет за собой необходимость контроля за арбитражными решениями, поскольку достаточно большое количество гражданско-правовых споров отнесено законодателем к категории арбитрабельных, что дает возможность участникам гражданского оборота рассматривать свои споры в третейском, а не в государственном суде³. Система государственного контроля необходима ввиду того, что третейские суды осуществляют защиту гражданских прав участников предпринимательской деятельности, черпая свои полномочия из соглашения сторон о передаче своих споров в арбитраж⁴. Во главу угла в таком случае ставится именно проблема определения степени государственного контроля над арбитражными решениями.

По мнению Т. Н. Нешатаевой, именно регулярная реализация контрольной функции, т. е. проверка легитимности вынесенных арбитражных решений, вызывает огром-

¹ Скворцов О. Ю. Третейское разбирательство предпринимательских споров в России. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 179–180.

² Обзор изменений НК РФ: сравнение госпошлин в судах и арбитражных сборов в РАЦ // Российский институт современного арбитража. URL: https://modernarbitration.ru/shopuploads/1/%D0%9E%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80_%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B8_%D0%9D%D0%9A_%D0%A0%D0%A4.pdf (дата обращения: 06.11.2024).

³ Курочкин С. А. Теоретические основы контроля за решениями третейских судов и международных коммерческих арбитражей // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 4. С. 44–45.

⁴ Скуратов Ю. И., Кузьминых Н. В. Третейское судопроизводство в России: состояние и перспективы развития // Современное право. 2014. № 10. С. 17.

ное количество вопросов об объеме и границах судебного контроля¹. Все это обусловлено тем, что в законодательстве отсутствуют четкие правовые нормы, касающиеся пределов контроля со стороны государственных судов. При этом, как верно замечает И. В. Решетникова, природа такого судебного контроля отличается от пересмотра на предмет проверки законности и обоснованности судебных актов². Государственные суды – это не вышестоящая инстанция по отношению к арбитражу, они не могут пересматривать решения состава арбитров по существу, ведь это противоречило бы свободе арбитража как самостоятельного и альтернативного института рассмотрения споров. Следовательно, речь идет об особой форме контроля государства за выносимыми решениями третейских судов.

Эффективное третейское разбирательство основано на противоречии между двумя основополагающими принципами: окончательности и справедливости. Отсутствие судебного контроля над арбитражными решениями укрепляет их окончательность, поскольку вынесенное арбитражное решение не подлежит чьему-либо контролю, вследствие чего оно не может быть отменено или изменено. В то же время восстановление нарушенных прав и свобод стороны в ходе третейского разбирательства предполагает наличие судебного надзора³. Уверенность в окончательности арбитражных решений повышает привлекательность третейского разбирательства для субъектов предпринимательской деятельности, но наличие ошибочных и несправедливых арбитражных решений снижает доверие к арбитражу. Таким образом, соображения справедливости требуют, чтобы при рассмотрении дела в арбитраже было вынесено правосудное решение вне зависимости от того, как долго будет продолжаться разбирательство. Принцип окончательности арбитражного решения, напротив, подразумевает установление пределов разбирательства дела в третейском суде для того, чтобы арбитражное решение не подлежало пересмотру или отмене.

Безусловно, стороны третейского разбирательства заинтересованы в окончательности выносимых арбитрами решений, а также их исполнимости. Вместе с тем каждое государство устанавливает свои основания для отмены арбитражных решений, а также для отказа в признании и приведении в исполнение решения арбитража. Это является предпосылкой для множества подходов к определению пределов судебного контроля над арбитражными решениями. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение границ государственного контроля над решениями третейских судов с учетом расхождений в понимании данного вопроса в различных юрисдикциях.

В доктрине отмечается, что судебный контроль над решениями третейских судов может быть как первичным, производимым государственными судами в связи с проверкой или оспариванием арбитражного решения, так и последующим, осуществляющимся уже на стадии признания и приведения в исполнение⁴. Исследователями выделяется несколько моделей реализации первичного судебного контроля, к числу которых можно отнести: модель широкого контроля, при которой происходит проверка решения по существу (на предмет правильности применения норм как материального, так и процессуального права); модель ограниченного контроля, при которой арбитражное решение проверяется на предмет наличия у состава арбитража компетенции и существенных процессуальных нарушений, допущенных при рассмотрении спора; отсутствие какой бы то ни было судебной проверки. Все эти модели первичного судебного контроля отражают степень государственного вмешательства в деятельность третейских судов⁵.

¹ Нешатаева Т. Н. Третейские и государственные суды // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2001. № 2. С. 69.

² Решетникова И. В. Основные формы взаимодействия арбитражных и третейских судов // Третейский суд. 2004. № 4. С. 104–105.

³ William W. P. Why Courts Review Arbitral Awards // *Recht der Internationalen Wirtschaft und Streiterledigung im 21. Jahrhundert* / ed. by R. Briner, L. Y. Fortier, K. P. Berger, J. Bredow. Köln: Carl Heymanns Verlag KG, 2001. P. 596.

⁴ Goldstein M. J. Annulled Awards in the US Courts: How Primary Is «Primary Jurisdiction»? // *Am. Rev. Int'l Arb.* 2014. Vol. 25. P. 29; Scherer M. Effects of Foreign Judgments Relating to International Arbitral Awards: Is the «Judgment Route» the Wrong Road? // *Journal of International Dispute Settlement.* 2013. Vol. 4. № 3. P. 618–619; Paulsson J. Arbitration in three dimensions // *International & Comparative Law Quarterly.* 2011. Vol. 60. № 2. P. 7.

⁵ Брунцева Е. В. Международный коммерческий арбитраж. СПб.: Сентябрь, 2001. С. 225.

1. Модель широкого контроля над арбитражными решениями

Переходя к рассмотрению модели широкого контроля над решениями третейских судов, стоит отметить, что она в основном распространена в странах общего права (Великобритания, некоторые страны Азии и Африки)¹. Особенность широкого контроля состоит в том, что государственные суды обладают большим количеством контрольных полномочий при проверке законности арбитражных решений, обладая в том числе полномочиями по пересмотру решения по существу. В целом в доктринальных источниках отмечается, что такой пересмотр не соответствует положениям Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений от 10 июня 1958 г.²

Основная функция любой апелляции заключается в том, чтобы дать возможность исправить ошибки. Безусловно, нельзя совсем не допускать мысли, что арбитры третейского суда всегда разрешают споры в строгом соответствии со всеми нормами материального и процессуального права. В противном случае в государственные суды не попадало бы столько дел, касающихся нарушения арбитражами каких-либо основополагающих принципов и норм права.

Сторонники концепции широкого контроля аргументируют возможность пересмотра арбитражного решения по существу тем, что возможность подачи апелляции расширяет автономию воли сторон, которая всегда будет преобладать над окончательностью третейского разбирательства³. По сути, в таком случае окончательность третейского решения – непосредственное следствие автономии воли сторон. Кроме того, обязательное судебное рассмотрение спора по существу поддерживается и для того, чтобы способствовать появлению большего количества прецедентов, которые устанавливали бы правила поведения, определяющие действия бизнеса вне рамок конкретного спора.

Комитет по реформе Сингапурской академии права в феврале 2020 г. рекомендовал ввести ограниченное и факультативное право обжалования решений международного арбитража по вопросам права в Сингапурский международный арбитраж, если при этом стороны согласны на такое обжалование, со ссылкой на практический опыт Великобритании⁴. Аргументировано это в том числе тем, что нет достаточных рисков, которые бы указывали, что в результате введения такой возможности Сингапур станет менее привлекательным в качестве места арбитража для участников предпринимательской деятельности. Отмечается, что эмпирические данные не позволяют предположить, что существует какая-либо тесная взаимосвязь между выбором места проведения международного арбитража участниками гражданского оборота и наличием права на обжалование по правовым вопросам.

Вместе с тем возможность подачи апелляции на арбитражное решение по существу будет использоваться недобросовестными участниками гражданского оборота как попытка затянуть приведение в исполнение решения третейского суда, что существенно увеличит сроки рассмотрения дела. При таком варианте развития событий проигравшие стороны смогут подавать апелляции даже в случае, если к тому объективно не имеется достаточных оснований. В итоге это приведет и к нарушению принципа окончательности (поскольку такой процесс рискует затянуться на многие

¹ Курочкин С. А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 22.

² Жильцов А. Н. Оспаривание решений международных коммерческих арбитражей в соответствии с российским законодательством // Вестник международного коммерческого арбитража. 2005. № 1. С. 20; Курочкин Д. В. Несколько комментариев к рекомендациям Президиума ВАС РФ по рассмотрению дел о признании и приведении в исполнение решений международных коммерческих арбитражей и иностранных судебных решений // Там же. 2006. № 3. С. 73; Карабельников Б. Р., Комаров А. С. Практика Федерального арбитражного суда Московского округа по делам, связанным с оспариванием и приведением в исполнение международных арбитражных решений // Вестник международного коммерческого арбитража. 2004. № 4. С. 10.

³ Thirgood R. Appeals in Arbitration: «To Be or Not to Be» // Arbitration: The International Journal of Arbitration, Mediation and Dispute Management. 2021. Vol. 87. № 3. P. 426.

⁴ Report on the Right of Appeal against International Arbitration Awards on Questions of Law // Singapore Academy of Law. URL: <https://www.sal.org.sg/sites/default/files/SAL-LawReform-Pdf/2020-04/2020%20Report%20on%20the%20Right%20of%20Appeal%20against%20International%20Arbitration%20Awards%20on%20Questions%20of%20Law.pdf> (дата обращения: 20.10.2024).

годы), и к нарушению принципа справедливости (потому что добросовестная сторона третейского разбирательства может и не дожидаться своевременного исполнения вынесенного законного арбитражного решения). Да и сама по себе возможность пересмотра арбитражного решения по существу государственным судом противоречит природе арбитража, который изначально задумывался как способ альтернативного разрешения споров.

2. Модель ограниченного контроля над арбитражными решениями

Данная модель распространена в странах континентальной системы права (Франция, Германия, Нидерланды, Россия). Суть ограниченного контроля сводится к тому, чтобы государственные суды удостоверились, что арбитражное решение вынесено при наличии у состава арбитража компетенции, а также при отсутствии существенных процессуальных нарушений. Данная концепция получила большее распространение, чем концепция широкого контроля, в том числе в связи с тем, что именно она закреплена в Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г.

Неоспоримым аргументом в защиту концепции ограничения апелляции является то, что в сущности последняя подрывает основополагающий принцип окончательности третейских решений, который призван ускорить процедуру разбирательства в целях снижения временных и финансовых издержек.

Так, П. Сандерс исходит из того, что полная апелляция арбитражного решения не соответствует намерениям сторон третейского разбирательства, поскольку стороны, заключая арбитражное соглашение, сделали свой выбор в пользу третейского суда¹. Несомненно, в этом есть доля истины, иначе разумные участники гражданского оборота предпочли бы рассматривать свои споры в государственных судах, где, в отличие от третейских судов, предусмотрена возможность пересмотра судебного решения. При данном раскладе нецелесообразно вводить такой же механизм пересмотра по существу, как действующий в системе государственных судов.

Как отмечает Т. Н. Нешатаева, для эффективной совместной работы государственных и третейских судов существенным является механизм контроля соблюдения прав сторон в третейском разбирательстве, который позволял бы учитывать как частные, так и публичные интересы². Таким контролем, по ее мнению, выступает ограниченный контроль над принципиальными вопросами третейского разбирательства. Действительно, в случае нарушения основополагающих норм и принципов, которые входят в систему так называемых «сверхимперативных норм» либо же составляют публичный порядок, у сторон должна быть возможность защитить свои права и отменить незаконное арбитражное решение. Однако стоит учитывать, что такой пересмотр возможен лишь по определенным основаниям, которые действительно затрагивают общепризнанные гарантии участников судебного разбирательства. Во многом такая позиция балансирует между принципом справедливости и принципом окончательности, поскольку, с одной стороны, участники третейского разбирательства могут оспорить решение по мотивам существенных нарушений, возникших при рассмотрении их спора, а с другой – устанавливаются четкие пределы проверки государственным судами арбитражных решений.

3. Концепция отсутствия судебного контроля над арбитражными решениями

Не все ученые разделяют позицию о необходимости оспаривания арбитражного решения по месту третейского разбирательства³. Как отмечает М. А. Попов, оспаривание арбитражного решения по существу дублирует контроль со стороны государственных судов на этапе выдачи исполнительного листа⁴. А. И. Минаков обращает внимание, что в ситуации, когда стороны заключили арбитражное соглашение, госу-

¹ Sanders P. Quo Vadis Arbitration? Sixty Years of Arbitration Practice. The Hague: Kluwer Law International, 1999. P. 320.

² Нешатаева Т. Н. Указ. соч. С. 75.

³ Fouchard P. La portée internationale de l'annulation de la sentence arbitrale dans son pays d'origine // Revue de l'arbitrage. 1997. № 3. P. 329, 351–352.

⁴ Попов М. А. Теоретические и практические проблемы российской модели регулирования деятельности третейских судов: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. С. 18.

дарственные суды могут вмешиваться в деятельность третейских судов только в случае исполнения уже вынесенного арбитражного решения¹.

Как указывает С. А. Курочкин, полное отсутствие механизма судебного контроля над выносимыми арбитражными решениями оказывает неблагоприятное влияние на развитие арбитража². Как и Т. Н. Нешатаева, он полагает, что сотрудничество третейских и государственных судов необходимо для обеспечения прав и законных интересов участников предпринимательской деятельности, а также исполнимости арбитражных решений.

Между тем полное отсутствие возможности оспаривания арбитражного решения по месту его вынесения значительно увеличивает риски при обращении в арбитраж. В таком случае истец, которому третейский суд отказал в удовлетворении его требований, утрачивает право на обжалование арбитражного решения вообще, в то время как ответчик может выдвинуть аргументы против этого решения в рамках процедуры его признания и приведения в исполнение. Указанное положение дел может спровоцировать отток деловых кругов из арбитражной среды, поскольку защита прав и свобод сторон третейского разбирательства – когда они будут нарушены – гарантирована не будет. Мы не можем с абсолютной достоверностью указать, что при рассмотрении спора в арбитраже не возникнет ситуации, когда могут быть нарушены нормы применимого материального либо процессуального права.

Вместе с тем таким образом укрепляется автономность третейских судов как самостоятельного способа альтернативного разрешения споров, независимого от государственных судов. В конце концов отсутствие возможности оспаривания арбитражного решения нивелируется другими безусловными преимуществами арбитража, которые призваны подчеркнуть уверенность сторон в составе арбитров и в том, что их спор будет рассмотрен справедливо и законно: стороны имеют право самостоятельно сформировать состав арбитража, который будет рассматривать их спор.

Исходя из вышеизложенного, сегодня мы не сможем обнаружить государство, в котором полностью отсутствовал бы судебный контроль над выносимыми на его территории арбитражными решениями. Безусловно, это связано с заинтересованностью государств в том, чтобы обеспечить защиту прав и свобод участников третейского разбирательства, а также с обеспокоенностью тем, что на их территории может быть приведено в исполнение несправедливое и незаконное арбитражное решение. Стоит отметить, что более сбалансированной моделью судебного контроля представляется модель ограниченного контроля над арбитражными решениями, при которой государственные суды имеют право проверять такие решения лишь по строго ограниченному кругу вопросов, связанных с общепризнанными принципами и нормами, закрепленными в том числе в Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г., а также в Типовом законе ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 г.³ Вместе с тем достаточно аргументирована и позиция сторонников концепции широкого контроля, если при этом сторонам предоставляется выбор: указывать в арбитражном соглашении на возможность подачи апелляции по правовым вопросам в государственный суд или нет. При отсутствии такого выбора данная концепция представляется неразумной как ограничивающая автономию воли сторон, а также независимость третейских судов.

Список литературы

Брунцева Е. В. Международный коммерческий арбитраж. СПб.: Сентябрь, 2001. 368 с.

Жильцов А. Н. Оспаривание решений международных коммерческих арбитражей в соответствии с российским законодательством // Вестник международного коммерческого арбитража. 2005. № 1. С. 4–23.

Карабельников Б. Р., Комаров А. С. Практика Федерального арбитражного суда Московского округа по делам, связанным с оспариванием и приведением в исполнение международных арбитражных решений // Вестник международного коммерческого арбитража. 2004. № 4. С. 7–33.

¹ Минаков А. И. Арбитражные соглашения и практика рассмотрения внешнеэкономических споров. М.: Юрид. лит., 1985. 144 с.

² Курочкин С. А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика. С. 24.

³ Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже от 21 июня 1985 г.

Курочкин Д. В. Несколько комментариев к рекомендациям Президиума ВАС РФ по рассмотрению дел о признании и приведении в исполнение решений международных коммерческих арбитражей и иностранных судебных решений // Вестник международного коммерческого арбитража. 2006. № 3. С. 66–75.

Курочкин С. А. Теоретические основы контроля за решениями третейских судов и международных коммерческих арбитражей // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 4. С. 44–55.

Курочкин С. А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика. М.: Волтерс Клувер, 2007. 252 с.

Минаков А. И. Арбитражные соглашения и практика рассмотрения внешнеэкономических споров. М.: Юрид. лит., 1985. 144 с.

Нешатаева Т. Н. Третейские и государственные суды // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2001. № 2. С. 69–79.

Попов М. А. Теоретические и практические проблемы российской модели регулирования деятельности третейских судов: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. 156 с.

Решетникова И. В. Основные формы взаимодействия арбитражных и третейских судов // Третейский суд. 2004. № 4. С. 104–110.

Скворцов О. Ю. Третейское разбирательство предпринимательских споров в России. М.: Волтерс Клувер, 2005. 704 с.

Скуратов Ю. И., Кузьминых Н. В. Третейское судопроизводство в России: состояние и перспективы развития // Современное право. 2014. № 10. С. 9–20.

Fouchard P. La portée internationale de l'annulation de la sentence arbitrale dans son pays d'origine // Revue de l'arbitrage. 1997. № 3. P. 329–352.

Goldstein M. J. Annulled Awards in the US Courts: How Primary Is «Primary Jurisdiction»? // Am. Rev. Int'l Arb. 2014. Vol. 25. P. 19–45.

Paulsson J. Arbitration in three dimensions // International & Comparative Law Quarterly. 2011. Vol. 60. № 2. P. 291–323.

Sanders P. Quo Vadis Arbitration? Sixty Years of Arbitration Practice. The Hague: Kluwer Law International, 1999. 451 p.

Scherer M. Effects of Foreign Judgments Relating to International Arbitral Awards: Is the «Judgment Route» the Wrong Road? // Journal of International Dispute Settlement. 2013. Vol. 4. № 3. P. 587–628.

Thirgood R. Appeals in Arbitration: «To Be or Not to Be» // Arbitration: The International Journal of Arbitration, Mediation and Dispute Management. 2021. Vol. 87. № 3. P. 423–440.

William W. P. Why Courts Review Arbitral Awards // Recht der Internationalen Wirtschaft und Streiterledigung im 21. Jahrhundert / ed. by R. Briner, L. Y. Fortier, K. P. Berger, J. Bredow. Köln: Carl Heymanns Verlag KG, 2001. P. 595–606.

References

Bruntseva E. V. (2001) *Mezhdunarodnyi kommercheskii arbitrazh* [International commercial arbitration]. Saint-Petersburg, Sentyabr', 368 p.

Fouchard P. (1997) La portée internationale de l'annulation de la sentence arbitrale dans son pays d'origine. In *Revue de l'arbitrage*, no. 3, pp. 329–352.

Goldstein M. J. (2014) Annulled Awards in the US Courts: How Primary Is «Primary Jurisdiction»? In *Am. Rev. Int'l Arb.*, vol. 25, pp. 19–45.

Karabel'nikov B. R., Komarov A. S. (2004) Praktika Federal'nogo arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga po delam, svyazannym s osparivaniem i privedeniem v ispolnenie mezhdunarodnykh arbitrazhnykh reshenii [The practice of the Federal Arbitration Court of the Moscow District in cases related to the challenge and enforcement of international arbitral awards]. In *Vestnik mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha*, no. 4, pp. 7–33.

Kurochkin D. V. (2006) Neskol'ko kommentariiev k rekomendatsiyam Prezidiuma VAS RF po ras-smotreniyu del o priznanii i privedenii v ispolnenie reshenii mezhdunarodnykh kommercheskikh arbitrazhei i inostrannykh sudebnykh reshenii [A few comments on the recommendations of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation on the consideration of cases on recognition and enforcement of decisions of international commercial arbitration and foreign judgments]. In *Vestnik mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha*, no. 3, pp. 66–75.

Kurochkin S. A. (2009) Teoreticheskie osnovy kontrolya za resheniyami treteiskikh sudov i mezhdunarodnykh kommercheskikh arbitrazhei [Theoretical foundations of control over the decisions of arbitration courts and international commercial arbitrations]. In *Izvestiya vysshihkh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, no. 4, pp. 44–55.

Kurochkin S. A. (2007) *Treteiskoe razbiratel'stvo grazhdanskikh del v Rossiiskoi Federatsii: teoriya i praktika* [Arbitration of civil cases in the Russian Federation: theory and practice]. Moscow, Volters Kluver, 252 p.

- Minakov A. I. (1985) *Arbitrazhnye soglasheniya i praktika rassmotreniya vneshneekonomicheskikh sporov* [Arbitration agreements and the practice of considering foreign economic disputes]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 144 p.
- Neshataeva T. N. (2001) Treteiskie i gosudarstvennye sudy [Arbitration and state courts]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, no. 2, pp. 69–79.
- Paulsson J. (2011) Arbitration in three dimensions. In *International & Comparative Law Quarterly*, vol. 60, no. 2, pp. 291–323.
- Popov M. A. (2002) *Teoreticheskie i prakticheskie problemy rossiiskoi modeli regulirovaniya deyatel'nosti treteiskikh sudov: dis. ... kand. yurid. nauk* [Theoretical and practical problems of the Russian model of regulation of the activities of arbitration courts: a candidate of legal sciences thesis]. Saint-Petersburg, 156 p.
- Reshetnikova I. V. (2004) Osnovnye formy vzaimodeystviya arbitrazhnykh i treteiskikh sudov [The main forms of interaction between arbitration and arbitration courts]. In *Treteiskii sud*, no. 4, pp. 104–110.
- Sanders P. (1999) *Quo Vadis Arbitration? Sixty Years of Arbitration Practice*. The Hague, Kluwer Law International, 451 p.
- Scherer M. (2013) Effects of Foreign Judgments Relating to International Arbitral Awards: Is the «Judgment Route» the Wrong Road? In *Journal of International Dispute Settlement*, vol. 4, no. 3, pp. 587–628.
- Skuratov Yu. I., Kuz'minykh N. V. (2014) Treteiskoe sudoproizvodstvo v Rossii: sostoyanie i perspektivy razvitiya [Arbitration proceedings in Russia: the state and prospects of development]. In *Sovremennoe pravo*, no. 10, pp. 9–20.
- Skvortsov O. Yu. (2005) *Treteiskoe razbiratel'stvo predprinimatel'skikh sporov v Rossii* [Arbitration of business disputes in Russia]. Moscow, Volters Kluver, 704 p.
- Thirgood R. (2021) Appeals in Arbitration: «To Be or Not to Be». In *Arbitration: The International Journal of Arbitration, Mediation and Dispute Management*, vol. 87, no. 3, pp. 423–440.
- William W. P. (2001) Why Courts Review Arbitral Awards. In Briner R., Fortier L. Y., Berger K. P., Bredow J. (Eds.) *Recht der Internationalen Wirtschaft und Streiterledigung im 21. Jahrhundert*. Köln, Carl Heymanns Verlag KG, pp. 595–606.
- Zhil'tsov A. N. (2005) Osparivanie reshenii mezhdunarodnykh kommercheskikh arbitrazhei v sootvetstvi s rossiiskim zakonodatel'stvom [Challenging decisions of international commercial arbitrations in accordance with Russian law]. In *Vestnik mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha*, no. 1, pp. 4–23.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.03.2025

Дата принятия рукописи в печать: 25.11.2025

УДК / UDC 340

DOI: 10.34076/22196838_2025_6_80

**ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ МОНОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ С. С. АЛЕКСЕЕВА****Рец. на кн.: Семитко А. П. Учение С. С. Алексеева о праве:
краткая научная биография. – Екатеринбург:
Гуманитарный ун-т, 2024. – 805 с.****Архипов Сергей Иванович**

Профессор кафедры теории государства и права
Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург), приглашенный профессор Университета «Париж-Нантер» (Париж, Франция),
доктор юридических наук, ORCID: 0000-0003-0154-5494, e-mail: arhip10@mail.ru.

Для цитирования: Архипов С. И. Фундаментальное монографическое исследование творческого наследия С. С. Алексеева. Рец. на кн.: Семитко А. П. Учение С. С. Алексеева о праве: краткая научная биография. – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2024. – 805 с // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 6. С. 80–87. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_6_80.

**A FUNDAMENTAL MONOGRAPHIC STUDY
OF THE CREATIVE HERITAGE OF S. S. ALEKSEEV
Book review: Semitko A. P. S. S. Alekseev's Doctrine of Law:
a brief scientific biography. – Yekaterinburg:
Humanitarian University, 2024. – 805 p.****Arkhipov Sergey**

Professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg),
visiting professor, Paris Nanterre (Paris, France), doctor of legal sciences,
ORCID: 0000-0003-0154-5494, e-mail: arhip10@mail.ru.

For citation: Arkhipov S. (2025) A fundamental monographic study of the creative heritage of S. S. Alekseev. Book review: Semitko A. P. S. S. Alekseev's Doctrine of Law: a brief scientific biography. – Yekaterinburg: Humanitarian University, 2024. – 805 p. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 6, pp. 80–87, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_6_80

Труды выдающегося российского правоведа С. С. Алексеева давно стали предметом изучения российских и зарубежных юристов, однако монографических исследований, в которых системно, глубоко анализируются весь его творческий путь, научное наследие, еще не было. Первая монография, где эта задача была поставлена и успешно выполнена, – работа профессора Гуманитарного университета, доктора юридических наук, лауреата премии им. С. С. Алексеева «За заслуги в юриспруденции» А. П. Семитко «Учение С. С. Алексеева о праве: краткая научная биография». Алексей Павлович скромно назвал свой 805-страничный труд «краткой научной биографией», на деле же это весьма основательное, фундаментальное исследование долгого пути «восхождения к праву» его научного руководителя, профессора С. С. Алексеева.

Монография состоит из трех частей: первая – анализ граней личности С. С. Алексеева, основных вех его жизненного пути; вторая – советский период научного творчества; третья – постсоветский, «кантианский» период. В первой части исследуются архивные материалы, письма, воспоминания самого С. С. Алексеева, его родных и близких, опубликованные им мемуары, интервью, а также биографические очерки коллег,

соратников основателя уральской школы теории права. Из разрозненных фрагментов, отдельных биографических «штрихов» автору монографии удалось сформировать целостный портрет выдающегося человека, правоведа, реформатора, государственного деятеля. Биография ученого, как справедливо отмечает А. П. Семитко, позволяет понять его ценностные ориентиры, жизненную устремленность, поставленные и осуществленные им цели, более того, объяснить причины появления его научных идей¹. При этом особая роль в процессе формирования человеческих качеств, нравственной основы личности С. С. Алексеева, как полагает автор монографии, принадлежала его семье, родителям. От них он унаследовал человеколюбие, интеллигентность, доброжелательность, отзывчивость, порядочность. Жизненные испытания, невзгоды, тяготы войны не только не разрушили заложенный в детстве нравственный фундамент, но лишь укрепили его. Очень лаконично и точно, одной фразой, описал С. С. Алексеева его ученик, профессор Б. М. Гонгало: «Великий человек, великий гражданин»².

Важная «деталь» в характеристике Сергея Сергеевича как ученого – его стиль, манера общения с коллегами. А. П. Семитко отмечает, что сегодня для нас, нашей науки представляет особую ценность его «бесспорное уважение к взглядам оппонентов; акцентирование внимания на предложенных ими позитивных моментах, в том числе на сильных критических аргументах, направленных против своих сторонников, – аргументах, с которыми следовало бы согласиться; поиск совпадающих положений в оппозиционных концепциях; поддержка общего критического настроения по отношению к любым концепциям, разрабатываемым в науке; признание в ряде случаев критики в свой адрес и отсутствие претензий на истину в последней инстанции»³. От себя добавим, С. С. Алексеевым была создана уникальная для советского времени творческая «атмосфера», «дух» свободы и доброжелательного отношения между членами кафедры. Он при обсуждении научных проблем никогда не навязывал коллегам свою позицию, на заседаниях кафедры сначала давал слово аспирантам, молодым преподавателям, затем доцентам, профессорам, в конце подводил итоги дискуссии.

Во второй части своей работы А. П. Семитко исследует труды С. С. Алексеева советского периода, при этом отмечает то обстоятельство, что они написаны в русле системного подхода. Однако если в монографиях «Механизм правового регулирования в социалистическом государстве»⁴ (1966) и «Структура советского права»⁵ (1975) автор данных произведений ссылаясь на представителей системного подхода, то в более ранних публикациях⁶ таких ссылок нет и не могло быть, поскольку в этот период системный подход еще только формируется, тем не менее, как верно замечает А. П. Семитко, в них реализуются основные принципы такого подхода.

Развивая мысль автора «Учения» о парадигмальных основаниях научных исследований, можно предположить, что причина такого «опережающего время» системного анализа права С. С. Алексеевым заключается в том, что задолго до системного подхода еще в середине XIX в. сначала в немецкой, а затем в российской дореволюционной юридической науке сформировался *систематический метод* исследования. Родоначальником этого метода был Ф. К. Савиньи, суть его заключалась в познании и изложении внутренней связи, «благодаря которой отдельные правовые понятия и правовые нормы объединяются в одно великое Единство... В разнообразной живой действительности все правоотношения образуют Одно органическое Целое, мы вынуждены расчленять его на элементы, чтобы они последовательно дошли до нашего сознания и были переданы Другим»⁷. Ф. К. Савиньи рассматривал право «как неза-

¹ Семитко А. П. Учение С. С. Алексеева о праве: краткая научная биография. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2024. С. 16.

² Там же. С. 32. По мнению В. Б. Исакова, «это был исключительно честный человек и в жизни, и в науке» (Там же. С. 35).

³ Семитко А. П. Учение С. С. Алексеева о праве: краткая научная биография. С. 177.

⁴ Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. С. 4.

⁵ Алексеев С. С. Структура советского права // Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Статут, 2010. Т. 2: Специальные вопросы правоведения. С. 8–10.

⁶ Алексеев С. С. О теоретических основах классификации отраслей советского права // Советское государство и право. 1957. № 7. С. 99–107; Его же. Общие теоретические проблемы системы советского права. М.: Госюриздат, 1961.

⁷ Савиньи Ф. К. Система современного римского права // Савиньи Ф. К. Система современного римского права: в 8 т. Т. 1. М.: Статут, 2011. С. 267–268. А. П. Семитко в своей работе также подчеркивает

висимое „Целое, упорядоченное согласно принципам“, т. е. принципиальное в себе»¹. Р. Иеринг отмечал, что этот метод утвердился в юридической науке, является «большим прогрессом», его успешное применение «представляет собой самую трудную задачу современной юриспруденции»².

Г. Ф. Пухта, Р. Иеринг, а также российские дореволюционные юристы развили идею и метод Ф. К. Савиньи, установили основы целостности права («идея права», принципы права – Г. Ф. Пухта, цель права – Р. Иеринг, «дух» права – Ф. К. Савиньи и его последователи), состав элементов, их функции, связи между ними, значение для системы права психологических факторов, «чувства права», «правовых эмоций» (Р. Иеринг, Л. И. Петражицкий), связей строения (относимых правоведами к «анатомии права»), функциональных связей («физиология права»), связей происхождения («генезис права», «генеалогия понятий»), особую роль в системе права логических построений, нормативных конструкций, правовых институтов и т. д.³ На этом прочном фундаменте + идеи основоположников системного подхода, на наш взгляд, С. С. Алексееву удалось создать свою главную теоретическую конструкцию – механизм правового регулирования. А. П. Семитко прав, что это был мощный прорыв с точки зрения системного осмысления права, новая ступень в развитии теории права. Теоретическое «древо», созданное российским правоведом, оказалось значительно мощнее, величественнее, чем то еще не сформировавшееся, незрелое учение о системном подходе, которое было в период создания МПР (1966).

Системный анализ права был продолжен С. С. Алексеевым в работах «Структура советского права», «Общие дозволения и общие запреты в советском праве», а также в его курсах «Общая теория социалистического права», «Проблемы теории права», «Общая теория права». В них он глубоко, обстоятельно исследовал внутреннюю организацию, устройство правовой сферы, закономерные связи правовых элементов. Предметом изучения была не только главная структура права (нормы, правовые институты, отрасли права), но и субинституты, подотрасли, ассоциации норм, объединения институтов, отраслей, феномен «удвоения структуры права», комплексные образования в праве, логические нормы, правовые конструкции, общие дозволения, общие запреты и т. д. В результате исследования Сергей Сергеевич пришел к выводу, что право – это многоуровневая, «многослойная» система, которая в своем развитии стремится к состоянию органической целостности, но при этом едва ли сможет достичь этого состояния.

Обзор советского периода творчества С. С. Алексеева автор «Учения» завершает анализом монографии, которая, по его мнению, «является исключением из первого, специально-юридического, этапа»⁴, – «Социальная ценность права в советском обществе» (1971). Речь идет о том, что российский правовед переходит от технико-юридических проблем к фундаментальным философско-правовым, к исследованию ценностных основ и социальной «полезности» права. По его мнению, право «должно быть признано в качестве *социального блага*», оно есть «своеобразный социальный „капитал“, то, что нужно с максимальной эффективностью использовать, „пускать в дело“ для решения наших задач»⁵. А. П. Семитко акцентирует внимание читателей на идеях ученого: об общечеловеческом содержании права (с. 338), о повышении его роли в жизни общества (с. 343), подлинном развитии его гуманистических принципов (с. 345), праве как факторе социального прогресса (с. 346), источнике и гаранте социальной свободы (с. 366–367), о самостоятельной ценности субъективного права (с. 388–392), об утверждении посредством права социальной ценности личности

особое значение метода Ф. К. Савиньи для юридической науки (Семитко А. П. Учение С. С. Алексеева о праве: краткая научная биография. С. 245–246).

¹ Рюккерт И. Предисловие к русскому изданию «Системы современного римского права» Ф. К. фон Савиньи // Савиньи Ф. К. Система современного римского права. Т. 1. С. 250.

² Иеринг Р. Историческая школа юристов // Там же. С. 90.

³ Подробнее см.: Архипов С. И. Система права: зарождение и развитие теории. Часть 1. Представления о системе права в немецкой исторической и реалистической школах права и в российской дореволюционной юридической науке // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 4. С. 5–18. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_4_5.

⁴ Семитко А. П. Учение С. С. Алексеева о праве: краткая научная биография. С. 334.

⁵ Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М.: Юрид. лит., 1971. С. 38.

(с. 408–411). Он отмечает, что уже в советское время С. С. Алексеев вышел за рамки юридического позитивизма, «зложил основы гуманистической трактовки права»¹.

Второй (постсоветский, «кантианский») период творчества С. С. Алексеева автор монографического исследования связывает с распадом СССР и формированием современной российской государственности. Это сложный этап критического переосмысления сформировавшихся в советскую эпоху представлений ученого о праве, государстве, системе социального переустройства, а также его активной правотворческой, государственно-реформаторской деятельности. В рамках второго творческого периода А. П. Семитко особое внимание уделяет следующим работам С. С. Алексеева: «Теория права» (1993, 1995), «Философия права» (1997), «Самое святое, что есть у Бога на земле: Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху» (1998), «Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования» (1999), «Право на пороге нового тысячелетия. Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи» (2000), «Восхождение к праву» (2001, 2002).

В монографии «Теория права» С. С. Алексеев рассматривал право как «гуманистическое явление»², основываясь при этом на либеральных воззрениях известных российских дореволюционных правоведов: Б. Чичерина, П. Новгородцева, Б. Кистяковского, И. Покровского, Л. Петражицкого, И. Михайловского, С. Гессена и др. Историческая миссия права, по мнению российского ученого, – быть хранителем, выразителем свободы личности. А. П. Семитко справедливо отмечает, что для С. С. Алексеева главный ориентир в праве – человек, его естественные, неотчуждаемые права. Исконная природа права заключается в том, что оно призвано выступать носителем высших начал и ценностей цивилизации. Основатель уральской школы теории права отстаивал идею, что конечной целью должно быть не правовое государство, надо смотреть шире – «правовое общество, или общество Права»³.

В данной работе он выделял несколько ступеней правового развития (правового прогресса). Право гражданского общества – «это высшая на современной стадии развития цивилизации ступень позитивного права, наиболее сблизившаяся с естественным правом. Его базис образуют прирожденные права человека»⁴. Позднее (в монографии «Восхождение к праву») российский правовед в качестве альтернативы «историческому типу права» предложил выделять «исторические эпохи права». Первая эпоха – запретительно-предписывающее право (эпоха, характерная для традиционных цивилизаций); вторая – дозволительное право (характерна для демократических, либеральных цивилизаций). Размышляя о правовом будущем России, С. С. Алексеев в качестве ключевого пункта социально-правовых преобразований отмечал необходимость процесса «очеловечения» права, выделяя при этом три конкретные задачи: 1) воссоздание частного права; 2) закрепление и реальное осуществление общепризнанных прав и свобод человека; 3) резкое повышение роли суда в жизни общества⁵.

Постсоветский период научного творчества С. С. Алексеева автор монографического исследования определяет как философско-правовой⁶. Надо отметить, что для российского правоведа философия права – это не «оторванное от земли» абстрактное учение, а настоящая наука «о праве в жизни людей, в человеческом бытии»⁷, о предназначении права, о системе правовых ценностей. Поскольку в своем понимании права С. С. Алексеев в этот период опирался на идеи И. Канта, то данный этап автор «Учения» предлагает именовать также «кантианским»⁸ (первый – марксистский). Одна из главных целей научного творчества ученого в указанное время – поиск глубинной основы, сущностной идеи права, на которой должна базироваться система правовых норм. Такой ключевой правовой идеей для С. С. Алексеева стала идея есте-

¹ Семитко А. П. Учение С. С. Алексеева о праве: краткая научная биография. С. 346; Его же. Сергей Сергеевич Алексеев о социальной ценности права // Социальная ценность права в современном обществе. VI Алексеевские чтения / отв. ред. В. Д. Перевалов. Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2021. С. 6–25.

² Семитко А. П. Учение С. С. Алексеева о праве: краткая научная биография. С. 424.

³ Алексеев С. С. Теория права. М.: БЕК, 1995. С. 108.

⁴ Там же. С. 131.

⁵ Там же. С. 307–309.

⁶ Семитко А. П. Учение С. С. Алексеева о праве: краткая научная биография. С. 451.

⁷ Алексеев С. С. Философия права. М.: Норма, 1997. С. 2.

⁸ Семитко А. П. Учение С. С. Алексеева о праве: краткая научная биография. С. 455.

ственного права в кантовском ее понимании, на ней формировалась его философия гуманистического права. Учитывая потенциал кантовского учения о праве, его непреходящую ценность и актуальность для юридической науки, российский правовед призывал юридическую общественность идти «вперед к Канту»¹.

Отдельное внимание в монографии А. П. Семитко уделяется проблеме возрождения частного права в России, анализу работ С. С. Алексеева по этой проблеме (глава 13). Для российского правоведа деление права на частное и публичное имело концептуальный характер. Различия, существующие между ними, не внешние, а содержательные, сущностные: «Перед нами под одной и той же рубрикой – „право“ – два разных юридических мира, если угодно, две разные *юридические галактики*, и как раз одна из них называется „публичное право“, а другая – „частное право“»². Частное право для С. С. Алексеева – это обитель свободы, она (свобода) здесь «раскрывается в чистом виде и истинном значении»³. При этом все право есть явление публично-го порядка, поэтому понятие «публичное» надо понимать в узком значении. Частное право не имеет силы без публичного права, они – две стороны одного целого. Для С. С. Алексеева, как и для И. Канта, исторически первичным, исходным элементом, «юридической галактикой» было частное право. Он акцентировал внимание на его особой миссии, которая заключается в том, чтобы быть носителем цивилизованной свободы, а также мощным средством объединения людей. Если публичное право разделяет государства, нации, народы, то частное право, напротив, соединяет, сплачивает их, оно есть основа социальной интеграции.

В монографии А. П. Семитко также подробно анализируются идеи С. С. Алексеева, сформулированные им в работе «Право на пороге нового тысячелетия. Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи» (2000). Война в Югославии, конфликт в Чечне оценивались российским правоведом как великая драма, «рана в праве», как социально-правовой регресс. На рубеже тысячелетий вновь развернулась борьба реакционных и прогрессивных сил за правовое будущее, за идеалы свободы, права человека. Несмотря на негативную тенденцию, которая возникла в конце второго тысячелетия, российский правовед был убежден, что кризис будет преодолен, он даст новый толчок к социально-правовому развитию человечества. Поправление прав человека отдельными государствами неизбежно вызовет ответную реакцию, признание их во всем мировом сообществе, обретение ими действительной юридической силы. Существующая нормативно-правовая система рано или поздно, как полагал С. С. Алексеев, должна стать «правом человека», служить ему, его интересам. У правовой «материи» есть собственная логика развития, она «ведет» право как явление рационального порядка к обеспечению свободы человека, духовной личности, в этом ученый видел смысл цивилизации. Сергей Сергеевич призывал к созданию всеобщей, наднациональной теории правоведения, способствующей «реализации гуманитарных ценностей высокого порядка»⁴.

Итогом многолетней творческой деятельности С. С. Алексеева, по мнению А. П. Семитко, стала работа «Восхождение к праву. Поиски и решения»⁵. В ней не просто объединены в целостную систему прежние представления ученого по проблемам юридической догматики, теории и философии права, но «с учетом новых материалов (основанных на современных философских данных)» сделана попытка «выйти через анализ самой правовой материи на новый уровень науки»⁶. Ориентируясь на естественные и технические науки, правовая теория должна стремиться к тому, чтобы стать действительной, «истинной» наукой, в основе которой лежит реальная правовая

¹ Алексеев С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М.: Норма, 1998. С. 405.

² Алексеев С. С. Частное право: научно-публицистический очерк (1999) // Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7: Философия права и теория права. С. 346.

³ Там же. С. 351.

⁴ Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия. Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи (2000) // Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5: Линия права. Отдельные проблемы концепции. С. 543.

⁵ Семитко А. П. Учение С. С. Алексеева о праве: краткая научная биография. С. 612.

⁶ Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения (2002) // Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6: Восхождение к праву. С. 69.

почва, внутренние законы функционирования правовой сферы. Она не должна быть «подсобной», сугубо технической дисциплиной, «призванной обслуживать власть»¹. Российский правовед исходил из того, что позитивное право – это объективная реальность, у которой «собственная жизнь», исследование этой реальности – первая и обязательная ступень юридической науки.

В монографическом исследовании А. П. Семитко подробно анализируется процесс теоретического «восхождения», совершенного С. С. Алексеевым: юридическая догматика – общая (инструментальная) теория права – философия права. Справедливо отмечается глубина проработки каждого элемента, каждой ступени, органичный переход от аналитического изучения отдельных элементов правовой материи к синтезу, к осмыслению права как целостности, особой системы, ее уникальных свойств, далее – к осознанию социальной роли, «миссии» права, его ценности, значения в обществе, а также к выявлению закономерностей правового развития, «линии» социально-правового прогресса. Одна из главных задач, которая была поставлена С. С. Алексеевым и в значительной степени решена им, – преодоление существующего разрыва между юридическим позитивизмом с одной стороны и философией права – с другой, в целях создания единой науки права. Результатом творческого процесса стало соединение видимой «плоти», «тела» права (норм, законов, судебных решений) с его скрытым «духом», «идеями» права.

Проделанный автором «Учения» анализ основного труда российского правоведа позволяет читателям оценить не только достоинства данного произведения, фундаментальные идеи, содержащиеся в нем, но и в целом осмыслить творческий путь ученого и его главный итог – то великое наследие, научный «капитал», который он оставил нам. В связи с этим вполне обоснованным представляется вопрос, адресованный А. П. Семитко юридической общественности: «Как грамотно и заботливо им распорядиться»². Конечно, изучать, осваивать идеи С. С. Алексеева, транслировать их новым поколениям юристов, развивать с учетом современных реалий и т. д. Но при этом важно кроме «чистой» науки не забывать о нравственной сути его учения, о его гуманистическом «заряде» и бескомпромиссной гражданской позиции. Для нас Сергей Сергеевич был и остается не только великим ученым, государственным деятелем, реформатором, но и великим гражданином, до конца своих дней отстаивавшим правовые идеалы, высшую ценность права.

Список литературы

Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения (2002) // Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Статут, 2010. Т. 6: Восхождение к праву. С. 7–557.

Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. 187 с.

Алексеев С. С. О теоретических основах классификации отраслей советского права // Советское государство и право. 1957. № 7. С. 99–107.

Алексеев С. С. Общие теоретические проблемы системы советского права. М.: Госюриздат, 1961. 188 с.

Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия. Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи (2000) // Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Статут, 2010. Т. 5: Линия права. Отдельные проблемы концепции. С. 295–548.

Алексеев С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М.: Норма, 1998. 416 с.

Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М.: Юрид. лит., 1971. 224 с.

Алексеев С. С. Структура советского права // Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Статут, 2010. Т. 2: Специальные вопросы правоведения. С. 8–224.

Алексеев С. С. Теория права. М.: БЕК, 1995. 320 с.

Алексеев С. С. Философия права. М.: Норма, 1997. 336 с.

Алексеев С. С. Частное право: научно-публицистический очерк (1999) // Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Статут, 2010. Т. 7: Философия права и теория права. С. 321–444.

¹ Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения (2002). С. 8.

² Семитко А. П. Учение С. С. Алексеева о праве: краткая научная биография. С. 767. См. также: Семитко А. П. Научное наследие С. С. Алексеева: его сохранение и развитие // Теоретическая юриспруденция: традиции, современность, перспективы. Алексеевские чтения: сб. тр. конф., Екатеринбург, 19 сентября 2015 г. / отв. ред. В. Д. Перевалов. Екатеринбург: Изд. дом Урал. гос. юрид. ун-та, 2015. Вып. 2. С. 8–22.

Архипов С. И. Система права: зарождение и развитие теории. Часть 1. Представления о системе права в немецкой исторической и реалистической школах права и в российской дореволюционной юридической науке // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 4. С. 5–18. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_4_5.

Иеринг Р. Историческая школа юристов // Савиньи Ф. К. Система современного римского права: в 8 т. Т. 1. М.: Статут, 2011. С. 73–101.

Рюккерт И. Предисловие к русскому изданию «Системы современного римского права» Ф. К. фон Савиньи // Савиньи Ф. К. Система современного римского права: в 8 т. Т. 1. М.: Статут, 2011. С. 248–254.

Савиньи Ф. К. Система современного римского права // Савиньи Ф. К. Система современного римского права: в 8 т. Т. 1. М.: Статут, 2011. С. 247–499.

Семитко А. П. Научное наследие С. С. Алексеева: его сохранение и развитие // Теоретическая юриспруденция: традиции, современность, перспективы. Алексеевские чтения: сб. тр. конф., Екатеринбург, 19 сентября 2015 г. / отв. ред. В. Д. Перевалов. Екатеринбург: Изд. дом Урал. гос. юрид. ун-та, 2015. Вып. 2. С. 8–22.

Семитко А. П. Сергей Сергеевич Алексеев о социальной ценности права // Социальная ценность права в современном обществе. VI Алексеевские чтения / отв. ред. В. Д. Перевалов. Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2021. С. 6–25.

Семитко А. П. Учение С. С. Алексеева о праве: краткая научная биография. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2024. 805 с.

References

Alekseev S. S. (1957) O teoreticheskikh osnovakh klassifikatsii otraslei sovetskogo prava [On the theoretical foundations of the classification of branches of Soviet law]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 7, pp. 99–107.

Alekseev S. S. (1961) *Obshchie teoreticheskie problemy sistemy sovetskogo prava* [General theoretical problems of the Soviet law system]. Moscow, Gosyurizdat, 188 p.

Alekseev S. S. (1966) *Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskoy gosudarstve* [The mechanism of legal regulation in a socialist state]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 187 p.

Alekseev S. S. (1971) *Sotsial'naya tsennost' prava v sovetskom obshchestve* [The social value of law in Soviet society]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 224 p.

Alekseev S. S. (1995) *Teoriya prava* [Theory of law]. Moscow, BEK, 320 p.

Alekseev S. S. (1997) *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow, Norma, 336 p.

Alekseev S. S. (1998) *Samoe svyatoe, chto est' u Boga na zemle. Immanuel Kant i problemy prava v sovremennuyu epokhu* [The Holiest Thing God Has on Earth. Immanuel Kant and Problems of Law in the Modern Epoch]. Moscow, Norma, 416 p.

Alekseev S. S. (2010) *Chastnoe pravo: nauchno-publitsisticheskii ocherk (1999)* [Private law: a scientific and publicistic essay (1999)]. In Alekseev S. S. *Sobranie sochinenii: v 10 t. T. 7: Filosofiya prava i teoriya prava*. Moscow, Statut, pp. 321–444.

Alekseev S. S. (2010) *Pravo na poroge novogo tysyacheletiya. Nekotorye tendentsii mirovogo pravovogo razvitiya – nadezhda i drama sovremennoi epokhi (2000)* [Law on the threshold of the new millennium. Some trends of global legal development – hope and drama of the modern era (2000)]. In Alekseev S. S. *Sobranie sochinenii: v 10 t. T. 5: Liniya prava. Otdel'nye problemy kontseptsii*. Moscow, Statut, pp. 295–548.

Alekseev S. S. (2010) *Struktura sovetskogo prava* [The structure of Soviet law]. In Alekseev S. S. *Sobranie sochinenii: v 10 t. T. 2: Spetsial'nye voprosy pravovedeniya*. Moscow, Statut, pp. 8–224.

Alekseev S. S. (2010) *Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya (2002)* [The Ascent to Law. Searches and Solutions (2002)]. In Alekseev S. S. *Sobranie sochinenii: v 10 t. T. 6: Voskhozhdenie k pravu*. Moscow, Statut, pp. 7–557.

Arkhipov S. I. (2023) Sistema prava: zarozhdenie i razvitie teorii. Chast' 1. Predstavleniya o sisteme prava v nemetskoj istoricheskoy i realisticheskoy shkolakh prava i v rossijskoy dorevolutsionnoy yuridicheskoy nauke [The legal system: origin and development of the theory. Part 1. Ideas about the system of law in the German historical and realistic schools of law and in the Russian pre-Revolutionary legal science]. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomy zhurnalu»*, no. 4, pp. 5–18, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_4_5.

Iering R. (2011) Istoricheskaya shkola yuristov [The Historical School of Jurists]. In Savigni F. K. *Sistema sovremennogo rimskogo prava: v 8 t.* Moscow, Statut, vol. 1, pp. 73–101.

Ryukkert I. (2011) Predislovie k russkomu izdaniyu «Sistemy sovremennogo rimskogo prava» F. K. fon Savigni [Preface to the Russian Edition of F.K. von Savigny's «System of Modern Roman Law»]. In Savigni F. K. *Sistema sovremennogo rimskogo prava: v 8 t.* Moscow, Statut, vol. 1, pp. 248–254.

Savigni F. K. (2011) Sistema sovremennogo rimskogo prava [System of Modern Roman Law]. In Savigni F. K. *Sistema sovremennogo rimskogo prava: v 8 t.* Moscow, Statut, vol. 1, pp. 247–499.

Semitko A. P. (2015) *Nauchnoe nasledie S. S. Alekseeva: ego sokhranenie i razvitie* [The scientific heritage of S. S. Alekseev: its preservation and development]. In Perevalov V. D. (Ed.) *Teoreticheskaya yurisprudentsiya: traditsii, sovremennost', perspektivy. Alekseevskie chteniya: conference papers*. Yekaterinburg, Izdatel'skii dom Ural'skogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta, is. 2, pp. 8–22.

Semitko A. P. (2021) *Sergei Sergeevich Alekseev o sotsial'noi tsennosti prava* [Sergei Sergeevich Alekseev on the Social Value of Law]. In Perevalov V. D. (Ed.) *Sotsial'naya tsennost' prava v sovremennom obshchestve. VI Alekseevskie chteniya*. Yekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi yuridicheskii universitet, pp. 6–25.

Semitko A. P. (2024) *Uchenie S. S. Alekseeva o prave: kratkaya nauchnaya biografiya* [S. S. Alekseev's Doctrine of Law: a brief scientific biography]. Yekaterinburg, Gumanitarnyi universitet, 805 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.07.2025

Дата принятия рукописи в печать: 25.11.2025

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»

Свидетельство о госрегистрации СМИ ЭЛ № ФС 77-41478 выд. Роскомнадзор РФ 28.07.2010 г.
Маркировке не подлежит согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, ч. 4 ст. 11 ФЗ от 29.12.2010 г. N 436-ФЗ

Редакторы О. Ю. Петрова, Ю. В. Тельминова
Дизайн обложки С. Е. Шеметова
Компьютерная верстка И. В. Яцюк

Подписано к использованию 29.12.25.
Уч.-изд. л. 11,57. Объем 2,37 МВ

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают
с точкой зрения редакции

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207
Корреспонденцию и статьи направляйте по адресу:
620137 Екатеринбург ул. Комсомольская д. 21, УрГЮУ
Редакция «Российского юридического журнала».

Тел./факс (343) 375-54-20.
E-mail: ruzh@usla.ru.
electronic.ruzh.org